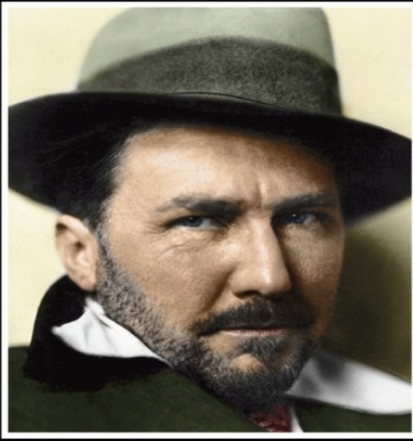
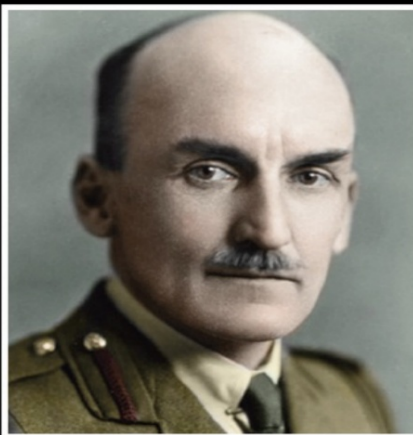
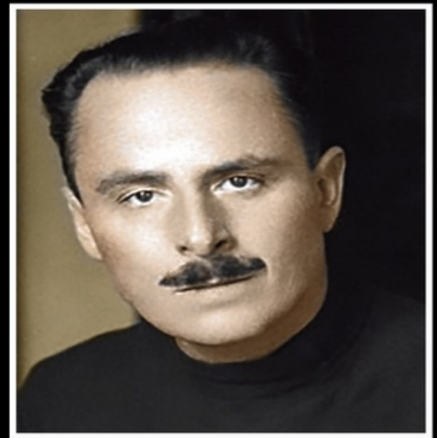
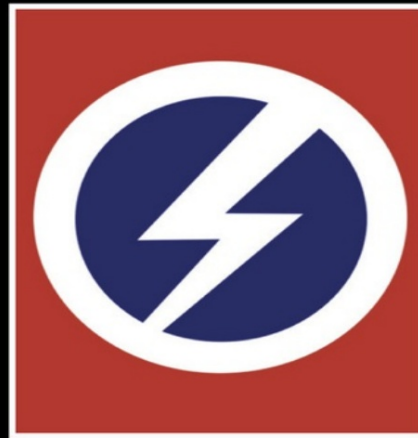

FASCIST VOICES

ESSAYS FROM THE
'FASCIST QUARTERLY' 1936-1940

Volume One

Фашистские голоса

Очерки из «Фашистского ежеквартального журнала» 1936–1940 гг.

Том первый

Фашистские голоса

Очерки из «Фашистского ежеквартального журнала» 1936–1940 гг.

Том первый

Авторское право © 2019 Sanctuary Press Ltd.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой-либо форме электронными или механическими средствами, включая фотокопирование, запись или хранение и извлечение информации, без письменного разрешения издателя.

Sanctuary Press Ltd
71-75 Шелтон-стрит
Ковент-Гарден
Лондон WC2H 9JQ

www.sanctuarypress.com

Электронная почта: info@sanctuarypress.com

ФАШИСТСКИЕ ГОЛОСА - ТОМ ПЕРВЫЙ

В этом издании представлены эссе:

Джон Беккет

Джеймс Дреннан

Нора Элам

Генерал Франко

Генерал-майор Дж. Ф. К. Фуллер Йозеф

Геббельс Дж. К. Хейдон

Макс Хангер

Джориан Дженкс

Уильям Джойс

Доктор Роберт Лей

Фрэнсис Макевой Сэр

Освальд Мосли Эзра

Паунд Видкун Квислинг

Альфред

Розенберг Артур Рид

Энн Зеелиг-Томанн Клод

Саттон Александр

Рэйвен Томсон А. Юсуф Али

Оглавление

[Фашистские голоса](#)

[Философия фашизма сэра Освальда Мосли Германия и ее женщины](#)

[Анны Зелиг-Томанн Что такое социализм? Йозефа Геббельса Мировая](#)

[философия и внешняя политика Альфреда Розенберга](#)

[Фашизм, женщины и демократия Норы Элам Драгоценные акры Йориана Дженкса](#)

[Берхтесгаден Гитлера — идиллия Новой Германии Джоан Морган](#)

[Северная всемирная федерация Видкуна](#)

[Квислинга Интерпретация фашизма Клода Саттона Война в Испании генерал-майора Дж.](#)

[Ф. К. Фуллера Речь генерала Франко к экономической ортологии](#)

[Эзры Паунда Причины спада А. Рейвена Томсона Преданная](#)

[революция Эзры Паунда Марксизм — учение об упадке Фрэнсиса](#)

[Макевой Враг — либерализм Дж.](#)

[К. Хейдона Томас Карлейль — национал-социалист Уильям Джойс](#)

[Уильям Моррис — национал-социалист Артура Рида](#)

[Еврейский миф «Скептика»](#)

[Мусульманский мир и Палестина, А. Юсуф Али Фашизм и](#)

[диалектика, А. Рейвен Томсон Лишенные наследства, Фрэнсис](#)

[Макевой Корпоративная экономика, А. Рейвен Томсон](#)

[Нацистское движение в перспективе, Джеймс Дреннан](#)

[Социал-демократия в упадке, Джон Беккет Фашизм и война, генерал-](#)

[майор Дж. Ф. К. Фуллер Вперед к фашизму, Освальд Мосли](#)

[Сила через радость, д-р Роберт Лей Немецкая зимняя спасательная](#)

[операция, Макс Хангер](#)

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

Философия фашизма сэра Освальда Мосли

Лекция, прочитанная сэром Освальдом Мосли в Союзе англоговорящих в среду, 22 марта 1933 года.

О Ваши оппоненты утверждают, что фашизм не имеет исторического контекста или философии, и сегодня моя задача – показать, что фашизм имеет глубокие исторические корни и подкреплён одними из самых прекрасных полётов спекулятивного ума. Я, конечно, понимаю, что в ежедневных газетах не так много философских тем, связанных с нашей деятельностью, и, когда вы прочли, что я должен был выступить с лекцией «Философия фашизма», многие из вас, вероятно, спросили: «Какое отношение этот гангстер имеет к философии?» Однако, надеюсь, вы поверите, что эти великие зеркала общественного сознания не всегда дают точное отражение, и хотя вы читаете только о наиболее волнующих моментах нашего прогресса, есть и другие моменты, обладающие глубиной мысли и конструктивной концепцией. До сих пор, в какой-то степени, фашистская философия не обрела вполне конкретную и определённую форму, но вы должны помнить, что фашистская вера существует всего чуть больше десяти лет: она выросла за последнее десятилетие. Однако его философская основа уже сейчас способна к некоторой формулировке, и это произошло за гораздо более короткий промежуток времени, чем соответствующее развитие любой другой великой политической религии в истории. Подобно тому, как само фашистское движение в нескольких великих странах продвигалось к власти с феноменальной скоростью, так и фашистская вера и философия как устойчивая концепция, отношение к жизни развивались гораздо быстрее, чем философии более старых религий. Возьмём, к примеру, либерализм: между трудами таких людей, как Вольтер и Руссо, и окончательным формированием либерального вероучения в руках английских государственных деятелей в конце XVIII – начале XIX века прошёл очень долгий промежуток времени.

Фактически, эти великие политические движения и психологические потрясения лишь очень медленно кристаллизовались в определённую систему мышления, а также в систему действий; и в случае с фашизмом, вероятно, довольно рано ожидать, что через десять лет она обретёт конкретную, кристаллизованную форму. Тем не менее, я считаю, что фашистскую философию можно выразить в понятных терминах, и, хотя она вносит совершенно новый вклад в философию нашего времени, всё же можно показать, что её происхождение и историческая поддержка исходят из устоявшейся мысли прошлого.

Прежде всего, я предполагаю, что большинство философий действия вытекают из синтеза культурных конфликтов предшествующего периода. Там, где в эпоху культуры, мысли, абстрактного умозрения вы обнаруживаете две великие культуры, находящиеся в резком противоречии, в следующую эпоху действия вы обычно обнаруживаете некий синтез на практике между этими двумя резкими противоречиями, приводящий к практическому кредо действия. Эта концепция может показаться вам в какой-то степени шпенглеровским подходом; и совершенно верно, что великий немецкий философ, вероятно, сделал больше, чем кто-либо другой, для описания широкого фона фашистской мысли. Но это очень широкий фон. Это огромный фон мировой истории, из которого возникает фашистское предложение. Не более того. Возможно, ему мешает подойти к этому вопросу более подробно его врождённый пессимизм, который, в свою очередь, как я бы скромно предположил, проистекает из его полного незнания современной науки и развития техники.

Если вы посмотрите через очки Шпенглера, вы обязательно придёте к выводу *****ebook converter DEMO Watermarks*****

Крайний пессимизм, потому что они затмевают фактор, который впервые даёт человеку возможность полностью устранить проблему бедности. И я полагаю, что именно непонимание этого огромного нового фактора нашим немецким философом приводит его к пессимистическому выводу. Тем не менее, это никоим образом не умаляет его огромного вклада в мировую мысль.

Вы справедливо заключите, что моё предположение о союзе, казалось бы, противоположных культур, приведшем в последующую эпоху действия к появлению философского дитя этого периода, выраженного в действии, имеет определённые корни в шпенглеровской мысли. Но я думаю, что могу показать вам, как этот тезис на практике реализуется в случае фашизма. Я бы предположил, что в прошлом веке главная интеллектуальная борьба возникла из-за колоссального влияния ницшеанской мысли на христианскую цивилизацию, существовавшую две тысячи лет назад. Это влияние осознавалось лишь очень медленно. Его все последствия проявляются лишь сегодня. Но куда бы вы ни обратились в современной мысли, вы найдёте результаты этой колоссальной борьбы за господство над разумом и духом человека. Существовала религия, которая, насколько это касалось Запада, на протяжении многих веков широко доминировала в человеческой мысли. И вдруг, впервые, эта религия и эта мысль подверглись действительному сомнению, и их основы, по крайней мере на тот момент, были поколеблены. Его осудили с яростной энергией и с необычайной гениальностью — осудили по существу.

Я сам, как вы увидите позже, не выступаю против христианства, поскольку собираюсь показать вам, что, по моему мнению, ницшеанские и христианские учения способны к синтезу. Но здесь мне необходимо рассмотреть существенные различия между этими двумя верованиями, увидеть, где эти различия накапливаются, а где возникают сходства.

Ницше, как вы знаете, бросил вызов самим основам христианской мысли. По сути, он сказал: «Это религия раба и слабого. Это вера людей, бегущих от жизни, не желающих смотреть в лицо реальности, ищущих спасения в некоей мечтательной загробной жизни – спасения, до которого им не хватает ни жизненной силы, ни мужества, чтобы добыть его здесь, на земле. Она проистекает из духа слабости и самоотречения». Он осудил её в одной фразе, если я правильно помню, как «религию, которая сковала и ослабила человечество».

И вместо этой веры он создал концепцию сверхчеловека, человека, который, преодолевая трудности и опасности, идёт вперёд сквозь материальные блага и трудности окружающей среды, чтобы достичь, победить и создать здесь, на земле, свой собственный мир. Это был вызов всем основам, не только мысли, но и жизни. И это потрясло до основания мировоззрение. Тем, кто серьёзно интересовался этим спором в то время, должно было казаться, что одно из этих верований должно победить, а другое – погибнуть; что любое сочетание, любой синтез этих противоречивых доктрин совершенно исключен.

Теперь я верю, как это часто бывает в повседневной жизни, что кажущиеся столь непохожими верования на самом деле поддаются некоторому примирению при более внимательном рассмотрении и даже определённом синтезе; и я думаю, что могу показать вам, что на самом деле в современной фашистской доктрине вы находите полное сочетание главных черт обоих верований. С одной стороны, в фашизме, взятом из христианства, взятом непосредственно из христианской концепции, вы находите грандиозное видение служения, самоотречения, самопожертвования ради других, ради мира, ради своей страны; не столько уничтожение личности, сколько её слияние с чем-то гораздо большим, чем она сама; и вы имеете в виду основную доктрину фашизма – служение, самоотречение – тому, что фашист должен считать величайшим делом.

и величайший импульс в мире. С другой стороны, вы находите в ницшеанских идеях мужественность, вызов всему существующему, что препятствует движению человечества, абсолютное отрицание доктрины капитуляции; твёрдую способность бороться и преодолевать любые препятствия. Фактически, вы создаёте доктрину людей, обладающих энергией и способных помочь себе, что является другой выдающейся чертой фашизма.

Поэтому мы обнаруживаем – думаю, могу утверждать – некое сочетание этих двух великих доктрин, выражающееся в практическом кредо фашизма сегодня. И это, по сути, отражается во всём нашем отношении к жизни. Мы можем свести это к мельчайшим деталям бытия. От самых широких и абстрактных представлений мы можем перейти к самым детальным проявлениям повседневной жизни.

Мы требуем от всего нашего народа главенствующей концепции служения обществу, но взамен мы уступаем ему и считаем, что в фашистской концепции государство должно уступить абсолютную свободу. В своей общественной жизни человек должен вести себя как достойный член государства, в каждом своем действии он должен соотноситься с благосостоянием нации. С другой стороны, государство взамен предоставляет ему полную свободу жить и развиваться как личность. И в нашей морали – и я думаю, возможно, могу утверждать, что это единственная общественная мораль, в которой частная практика полностью совпадает с публичным протестом, – в нашей морали единственный критерий любого морального вопроса заключается в том, препятствует ли он или уничтожает каким-либо образом способность личности служить государству. Он должен ответить на вопросы: «Наносит ли это действие вред нации? Наносит ли оно вред другим членам нации? Наносит ли оно вред моей собственной способности служить нации?» И если ответ на все эти вопросы ясен, человек имеет абсолютную свободу поступать по своему усмотрению; и это предоставляет индивидууму наибольшую степень свободы в государстве, какую любая система в государстве или любая религиозная власть когда-либо предоставляли индивидууму.

Ближайшим подходом к этому моральному испытанию, возможно, был подход греческой цивилизации, которая по своей организации, конечно, имела концепцию государства, не намного уступающую сегодняшней фашистской концепции.

Эта позиция, эта философская основа навязывают фашисту определённые, весьма чёткие правила общественного поведения, которые представляют собой подробный вызов существующему порядку вещей, хотя мы не будем углубляться в эти детали, а лишь покажем, что эти общие принципы можно свести к частностям. Например, мы считаем нелепой систему, при которой человек может быть оштрафован, даже если он рискует причинить себе вред, выпивая после разрешенного времени, но при этом, будучи в своём публичном качестве, как более или менее влиятельная публичная фигура, может совершенно безнаказанно совершать действия, угрожающие всей структуре государства. Стоит ему лишь нанести себе малейший вред, как против него мобилизуется вся сила закона; однако, будучи в публичном качестве, он может угрожать всей жизни нации: он может угрожать самим основам государства.

Фашистский принцип — частная свобода и служение обществу. Это налагает на нас, в нашей общественной жизни и в нашем отношении к другим людям, определённую дисциплину и определённые ограничения; но только в нашей общественной жизни; и я бы со всей серьёзностью утверждал, что единственный способ обрести личную свободу — это общественная организация, которая наведёт порядок в экономическом хаосе, царящем в современном мире, и что такая общественная организация может быть обеспечена только методами власти и дисциплины, присущими фашизму.

Однако, возвращаясь к философской стороне вопроса, мы обнаруживаем, что фашисту его философия естественным образом навязывает определённую дисциплину в жизни, упорядоченный атлетизм, как я бы это назвал, и чувство доверия к лидерству, веру в авторитет, чуждые другим движениям. И здесь мы сразу же сталкиваемся с фундаментальными принципами социализма и либерализма.

Социализм, конечно, резко отличается от либерализма в своей концепции экономической организации;

*****электронный конвертер DEMO Водяные знаки*****

Но в философии, я думаю, мало найдется социалистов или либералов, которые не согласились бы с тем, что у них действительно общее происхождение, если углубиться достаточно глубоко в мировоззрение Вольтера-Руссо; и прежде всего последнее. Теперь позвольте мне указать вам на фундаментальное различие, которое здесь возникает между либерализмом и социализмом, с одной стороны, и фашизмом, с другой? Руссо, по нашему мнению, либо совершил большую ошибку, либо был во многом неправильно понят. Руссо говорил «равенство». Мы отвечаем: если вы имеете в виду равенство возможностей, то да; если вы имеете в виду равенство людей, то нет. Это абсурд. Лично я считаю, что, если его правильно читать, Руссо имел в виду равенство возможностей, что главная атака Руссо была направлена — и правильно направлена — на упадочную систему, в которой он жил. По сути, он сказал: «Нелепо, что эта праздная, декадентская знать Франции» (какой она, несомненно, была в то время) «требуется для себя привилегий, которые душат жизнь нации. Равенство возможностей — основополагающий принцип. Пусть правят те, кто способен править. Пусть никто не правит только потому, что его дед доказал свою пригодность к правлению». Это был бунт против привилегий, утверждение, что человек талантливый и способный должен управлять делами великой нации. Но эта доктрина была подхвачена его последующими учениками как означающая равенство людей, что все люди равны.

Из этой конструкции и проистекает весь этот обман, как мы его видим. Это явный и очевидный абсурд. Один человек, и умом, и физически, разительно отличается от другого. Речь идёт не о моральном или духовном равенстве, как часто говорят социалисты. Это совершенно разные вещи. В моральном и духовном отношении человек, подметающий пол в крупном бизнесе, может значительно превосходить управляющего этим бизнесом. Но вопрос в том, какой человек подходит для какой работы. Какую функцию он должен выполнять? Некоторые люди хороши в одном деле, а некоторые — в другом. Конечно, мы полностью исключаем из фашизма концепцию социального класса, поскольку она основана на наследственности; но мы утверждаем, что одни люди от природы приспособлены к определённым поступкам, а другие — нет. И как только вы принимаете эту основу мышления, вы бросаете вызов всей концепции демократии.

Вы бросаете вызов убеждению, что любой вопрос в мире, каким бы сложным он ни был, может быть решён любым человеком, каким бы неопытным он ни был; и действительно, с этой точки зрения, абсурдно, что технического специалиста в правительстве или где-либо ещё могут обучать люди, которые разбираются в этом предмете всего пять минут в году. Если бы я зашёл в мастерскую, понаблюдая за тем, как инженер выполняет свою работу, а затем начал бы объяснять ему, как её делать, он бы назвал меня — и справедливо — самонадеянным ослом. Точно так же нам кажется абсурдным, что человек, совершенно не изучивший проблемы страны, должен поставить кружку пива на стойку, подойти к избирательной кабинке и дать подробные инструкции о том, как его страна будет управляться в течение следующих четырёх лет. «Все люди равны и все люди в равной степени компетентны высказывать свое мнение по любому вопросу, если только это не столь сложный вопрос, как управление страной» — так социал-демократия трактует труды Руссо, и эта концепция, очевидно, абсурдна. Однако она является философской основой всей демократической системы. Поэтому мы бросаем вызов основополагающей идее о равенстве всех людей в решении любых проблем. Мы принимаем и присваиваем себе равенство возможностей и выступаем — и должны выступать — против концепции привилегированной наследственности.

Когда человек проявил себя, он может достичь самых высоких постов в стране, и вся наша система образования должна быть построена таким образом. Но он не будет на вершине только потому, что его отец или дед были там до него. Таким образом, с одной стороны, мы бросаем вызов привилегиям правых, а с другой — нелепой доктрине левых, что все люди от природы равны. Теперь вы можете сказать, и, возможно, с долей истины, что

Эти доктрины уже звучали и раньше, они были основой бонапартизма или, если вернуться еще дальше к его истокам, основой цезаризма.

Конечно, фашизм имеет историческую связь с цезаризмом, но современный мир глубоко отличается от форм и условий древнего мира. Современная организация слишком обширна и сложна, чтобы опираться на одного человека, каким бы одарённым он ни был. Современный цезаризм, как и всё современное, коллективен. Воля и талант отдельной личности заменяются волей и способностями дисциплинированных тысяч, составляющих фашистское движение. Каждый чернорубашечник – это отдельная ячейка коллективного цезаризма. Организованная воля преданных масс, подчинённых добровольной дисциплине и вдохновлённых страстным идеалом национального выживания, заменяет волю к власти и высшему порядку индивидуального сверхчеловека. Тем не менее, этот коллективный цезаризм, вооружённый оружием современной науки, находится в том же историческом отношении, что и древний цезаризм, к реакции, с одной стороны, и к анархии – с другой. Цезаризм противостоял спартаковцам, с одной стороны, и патрицианскому сенату – с другой. Эта позиция так же стара, как история последних двух тысяч лет. Но в те дни им не хватало возможностей для конструктивных достижений, которые существуют сегодня, и единственный урок, который мы можем извлечь из предыдущих свидетельств этой доктрины, заключается лишь в следующем: всякий раз, когда мир под влиянием Спартака катился к полному краху и хаосу, именно те, кого Шпенглер называл «великими деятелями», извлекали мир из возникшего хаоса и очень часто давали человечеству столетия мира и порядка в новой системе и новой стабильности. И это было сделано, и это было сделано современными фашистскими движениями, «признавая некоторые фундаментальные факты политики и философии». Опять же, мы имеем дело с неким сочетанием двух, казалось бы, противоречивых доктрин. Нас часто обвиняют в том, что мы заимствуем что-то у правых, а что-то у левых. Что ж, заимствовать из других вер – очень разумное дело; отбрасывать плохое и сохранять хорошее; и как только вы отходите от старого парламентского мышления, вы, конечно же, видите мудрость любого такого курса. И фашизм, конечно же, заимствует что-то у правых, что-то у левых, и добавляет к этому новые факты, отвечающие требованиям современной эпохи.

В этом новом синтезе фашизма, который гораздо ближе к нашей текущей ситуации, мы обнаруживаем, что берём великий принцип стабильности, подкреплённой властью, порядком, дисциплиной, который был атрибутом правых, и соединяем его с принципом прогресса, динамичных изменений, который мы заимствовали у левых. Консерватизм – если называть его тем именем, под которым он известен в нашей стране – верит в стабильность и подкрепляет её своей верой в порядок; но где консерватизм всегда терпел неудачу в современном мире, так это в его неспособности понять, что стабильность может быть достигнута только через прогресс: что упорное сопротивление переменам провоцирует революционную ситуацию, которой консерватизм больше всего боится. С другой стороны, левые, благодаря своему комплексу Руссо, никогда не понимали, что единственный способ добиться прогресса – это взять на вооружение исполнительные инструменты, только с помощью которых перемены и возможны.

Таким образом, мы пришли к следующему выводу: стабильность возможна только при условии готовности к упорядоченным изменениям, поскольку для сохранения стабильности необходимо адаптироваться к новым реалиям новой эпохи. С другой стороны, прогресс, к которому стремятся левые, возможен только при условии принятия исполнительных инструментов прогресса, а именно власти, дисциплины и лояльности, которые всегда считались принадлежностью только правых. Объединяя эти два принципа, мы создаём основу фашистской веры и фашистской организации.

Вы снова скажете: «Это снова цезаризм или бонапартизм. Он перестал быть вопросом исключительно индивидуального руководства. Механизм, с которым мы имеем дело, слишком велик, чтобы один человек мог с ним справиться. Поэтому он превратился в коллективный цезаризм –

Руководство организованной и дисциплинированной массой, сплочённой добровольной дисциплиной идеалов национального и мирового возрождения, которые страстно вдохновляют её. Но основные принципы остаются прежними; и поэтому, хотя ваше фашистское движение может достичь цели, которую прежде достигал цезаризм, может навести порядок в хаосе, порожденном конфликтом между Спартаксом и реакцией, может на несколько лет или столетий принести миру великий мир, оно всё же несёт в себе собственный упадок и не достигает того, что мы считаем необходимым.

Я полагаю, что ответ на этот случай, который является единственно по-настоящему обоснованным, заключается в том, что всегда прежде отсутствовал фактор современной науки. Теперь же у вас появился совершенно новый фактор. Если вы сможете привнести в свою систему управления новую эффективность, а все признают, что подобные движения, приходя к власти, по крайней мере эффективны: если вы сможете хотя бы на несколько лет обеспечить правительству исполнительную власть и эффективность, необходимую для выполнения задач, вы сможете освободить – и вы освободите – заточенный гений науки для выполнения задач, которые ему предстоит выполнять в современном мире. Каковы бы ни были наши расхождения во взглядах на структуру государства и экономики, я думаю, мы все должны согласиться, что посредством разумной организации мира, используя производственную мощь современной науки и промышленности, можно было бы раз и навсегда решить проблему бедности и искоренить раз и навсегда бедность и худшие проявления болезней и страданий в мире.

Следовательно, если возможно иметь эффективную форму правления, то для такой системы, впервые в истории, у вас есть инструмент, с помощью которого облик Земли может быть изменён навсегда. Как только будет сделано самое необходимое, как только современная наука и техника выйдут на новый уровень и выполнят свою задачу, как только вы измените свою политическую и философскую систему с преходящей и политической на постоянную и техническую основу, отпадёт необходимость в политике и противоречиях, отвлекающих современный мир. Проблема бедности будет решена, основные проблемы будут решены, насколько это возможно, и, как всем известно, это возможно, если современная наука будет должным образом мобилизована. Тогда человечество освободится для того, что действительно важно в жизни.

Поэтому, хотя, возможно, и верно, что некоторые из этих явлений в вечных повторениях истории уже наблюдались в мире и приносили огромную пользу человечеству, тем не менее никогда прежде великие исполнительные движения не обладали возможностью завершить свою задачу, которую им теперь предоставляют современная наука и изобретения.

В момент великого мирового кризиса, кризиса, который в конечном итоге неизбежно углубится, возникает движение, возникшее на историческом фоне, который делает его возникновение неизбежным. Оно несёт в себе определенные традиционные черты, унаследованные от славного прошлого, но противостоит фактам сегодняшнего дня, вооружившись инструментами, которые только эта эпоха когда-либо даровала человечеству. Благодаря этому новому и чудесному совпадению инструментов и событий проблемы этой эпохи могут быть преодолены, а будущее может быть обеспечено в прогрессирующей стабильности. Возможно, это последняя великая мировая волна бессмертного, вечно повторяющегося движения цезаря; но с помощью науки и вдохновения современного ума эта волна вынесет человечество к другому берегу.

Тогда, наконец, «цезаризм», могущественнейшее проявление человеческого духа в высоком стремлении к непреходящим достижениям, выполнит свою мировую миссию, искупит свою жертву в вековой борьбе и исполнит своё историческое предназначение. Человечество, избавленное от нищеты и многих ужасов и невзгод болезней к наслаждению миром, возрождённым благодаря науке, всё ещё будет нуждаться в фашистском движении, преображённом ради нового, более благородного порядка человечества; но вам больше не понадобятся странные и тревожные люди *****ebook converter DEMO Watermarks*****

кто в дни борьбы и опасности, в ночи тьмы и труда выковал стальной инструмент, с помощью которого мир перейдет к высшим вещам.

«Германия и ее женщины» Анны Зелиг-Томанн

Д Во время моего последнего визита в Англию многие англичанки спрашивали меня о положении женщин в Третьем Рейхе. Судя по рассказам, они, похоже, считали нас всего лишь рабынями. Более того, они говорили об этом открыто и добавляли, что жалеют нас от всего сердца. Я хотела бы рассказать вам, что мы, немецкие женщины, чувствуем к Новому Рейху, и начну с жён и матерей.

Из истории мы все знаем, что за каждой революцией следуют новые конституционные формы, и благодаря восстанию, породившему эти новые формы, мы обычно обнаруживаем и фундаментальные изменения в общественной жизни народа. Новая система в Германии, «национал-социализм», стала долгожданной переменной для миллионов семей, которые ужасно страдали от последствий войны, сделавшей жизнь многих матерей и их детей тяжким бременем. Задачей Адольфа Гитлера было помочь им и положить конец пагубной идее о том, что «лучше вообще не иметь детей».

Мы не должны забывать, что эгоизм был основой старой системы до того, как фюрер пришёл строить новый Рейх. Именно он заставил немецких женщин вновь поверить в то, что семья — важная ячейка государства, а мать в ней — живой символ национального выживания, воспитывая здоровых детей. Материнство и женственность вернули себе прежний смысл и славу.

УСЛУГА ДЛЯ МАТЕРЕЙ

В 1934 году Национал-социалистический союз женщин впервые объединился для серьёзной совместной работы и основал Имперскую службу матерей. Эта служба находится в ведении всех отделений Союза и состоит из специальных курсов обучения, открытых для всех женщин, замужних и незамужних, молодых и пожилых. С 1934 года не менее 600 000 немецких женщин посетили эти курсы и получили обучение ведению домашнего хозяйства, кулинарии и шитью, а также основам гигиены и ухода за больными. Кроме того, поскольку мы, немцы, принадлежим к нации без колоний, мы должны бережно относиться к любому сырью, и на этих курсах женщины учатся превращать, казалось бы, бесполезные вещи в полезные вещи. Как правило, каждый курс длится десять вечеров, что в общей сложности составляет двадцать четыре часа обучения.

Стоимость такого курса варьируется от двух до трёх марок в сельской местности и от трёх до пяти марок в городе. Те, кто может себе это позволить, должны оплатить полную стоимость, но для тех, кто не может позволить себе эти расходы, Женская секция Трудового фронта и Национал-социалистическая организация социального обеспечения вносят дополнительные средства. Очень часто работодатель оплачивает всю сумму девушке, которая вскоре выходит на пенсию в связи с замужеством. В Германии действуют несколько сотен таких постоянно действующих школ для матерей, которые находят призвание тысячам волонтеров в качестве опекунов, учителей социальной работы, молодежных лидеров и так далее. Именно такая работа дает каждой немецкой женщине возможность принять активное участие в жизни национал-социалистического государства, поскольку каждая женщина осознает, что она должна играть свою роль бок о бок с мужчинами, неся ту же ответственность за будущее нашей нации.

РАБОТАЮЩАЯ ЖЕНЩИНА

Ничто так не обсуждалось другими странами, как положение женщин-специалистов и работающих женщин в Третьем Рейхе. Противники национал-социализма настаивали на том, что с момента прихода Адольфа Гитлера к власти все работающие женщины будут насильственно отстранены от своих профессий и заменены мужчинами. На самом деле, ничто не может быть более противоречащим истине, поскольку все женщины, занятые в промышленности и профессиональных сферах, объединены в Трудовой фронт, а те женщины, которые ранее не работали, но хотели помочь в строительстве Нового Рейха, добровольно вступили в Союз женщин под национальным руководством фрау Шольц-Клинк. В этих двух организациях представлены домохозяйки, учителя, медсестры, акушерки, художницы, женщины-врачи и все женщины с университетским образованием.

Поскольку идеалом национал-социализма является сохранение семьи как основной ячейки государства, Трудовой фронт действительно добился освобождения женщин от фабричной работы, неподходящей для женского телосложения, заменив их безработными мужчинами. Однако этим женщинам удалось найти более подходящую работу в других местах.

Немецкие женщины по-прежнему заняты во всех сферах, связанных с пошивом одежды, а миллионы женщин работают учителями, медсестрами и домашней прислужкой. Кроме того, немало женщин-врачей, архитекторов, женщин, работающих на сцене и в кино, не только как актрисы, но и как выдающиеся режиссёры, например, знаменитая Лени Рифеншталь, отвечающая за фотосъёмку важных партийных съездов и Олимпийских игр. Миллионы женщин также заняты в промышленности, образуя, как я уже говорил, особую секцию Трудового фронта. Конечно, нельзя сказать, что немецких женщин загнали в дом.

БЫТОВАЯ СЛУЖБА

Даже те, кто, будучи домашней прислужкой или домохозяйкой, ограничены домашним хозяйством, получили особое внимание. С приходом к власти Адольфа Гитлера Лиге женщин было поручено преодолеть всеобщий предрассудок о том, что домашняя работа – занятие лишь для низших классов. Теперь каждая девушка, будь то богатая или бедная, по окончании школы должна сдать суровый экзамен по домашнему хозяйству, и, кроме того, большинство наших девушек в восемнадцать лет, прежде чем начать свою профессию, добровольно идут в Женскую трудовую службу, что часто подразумевает выполнение домашних обязанностей, чтобы помочь какой-нибудь измученной работой матери.

Роль женщины в новом общественном порядке была спланирована не на основе старого лозунга «Права женщин», а в соответствии с той пользой, которую женщина может принести обществу в целом – стране. Поскольку влияние женщины всегда было наибольшим в формировании внутренней социальной жизни нации, нас волнует не столько то, где мы оказываем нашу помощь, сколько то, как мы её оказываем.

НЕМЕЦКАЯ ДЕВУШКА

Уже в школе немецкая девочка вступает в BDM (Союз немецких девушек) – крупнейшую организацию такого рода в мире. Будучи частью движения Гитлерюгенд, BDM получает подробные инструкции по обучению, и особенно по привитию здоровой философии жизни (Weltanschauung), от национального лидера молодёжи Бальдура фон Шираха.

По всей стране построено сорок школ с единственной целью – дать девочкам образование.

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

молодежных лидеров на этих принципах.

Как будущие матери, врачи, экономисты, учителя, юристы и т.д., все немецкие девушки обязаны использовать свои таланты на благо страны, но для этого им необходимо сначала получить прочную социальную основу. Где же её можно получить лучше, чем в товариществе немецкой женской организации BDM? Первостепенная необходимость – это физическая подготовка, поэтому каждая девушка должна систематически совершенствовать свои физические кондиции в соответствии с возрастом. Одновременно с этим проводится обучение оказанию первой помощи и уходу за больными. Существуют лагеря BDM, где девушки учатся помогать по хозяйству, а также школы домашнего хозяйства для подготовки детских медсестёр, диетологов и других специалистов по ведению домашнего хозяйства.

После окончания школы девочек призывают провести год в «Земельной службе», выполняя полезную работу на земле. Это организация, параллельная «Трудовой службе» для юношей, и она выполняет полезную работу, не конкурирующую с обычной работой. Действительно, была обнаружена работа, имеющая большую экономическую ценность, – замена женщин, потерявших трудоспособность из-за болезни, и предоставление им соответствующего отпуска для восстановления сил. Это оказалось особенно выгодным в случае перегруженных матерей, чьи домашние обязанности взяли на себя девочки из «Трудовой службы», в то время как её дети находятся в местном «детском саду».

Хотя сама статистика этой гигантской организации женщин Германии впечатляет, её истинная ценность кроется в сформированных моральных нормах. Немецкая девушка, участвующая в BDM и «Land Year Service», приобретает не только огромный опыт, но и чувство социальной ответственности, поскольку ей читают точно такие же лекции и инструкции по политическим и экономическим проблемам, как и молодым людям в их организациях. Каждый, кто посещал женский трудовой лагерь, восхищался сильными, стройными девушками, чьи глаза сияли здоровьем и радостью. Многие мои английские друзья спрашивали меня здесь: «Как получается, что вся атмосфера вашей молодёжи так полна чистоты и сияния силы и жизни?»

Как вам это удалось?» Ответ может быть только один: «Дух Адольфа Гитлера»!

Что такое социализм?

Йозеф Геббельс

Э Весьма разумная современная политическая концепция вращается, осознаётся это или нет, вокруг центрального фактора всего будущего развития — социальной проблемы.

Социальное бедствие — это нечто большее, чем вопрос насущный. Если бы дело было не только в этом, марксист был бы прав. Пролетарий интернационален не из-за любви к интернациональному смешению, а из-за трагического осознания того, что прежде не существовало национального решения его проблемы существования. Буржуазный эгоизм и еврейская конкуренция, действуя сообща, сознательно и бессознательно, породили то, что лишает народ самого света и дыхания жизни — классовую войну.

Социальные невзгоды порождают страсть к Безопасности. В глубине души пролетариата дремлет любовь к Родине, Земле и Отечеству, которая находит своё выражение как в хороших, так и в дурных формах, всегда готовая к самой благородной жертве. Даже при марксизме пролетариат не испытывает ненависти к Отечеству, а лишь к буржуазному извращению Отечества – Системе. Эта Система действительно создала условия, в которых национализм и капитализм стали одним и тем же. Борьбу с интернационализмом невозможно выиграть фразами. Социальные невзгоды можно разрешить только посредством социальных действий. Пролетариат будет продолжать мыслить интернационально, пока у него нет части в Нации. Как можно любить и уважать то, чего не знаешь?

Социальная проблема — это вопрос о том, чтобы международный городской пролетариат вновь осознал свою фундаментальную связь с землёй. Человек может укорениться только на своей собственной земле. Он чувствует себя связанным только с тем, что ему принадлежит. Единственная действенная борьба с большевизмом — это уничтожение капитализма.

Отсутствие политического инстинкта у среднего класса свидетельствует о том, что он отождествлял себя с капитализмом, с которым, в конце концов, у него было мало общего. Капитализм – это безнравственное распределение капитала. Капитализм в экономике – это то же самое, что демократия в политике, а именно безнравственное распределение власти внутри государства. Оба фактора, капитализм и демократия – их отношение как сына к отцу – являются заклётыми врагами новой социальной организации государства. До сих пор они довольствовались игнорированием социальной проблемы и по возможности уклонялись от её решения, лицемерно притворяясь филантропом. В этом трагедия либерализма – филантропии: конгломерат буржуазной трусости, сентиментальности, садизма и страха. Вся история социального «улучшения» разворачивается перед нашими глазами как ужасный пример неспособности либералов справиться с социальной проблемой, не говоря уже о том, чтобы постичь её глубину. Социальная проблема не имеет ничего общего, абсолютно ничего общего с сентиментальностью и «благотворительностью». Это проблема национальной необходимости. Мировое политическое значение этой проблемы обусловлено не тем, что миллионы людей голодают, а тем, что она может привести к краху нации. Уже одно это обеспечивает преемственность социальных идей. Сентиментальность и «благотворительность» сами по себе совершенно ненадёжны. Одна лишь национальная необходимость порождает фанатизм и неистовый порыв веры. Таким образом, социальная проблема укоренена в структуре будущих политических событий и возлагает на молодёжь новые обязанности и задачи.

Из этого осознания возникает действительно социальная концепция государства, которая имеет так же мало общего с

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

Марксистско-пролетарские, как и либерально-демократические, представления. Я мыслю в социальном смысле, когда желаю угнетённым классам моих соотечественников обретения их естественных прав как прав, а не как более или менее добровольных даров. Я мыслю в социальном смысле, когда требую этих прав не из побуждений буржуазного страха или сентиментальности, а исходя из осознания национальной необходимости и социальной справедливости.

Либерал мыслит как буржуа; марксист мыслит как пролетарий; социальный человек мыслит национально, в терминах национального государства, призванного исполнять общую судьбу. Для него национальное и социальное мышление означают одно и то же: любовь к нации, веру в её будущее и волю к свободе.

Мировая философия и внешняя политика Альфреда Розенберга

Я В повседневной жизни среднестатистический человек редко осознаёт, что политическая и социальная жизнь в конечном счёте формируются философскими мотивами. Понятие буржуазного морального кодекса, понятие права и всё остальное в повседневной жизни, что с этим связано, всегда так или иначе определяются внутренним отношением человека к ним; но лишь во время великих революционных событий, затрагивающих жизнь нации в целом, люди ясно осознают этот факт. Можно сказать, что именно это и происходит сегодня во всём мире. Каким бы ни было непосредственное влияние конфликта 1914–1918 годов на политические события в различных странах и государствах, есть один факт, который всё больше запечатлевается в умах всех, чьи мысли не являются поверхностными: после столь колоссального потрясения люди не могут просто вернуться к своей прежней повседневной жизни, как будто ничего не произошло. Практически каждая нация в мире пострадала от великих сражений Мировой войны или, по крайней мере, в той или иной степени пострадала от её последствий. Миллионы и миллионы людей столкнулись с судьбой, которая обрушилась на них с кажущейся внезапностью и породила вопросы, кардинально отличающиеся от тех, которые волновали их на протяжении многих десятилетий.

До 1914 года мир жил в атмосфере оптимизма. Правда, те, кто занимал руководящие должности в разных странах, видели, как на политическом горизонте снова и снова сгущаются тучи, но даже среди государственных деятелей было много тех, кто верил, что, как и в прежние времена, политическая система повседневных компромиссов одержит победу. Экономисты с математической точностью рассчитали, что любой конфликт между великими державами приведёт к столь катастрофическим экономическим и социальным последствиям, что крах мировой экономической структуры неизбежно произойдёт и приведёт к окончанию войны в течение нескольких месяцев. Интеллектуальные оптимисты основывали свои надежды на вере в то, что «мировой здравый смысл» победит, и соглашались с ведущими экономистами в том, что народы никогда не потерпят безумия мирового...
война.

Но, подобно самой природе, жизнь людей и рас развивалась не по прямому пути логики, а по извилистым тропам возбуждённых чувств и необузданных страстей. Именно эти непредсказуемые стихии в конце концов привели к мировой катастрофе. Важно, на мой взгляд, признать сегодня, что 1914 год не только ознаменовал начало великой военной борьбы, но и то, что в те роковые августовские дни весь старый мир начал рушиться. Тот факт, что нации и их лидеры не смогли предотвратить столь ужасный конфликт, убедительно доказывает, что социальные конфликты, вся тенденция мировой экономики того времени и социальная структура наций уже не были достаточно сильны, чтобы гарантировать чётко определённую политику мира. Напротив, хаотичным массовым движениям низших слоев, политическим страстям и экономическим интересам приходилось уделять столько внимания, что руль часто выскальзывал из рук государственных деятелей, и мир катился к столкновению, от которого начал оправляться лишь много лет спустя, после того как были затрачены героические силы и принесены огромные жертвы.

Естественно, что это возрождение общественного сознания, эта критика прошлого и настоящего должны были прежде всего проявиться в тех странах, где военное и политическое поражение сделало

Проблемы были гораздо более очевидны, чем в государствах, которые, по крайней мере пока, могли жить плодами своих военных побед. Все эти совершенно различные по своей природе процессы брожения, происходившие в России, Венгрии, Германии и Турции, представляются любому разумному наблюдателю мировой политики несомненными признаками крушения уже упомянутого старого порядка и попытки создать новый мир тем или иным способом. Это связано не столько с логическим осознанием того, что подходит, а что нет, сколько с внутренним изменением характера, который, обращаясь как к настоящему, так и к прошлому, заявлял: «Так больше продолжаться не может».

Это внутреннее решение важнее всего остального и не может быть устранено никакими аргументами. Эти новые ментальные установки наций, будь то в одну или другую сторону, являются решающей причиной созидания или разрушения, в зависимости от обстоятельств. Центр тяжести нашего нынешнего движения в мировой политике проистекает из сопоставления и силы этих различных ментальных энергий.

Мы, национал-социалисты, видим в чётко определённом мировоззрении то, что мы также называем «мировой философией» (Weltanschauung). Это слово, точный перевод которого на другие языки крайне труден, прежде всего означает именно то, что оно и означает: особый способ мировоззрения, то есть ясно понимаемое внутреннее отношение души, разума и характера к внешним вещам. Отношение, которое определяет «да» или «нет», которое, если оно выражает голос миллионов, формирует образ жизни, государственное устройство, обязанности и привилегии расы или народа. Поэтому это отношение является основополагающим и решающим фактором. Если оно пронизывает все сферы жизни, то мы можем говорить о единой и единой нации; тогда мы можем сказать, что государство, народ и «мировая философия» слились воедино. Конечно, это случается лишь в очень редких случаях. Большинство наций под влиянием расовых особенностей и политических событий подвержены влиянию расходящихся течений в различных сферах жизни, что часто приводит к серьёзнейшим конфликтам внутри нации.

«Мировая философия», следовательно, не тождественна религии, но может включать её. «Мировая философия» может быть определённо определена религией или наукой; она может быть сформирована художественными или культурными качествами нации. Если «мировая философия» народа действительно глубока и подлинна, она охватывает и характеризует всё. С другой стороны, она достаточно обширна, чтобы включать в себя самые разные умственные и духовные темпераменты.

Отношение различных наций и выдающихся личностей к вопросам мировой философии, будь то религиозного, научного или культурного характера, было важным фактором, определяющим не только интеллектуальную, но и политическую жизнь наций на протяжении всех веков прошлого, и я считаю, что вопрос о том, какое влияние оказывала мировая философия на внешнюю политику в великие исторические эпохи, является одной из интереснейших проблем мировой истории. Сомневаюсь, что этот вопрос до сих пор стал предметом достаточно глубокого изучения, хотя он должен быть интересен не только исследователю, но и каждому государственному деятелю.

Могу ли я привести несколько примеров, чтобы продемонстрировать, насколько решительно политическое «мировая философия» может влиять на развитие истории на протяжении веков и тысячелетий?

Когда христианская религия распространилась из Средиземноморья по Европе и одно за другим германские племена стали христианами, оказалось, что почти все они не приняли римско-католический догмат, а стали арианами, то есть последователями Ария, чьё представление о личности и божественном положении основателя христианства существенно отличалось от представлений Римско-католической церкви. Только одно значительное племя стало католическим, благодаря своему

вождя, а именно франконцев. Эти франконцы, однако, были также сильнейшим племенем с военной точки зрения и не слишком далеко ушли от своей исконной родины, как восточные германцы, и, таким образом, старый Рим ассоциировался с молодой, твёрдой волей, которая отныне была обращена к Востоку. Эта воля была победоносной как в военном, так и в мировоззренческом отношении. Арий Александрийский (умер в 336 г. н. э.) учил, что Христос не был Богом, а был сотворён Им. Его учение было запрещено Никейским собором, и таким образом Европа стала не арианской, как казалось поначалу, а римско-католической. Таким образом, мы имеем победу одной идеи над другой, сопровождавшуюся неизмеримыми последствиями с точки зрения мировой истории. Если бы другие, арианские, племена победили франконцев, Европа приобрела бы совершенно иной духовный облик, и всё протестантское движение, возникшее позже, не возникло бы, по крайней мере, не в той же форме.

Вторым примером того, как «мировая философия», основанная на религии, навязывала свою волю целым народам, служит ислам. Эта вера объединила бесчисленные бедуинские племена, которые, будучи сильными в своей вере, завоевали всю северную часть Африки и вторглись в Южную Европу. Несмотря на отторжение со стороны европейцев, борющихся за независимость, магометанская религия оставила свой след на значительной части обитаемой земли: от Гибралтара по всей Африке, Палестине и далее вплоть до Индии. Политические движения и ожесточённые распри, продолжающиеся и по сей день, показывают, как данная «мировая философия» действует как постоянная движущая сила, побуждая все народы, находящиеся под её влиянием, распространять и защищать свою особую «мировую философию», свой образ жизни, своё представление о государственном устройстве, свою культуру.

После того, как Вселенская Церковь одержала победу на протяжении многих веков, во многих частях Европы вспыхнули жестокие восстания против неё. Они вызвали народные протесты, потрясшие мир и основанные на общей идеологии. В течение столетий борьба различных протестантских народов против Вселенской Церкви и её военных представительств бушевала по всей Европе. Но в разгар этой борьбы европейский коллективный разум весьма характерным образом повернулся в совершенно новом направлении: из по сути религиозной или догматической борьбы спор стал национальным. Защита национальной структуры вытеснит этические ценности, даже если их представители будут занимать высшие посты. Возможно, лучшим примером этого поворота к новой эпохе является случай кардинала Ришелье. Он видел в себе ведущего министра Людовика XIII и преемника Людовика XI, осуществляя задуманный последним план национального объединения; с другой стороны, он был епископом, а позднее кардиналом Римской церкви. При парижском дворе господствовало римско-католическое влияние, представленное, главным образом, испанской партией. Политика Рима, несомненно, благоприятствовала Испании и Габсбургам, и завершение испано-габсбургской победы над Францией, несомненно, привело бы к установлению чисто католического господства в Европе на долгие годы. Но Ришелье, хотя и требовал свободы для Римской церкви во всех своих договорах с протестантскими союзниками, перенёс свою поддержку на другую сторону и сделал всё возможное, чтобы мобилизовать мир против Габсбургов и сломить могущество Испании, одновременно нейтрализовав светскую власть папы. Вопреки всем папским друзьям при французском дворе, он принял все меры для укрепления господства Франции; чтобы обеспечить её независимость, он уничтожил протестантов в своей стране, но заключил союзы с Густавом Адольфом и Бернгардом, герцогом Веймарским. Он даже приказал французским пушкам стрелять по папским солдатам. Я думаю, что эти выстрелы, произведенные по римской армии по приказу римского кардинала, символизируют поворот Европы к новому отношению, которое с тех пор никогда не переставало присутствовать в жизни нашего континента.

В XIX веке эта позиция претерпела изменения, сменившись новой формой европейского национализма. Повсюду в мире национальная идея была освободительной мыслью жизни. Подтверждение этому можно найти во многих трудах того времени, а также в личностях Вашингтона, Боливара и Гарибальди. Однако в то же время наука и торговля приобретали всё возрастающее значение, и высказывание Вальтера Ратенау: «Судьбу решает экономика» стало «лейтмотивом» разработки большинства социальных проблем. Другим важным фактором была численность населения отдельных государств, которая побуждала их искать рынки сбыта продукции и сырья по всему миру. Эта позиция поддерживалась и пропагандировалась, главным образом, людьми, разбросанными по всему миру. Выдвигалась идея создания «мировой республики» и замены существовавших ранее национальных экономических систем так называемой мировой экономической системой, предпочтительно под централизованным контролем.

Верно, что на рубеже веков существовали некоторые национальные государства военно-политического характера, но с экономической точки зрения существовала почти безнадежная путаница множества различных экономических групп, торговых и промышленных трестов и международных банков, которые противостояли друг другу и успех или неудача которых обязательно затрагивали столько людей, что национальная политика была вынуждена подчиниться этим частным интересам и признать их в большей части имеющими национальное значение.

В знак протеста против социальных последствий этой чисто экономической системы во всех её проявлениях миллионы людей поднялись и прислушались к учениям, проповедующим социальную свободу посредством движения, охватывающего все нации, то есть марксистско-коммунистического Интернационала. Все эти течения и тенденции, постоянно усложнявшиеся и обогащавшиеся новыми побочными факторами, создали препятствие в конце XIX века, и можно с уверенностью сказать, что Фридрих Ницше был самым чутким сейсмографом этих потрясений, потрясших весь мир. Он не предавался сентиментальной философии, но предчувствовал грядущие события, которым суждено было затронуть сотни миллионов людей.

Осознание того, что социальная структура рухнет в нигилизм под воздействием как гражданских, так и марксистских сил, и в то же время надежда на то, что из этой катастрофы возникнет сильная раса, характеризуют его афоризмы и все его произведения. В то же время такие люди, как Поль де Лагард и Рихард Вагнер, чувствовали, что мир приближается к концу и что должен родиться новый мир. В России Достоевский мрачно рисовал конец России. И хотя чувство крайней незащищенности стало всеобщим, эти идеи, не имея никакой формы, нашли признание в столицах всех стран. Россия пала, и к власти пришли те тенденции, которые Достоевский предсказывал в «Братьях Карамазовых» и «Бесах». Коммунизм победил в России, вопреки всем социальным теориям, не благодаря массовой пролетарской организации городов, а благодаря тому, что сломленная воля уже попала под влияние волевого неевропейского характера.

Если мы рассмотрим эти различные мировые философии, которые часто, казалось бы, противостоят друг другу в смертельной вражде, то обнаружим, что все они имеют одну общую черту. Все они исходят из четко определённой доктрины, будь то религиозной, научной или социально-этической природы. На основе этих доктрин или исповеданий веры они строят программу, объединяют всех тех, кто верит в эту программу, и стремятся всеми имеющимися в их распоряжении политическими и военными силами реализовать эту доктринальную программу.

В общем и политическом смысле эта установка связана с тем, что можно назвать «универсальностью». Эта универсальность существует независимо от того, назначен ли индивид верховным владыкой, от которого мировое движение получает свои законы, или же она основана на абстрактных

общество или какая-либо конкретная теория. Действительно, последние пятнадцать веков европейской истории показывают, что все нации движутся в рамках такой универсально понимаемой «мировой философии» и что все великие межнациональные битвы протекали в рамках доктрины, носившей универсальный характер. Эта доктрина характеризовалась религиозной универсальностью в римско-католической «мировой философии»; та же самая черта существовала и в протестантской догматике, хотя и в иной форме и несмотря на индивидуалистические результаты; в системе либерализма мы находим социально-этическую универсальность, подобную той, что проповедовалась во время Французской революции; и именно нигилистическая универсальность характеризовала ответвление марксистского движения – мировой коммунизм, который больше не признавал национальностей и государств, а лишь Союз Социалистических Советских Республик, к которому в любой момент могли присоединиться другие советские республики.

Решающее и радикальное изменение в философии мира, как мы видим его сегодня, заключается в нашей твёрдой убеждённости в том, что грядущая борьба уже не будет носить прежний характер, и что национальная борьба будет вестись не в рамках какой-либо конкретной «мировой философии» универсалистского толка, а в рамках националистической «мировой философии». Другими словами: тенденции, которые прежде были чисто государственными, расширяются и рассматриваются с точки зрения философии мира, превращаясь в решающий фактор регулирования жизни в её самом широком понимании. В начале нашей эры верховенство вселенской церкви было высшим религиозно-политическим элементом. Когда произошло первое восстание, две религиозные конфессии противостояли друг другу. На более позднем этапе этой борьбы эти основные факторы были перенесены из религиозной сферы в государственно-политическую, что сначала приняло форму монархии, а затем – форму республиканской идеи.

В конце XIX и начале XX века мы видим, что классовая идея занимала главенствующее место в умах миллионов людей. И каждый из этих различных факторов формировал основополагающий политический принцип той или иной партии, особенно в Германии. В средние века основополагающий фактор был представлен Центристской партией; династическую идею – бывшими консервативными группами; экономическую идею, слитую с республиканской, – демократической партией; а классовую идею – марксистскими группами. В противовес всем этим группам, существовавшим в Германии, национал-социалистическое движение провозгласило новый, хотя и старый, основополагающий фактор, а именно – идеал национальной чести.

Вся борьба последних четырнадцати лет, вплоть до 1933 года, велась под этим знаменем. Однако если оно и обрело мистическую силу, то лишь потому, что великая нация, сознающая свою честь, потерпела крах, после которого оставалось лишь одно решение. Либо нужно было и дальше терпеть старые политические группы как представителей философских учений старого мира, либо создать новую политическую философию, основанную на новых принципах, как основу жизни немецкого народа. Излишне говорить, что идея национальной чести не является чем-то новым и внезапно возникшим; более того, с тех пор, как существует немецкий народ, всё его искусство и литература вращались вокруг неё. «Эпос о Хильдебранде», «Песнь о Нибелунгах» и «Сага о Гудрун» доказывают это, как и вся немецкая героическая музыка. Кроме того, эта идея лежала в основе древнегерманских юридических кодексов «Саксонских законов» и «Гражданского права» (Stadterecht), которые для многих народов стали основой многих факторов, в конечном итоге приведших к объединению. Мне также нет необходимости подчеркивать, что мои слова не имеют целью упоминание или критику других народов.

Моя единственная цель — объяснить, что произошло здесь, в Германии, и показать, что в данном случае мы имеем дело не с одной из многих революций, а с решающей революцией в Началась немецкая история: революция, которая началась не внезапно, но принципы которой

можно найти в немецких крестьянских войнах, в правовых актах старых «вольных городов», у Фридриха Великого, у руководителей немецких освободительных войн 1813 года и у великих мыслителей на переломе с XVIII на XIX век.

И позвольте мне заявить здесь, что этот пламенный немецкий национализм, действительно, не представляет угрозы законному национализму других народов, а, напротив, именно этот немецкий национализм, благодаря своему духовному превосходству над всеми остальными, один может гарантировать то справедливое равновесие, к которому стремится весь мир. Авторитарное государство, основанное сегодня на национал-социалистическом движении, в состоянии положить конец неоправданной культурной пропаганде среди людей других рас, а также незаконной экономической экспансии, которая в противном случае могла бы привести германскую нацию от экономических конфликтов к политической борьбе с другими нациями.

Немецкий национализм, «философия мира», основанная на расе и почве, не является догмой, связанной с универсальностью; ни его предпосылки, ни его выводы не содержат в себе презумпции того, что он должен влиять на другие, а следовательно, иные нации и расы. С другой стороны, мы считаем, что наша философия также представляет собой возвращение к благоговейному преклонению перед Природой и её законами. Национал-социалистическая «философия мира» означает для нас осознанный отказ от тех форм национальной жизни, которые не придают должного значения особенностям различных народов и рас; отказ от тех культурно-научных доктрин, которые претендуют на равную применимость ко всем нациям; и, наконец, мы рассматриваем её как попытку достичь более высокого и в то же время более глубокого осознания наших собственных движущих сил в этих же областях. Наша новая «философия мира», далекая от презрения к другим, является существенным элементом в установлении взаимного подлинного уважения между нациями и культурами.

По этой причине, например, национал-социалистическое движение питает величайшее уважение к совершенно иной расе и государственному устройству, обладающим своими собственными особенностями. В двух великих странах Дальнего Востока мы видим структуры, построенные на их собственных основах. Для нас Япония, история которой насчитывает тысячи лет, восхищает своим религиозным выражением, подчинением государственной власти и преданностью национальным интересам. Китайская нация также развивалась на основе одной из форм «мировой философии» – экономики и социальной этики, которая, хотя сегодня и кажется раздробленной, может ещё возродиться. И мы будем следить за этой попыткой реорганизации с тем же интересом и уважением, с каким мы относимся ко всем благородным устремлениям других наций.

Характерно, что эпоха практически бесконтрольной экспансии многих стран по всему миру привела к конфликту и осознанию того, что после периода экономического подъёма наступил период спада. В этом каждая нация обретёт свою истинную форму. О том, что эта борьба существует во всех без исключения нациях, свидетельствуют ожесточённые столкновения социального или мировоззренческого характера по всему миру. Они доказывают существование почти всеобщего неверия и показывают, что действия наций в конечном счёте не управляются чётко определённой идеей, а множество различных систем борются за господство, не приходя к окончательному решению.

Если верно истолковать знаки и приметы современной политики, то окажется, что ментальная борьба всех наций сосредоточена вокруг желания заменить все системы, ведущие нерешительную войну, какой-либо одной из этих систем или совершенно новой, превосходящей их все.

Германия вполне может стать примером в этой мировой борьбе, и не обязательно

Образцовый пример — для подтверждения того, что так называемое «роковое» развитие вовсе не обязательно приводит к коммунизму, но что решимость, рожденная сильным характером, способна преодолеть отживший образ мышления, который уже не соответствует современным условиям. Свободный и тайный плебисцит в Сааре показал всему миру, насколько глубоко новое понимание жизни проникло во всю немецкую нацию, несмотря на все противоборствующие течения, которым было позволено беспрепятственно оказывать своё влияние. Мы сами, по крайней мере, убеждены, что германская система, препятствующая достижению власти любыми частными политическими или частными экономическими интересами, единственная способна определить для Германского Рейха те ограничения, которые существенны для жизненных интересов не только Германии, но и других государств.

Это позволяет, впервые за долгие годы, провести различие между частными интересами, какими бы сильными они ни были, и жизненно важными интересами нации в целом. Однако в то же время у нас появляется возможность проводить стабильную внешнюю политику, которая, по нашему мнению, будет иметь такой характер, что естественные движущие силы, связанные с жизнью различных наций, больше не смогут произвольно направляться друг против друга, а будут поддерживать как интересы отдельных наций, так и интересы органичного взаимодействия всех наций. В этом комплексе великих держав численно меньшие нации смогут перестать быть инструментами узкого эгоизма, а станут равноправными единицами в органичной деятельности великих держав. Позвольте добавить, что, говоря о «малых нациях», я имею в виду только их территорию и население и никоим образом не хочу умалить их интеллектуальное и культурное значение.

Таким образом, национал-социалистическая «мировая философия» и возрождение национального идеала порождают новую концепцию государства и национальной экономики; новый, хорошо регулируемый государственный контроль над личностью, который только и может произвести настоящую свободу, в отличие от злоупотреблений со стороны отдельных лиц, которые при отсутствии контроля затрагивают многие сферы жизни, отравляют и развращают чувства и мысли целых наций, причем не в ущерб развратителям, а самим нациям.

Установление согласия между различными формами жизни, соглашений между авторитетным государством, регулирующим все сферы национальной деятельности, и другими государствами, а также между группами («комплексами») государств, образованных таким образом, и другими образованиями, определяемыми политическими, расовыми и географическими факторами, — в отличие от бессистемности, характерной для XIX века, — всё это составляет решающее изменение нашей эпохи. И национал-социализм готов служить этим целям в интересах всех наций. Таким образом, мы обнаруживаем, что новая «мировая философия» оказывает решающее формирующее влияние на политическую мысль и, в конечном счёте, на экономическую и внешнеполитическую деятельность.

Мы считаем, что соображения, представленные в этом кратком обзоре, заслуживают более внимательного изучения с точки зрения их возможного практического применения и последствий, имея в виду слова немца, боровшегося за свободу столетие назад: «Уважай чужое отечество, но люби свое».

Фашизм, женщины и демократия Норы Элам

«Опыт показывает, что во всех странах демократия сегодня может свободно развиваться, и самая вопиющая коррупция выставляется напоказ, и никто не считает это полезным для сокрытия её злодеяний. Демократия — это благодатная страна, о которой мечтают беспринципные финансисты».

- Жорж Сорель, «Размышления о насилии».

Т О подлинный циник, переживший борьбу за избирательные права для женщин с 1906 по 1914 год, скажу, что нет более занимательного зрелища, чем послевоенный энтузиаст, чьей единственной навязчивой идеей, похоже, является предполагаемая опасность для женщин, имеющих избирательные права, в фашистской Британии.

Эта неожиданная забота находит своих самых ярких поборников в самых неожиданных местах, и те, кто так яростно выступал против довоенной борьбы, сегодня совершили полный разворот. Наши новообретённые покровители не имеют себе равных в своей решимости добиться того, чтобы женщинам не было отказано ни в чём в принципе, даже если на практике им будет отказано в большинстве вещей, необходимых для их существования.

Для женщины, участвовавшей в этой исторической борьбе и, рассматривая голосование лишь как символ, верившей в возможность создания с его помощью нового, лучшего мира, подобное покровительство так же отвратительно, как и покровительство предыдущего поколения. Она считает, и не без оснований, что те, кто за все эти тяжёлые годы ни разу не протянул ей руку помощи, а, напротив, привыкли называть её бесполой мегерой или разочарованной старой девой, в час успеха пытаются эксплуатировать её пол в интересах реакционной и декадентской системы. Такая наглость возможна лишь потому, что те, кто прибегает к ней, совершенно не понимают и продолжают не понимать смысла этой борьбы, и истолковывая требование политической свободы как стремление к личной распущенности.

Пришло время, когда следует пересмотреть принципы, лежащие в основе этого замечательного и решительного проявления упорядоченных изменений не только в положении женщин, но и в общепринятом отношении к ним.

Что же тогда лежало в основе страстного движения, тронувшего сердца тысяч женщин и овладевшего их умами в те бурные годы? Это было не низменное стремление к личной выгоде, как многие воображали, и не борьба женщин исключительно за свой пол. Напротив, от лидеров до самых скромных рядовых членов общества, основополагающим убеждением было то, что в мире, населённом мужчинами и женщинами, в политической системе, контролирующей судьбы обоих полов, страна, не допустившая к участию в советах влияние, точку зрения и таланты более половины своего населения, будет в той же мере ограничена в выработке наилучшей системы правления. Если мужчины становились жертвами экономического хаоса, женщины страдали вместе с ними. Если социальные условия, в которых мужчины влачили почти безнадежное существование, были невыносимы, то невыносимыми они были и для женщин.

Оглядываясь на крупные города своей страны, с севера на юг и с востока на запад, они видели жилищные условия, которые, по общему мнению, были позором для современной цивилизации; наблюдая за рынком труда, они с тревогой взирали на призрак незащищенности, преследующий наемного работника и присущий старой системе. В политической сфере они отмечали:

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

что как во внутренней, так и во внешней политике дела велись таким образом, что вселяли ужас в сердце любого, кто искренне переживал за Британию или осознавал упадок, уже начавший разрушать все слои общества. Они восстали, требуя, чтобы женщин привлекали на равных правах с мужчинами, чтобы они протянули руку помощи, пока не стало слишком поздно.

Короче говоря, это восстание было вызовом старым антагонистам и призывом к сотрудничеству в рамках корпоративного государства.

В этой концепции практического гражданства женская борьба очень напоминает новую философию фашизма. Действительно, фашизм – это логичная, хотя и гораздо более грандиозная, концепция важных вопросов, поднятых женщинами-борцами предыдущего поколения. Но на этом сходство не заканчивается. Женское движение, как и фашистское, проходило в условиях строгой дисциплины и не имело партийной принадлежности; его сторонники были из всех классов и партий. Оно призывало женщин забыть о своих корыстных интересах, отказаться от мелких личных выгод и привилегий уединённых меньшинств ради блага большинства и вместе противостоять несправедливостям и порокам, присущим системе, столь пагубной для благополучия расы. Как и фашистское движение, оно выбрало своего Лидера и, сделав выбор, предоставило этому Лидеру абсолютную власть определять свою политику и судьбу, проявив преданность и самоотверженность, непревзойдённые в истории этой страны. Более того, подобно фашистскому движению, оно столкнулось с жестокостью улиц, насмешками противников, недоверием благожелателей и злобой политиков. Оно выдержало ненависть существующего правительства и, наконец, одиночество тюремной камеры и ужас принудительного кормления. Его ораторам, выступавшим на улицах и на углах улиц, было отказано в праве на свободу слова; его сторонники, продававшие свою литературу, были оплеваны и оскорбительны; его депутаты подвергались избиениям. Суфражистки стали добычей любого хулигана, осмеливавшегося взять закон в свои руки. Чтобы сделать аналогию более точной, никакая клевета не была слишком гнусной и никакая клевета не была слишком низменной, чтобы очернить моральный облик его лидеров или цели и стремления женщин, которые были им верны.

Так получилось, что женщины, объединившиеся в такой союз, не питали никаких иллюзий относительно политических и партийных предрассудков, и когда священные слова «демократия» и «индивидуальная свобода» стали обычным делом в устах их недоброжелателей, они вспомнили, что всё это делалось при либеральном правительстве и поборниками партии, которая сделала демократическую систему вершиной своей политической мудрости. Что при ней они были поставлены в один ряд с преступниками, сумасшедшими и детьми. Они не без оснований утверждали, что если это и есть демократия, то женщинам от неё мало на что надеяться.

Их опыт изгнанников из демократической системы был ничто по сравнению с тем, с чем им пришлось столкнуться, когда они оказались уважаемыми гражданами, находящимися под ее сомнительной защитой. Они, правда, заслужили право на индивидуальную свободу на очень короткий период времени раз в пять лет, но когда они поставили этот роковой крест на избирательном бюллетене и закрыли за собой дверь избирательной кабины, с этого момента они оказались совершенно беспомощными перед демократической машиной.

Хотя нам скажут, что именно за это мы боролись, стоит лишь немного подумать, и станет ясно, что это воспринималось лишь как символ. Женщины никогда не совершали роковой ошибки, воображая, что раз мужчины голосуют, то они обязательно свободны. Сегодня неразумная женщина склонна полагать, что женщина свободна, потому что она тоже голосует, или что демократия может предложить что-то, кроме тщательной и организованной эксплуатации мужчин и женщин, которые терпят её существование.

Учитывая ограниченное избирательное право после окончания войны, женщины также получили право быть избранными в парламент, и выборы поздней осенью 1918 года предоставили им первую возможность. Партийная система уже начала проявлять первые признаки упадка, и по неумолимому закону карающего правосудия партия, породившая демократию в Британии, полностью отступала перед своим неблагодарным отпрыском. Тем не менее, женщины, окрыленные первыми лучами своего триумфа, обратились к тогдашним партиям в качестве избирателей или потенциальных кандидатов.

Моё собственное недоверие к партийной политике не позволяло мне двигаться в этом направлении, и я предпочла баллотироваться как независимая, проиграв вместе со всеми остальными женщинами-кандидатами, за исключением одной. Исключением была графиня Маркевич из партии «Шинн Фейн», которая, будучи отъявленным врагом Великобритании, сочла совершенно простым делом в демократической системе добиться избрания в парламент страны, которую она открыто хвасталась тем, что разрушит, разрушит и дискредитирует. Если мне не изменяет память, она вернулась без сопротивления. Следующий пример был едва ли более обнадеживающим: первой женщиной, избранной от английского избирательного округа, стала гражданка США, не имевшая полномочий представлять британских женщин в их собственном парламенте, за исключением того, что она вышла замуж за британского подданного, который оказался вынужденно избран в Верхнюю палату после смерти отца. Противники женского движения с едва скрываемым удовлетворением указывали на эту развязку и изо всех сил старались представить эту даму как жалкий образчик женской безответственности. Им не нужно было быть столь личными, ведь она была не лучше и не хуже любой другой женщины, избранной в британскую Палату общин благодаря многолетним усилиям и борьбе женщин-активисток. Печально, но от этого не менее верно, что последующее избрание женщин-партийцев в Вестминстер несколько не изменило положение ни мужчин, ни женщин, и хотя многие способные женщины пополнили ряды наших избранных представителей, их влияние на судьбу Британии или её империи было совершенно незначительным. Они, как и их коллеги-мужчины, – всего лишь шестеренки в партийном механизме демократической системы, марширующие в кулуары по щелчку партийного организатора, беспомощные перед громадой официальной машины, которая катится вперёд, сокрушая любую инициативу и независимость и превращая каждого, кто должен быть ему верен, в простого ничтожества для проведения его политики и мер. И если это верно в отношении парламента – а кто может это отрицать? – то это ещё более верно в отношении женщин-избирательниц. Она тоже попала в ловушку этой неумолимой системы, став настоящей рабыней своей партийной организации.

Тем, кто бросает вызов этому, следует задать вопрос: какую власть имеет женщина-депутат или женщина-избиратель при нынешней системе, чтобы изменить хоть один политический курс любого уже избранного правительства? Разве самый ярый поклонник нынешней системы утверждает, что женщины, независимо от их партийной принадлежности, удовлетворены существующим положением этой страны? Готовы ли они видеть, что экономические условия, при которых цифры занятости достигли невероятной суммы в два-три миллиона, остаются неизменными? Неужели они довольствуются зрелищем этих заброшенных районов, вселяющих отчаяние в сердце каждого живого человека? Неужели они равнодушны к упадку сельскохозяйственных районов и бедственному положению фермерской промышленности и не обеспокоены ужасающими жилищными условиями, которые одинаково осуждают все партии?

Обращаясь к обширной сфере имперской и внешней политики, можно ли утверждать, что большинство британских женщин желают распада Империи или направления нынешней внешней политики так называемого национального правительства, посредством которого от их имени и тайно заключаются пакты и обязательства с явными врагами этой страны, в то время как мы остаёмся беззащитными не только в целях нашей собственной непосредственной обороны, но и в случае необходимости выполнения этих обязательств? Действительно ли мы знаем, на что идём?

Что подразумевает эта политика коллективной безопасности, или какая зловещая сила её диктует? «Демократия — это земля изобилия, о которой мечтают беспринципные финансисты», — говорит Жорж Сорель. Имеют ли женщины, получившие избирательное право, какую-либо власть, чтобы контролировать внутреннюю или внешнюю политику, продиктованную с целью воплощения этой мечты в реальность? Давайте помнить, что когда придёт время платить по счетам, нас погонят, как овец на убой, беспомощных перед результатами этой политики. Какова ценность так называемой свободы, если она не может дать нам силы изменить эти судьбоносные события?

Если верно, что среднестатистическая женщина-избирательница не желает ничего из этого, почему, будучи свободной в демократической системе, она это допускает? Если она обладает этой свободой, разве она не виновна вдвойне и втройне, терпя всё это хотя бы на час дольше? Это и есть проверка её права на ответственную роль в управлении своей страной. Если она обрела необходимую власть и свободу при существующей системе, то обвинение в её неспособности играть гражданскую роль в делах своей страны и, по сути, неспособна нести ответственность, полностью доказано.

Ничто из этого не соответствует действительности. Истина заключается в том, что в нынешней устаревшей системе нет свободы ни для мужчин, ни для женщин. И мужчин, и женщин сковывает упадок партийной системы, и это стало ещё более заметно после предоставления избирательного права взрослым в условиях безудержной демократии. Во всём мире наступил тот же упадок, неизбежным течением времени и обстоятельств: переход от мира нищеты к миру безграничного изобилия делает упорядоченное планирование не только необходимым, но и жизненно важным для существования. В условиях этих изменений методы старого мира устарели и должны уступить место новым. Если женщины хотят быть достойными своего места в советах нации, они должны как реалисты встретить лицом к лицу новые мировые условия, которые их окружают. Рано или поздно им придётся сделать выбор. Это решение имеет огромное значение, поскольку от него будет зависеть положение женщин на протяжении значительного периода времени. Поэтому нелегко взвесить на весах мировой истории.

У женщины есть два пути. Первый – продолжать бороться с разлагающейся системой старого мира, довольствуясь ролью служанки профессиональных политиков различных партий, к которым она примкнула. Можно сказать, что она долго и добросовестно проверяла её, и если в рамках этой системы она и могла добиться каких-либо практических изменений в направлении социальной, политической или экономической свободы, то, к сожалению, потерпела неудачу. Теперь ей следует задуматься, в чём виновата – в ней самой или в системе, за которую она всё ещё цепляется. В этой связи она заметит, что отдельные партии постепенно исчезают. Либеральная партия канула в Лету; Консервативная партия стремительно распадается, и, по уверению её собственного Лидера, нет никакой надежды на её восстановление. Та же участь ждёт и Социалистическую партию, поскольку ей предстоит пройти тот же путь, который затащил две другие партии в зыбучие пески социал-демократии.

Поэтому ей следует поискать лучшую систему, более соответствующую современным условиям. Что придет на смену рушащемуся зданию прошлого?

Каждый студент-политолог понимает, что сейчас проблема лежит между фашизмом и коммунизмом. Что касается британских женщин, коммунизм малопривлекателен. Если говорить точнее, это философия разрушения, отрицающая естественные инстинкты женщины. Он противоречит всем принципам и практикам, которые женщины ценят и в которых нуждаются.

Фашизм, похоже, единственное решение. Он содержит в себе все принципы, особенно подходящие и адаптируемые к гению британского характера. Он предлагает всем людям и

Женщины, благосклонно относящиеся к нашей стране. Во избежание недоразумений мы дадим определения этим столь часто употребляемым терминам, используя слова, с которыми не поспорит ни один демократ, ибо они заимствованы у апостола чистой демократии, Джона Стюарта Милля.

«Единственная цель, — писал он, — ради которой человечество, индивидуально или коллективно, имеет право вмешиваться в свободу действий любого из своих членов, — это самозащита. Единственная цель, ради которой власть может быть правомерно применена к любому члену цивилизованного сообщества против его воли, — это предотвращение вреда другим».

Именно это и есть фашистская концепция индивидуальной свободы, и, очевидно, эта концепция предоставляет женщинам все возможности, которые они могут законно потребовать в своём будущем статусе гражданок. Ни в одной другой системе эти принципы не воплощены. Более того, в механизме корпоративного государства фашизм гарантирует женщинам равный статус с мужчинами, поскольку он содержит в себе единственное средство, с помощью которого они смогут определять и контролировать условия своей жизни; таким образом, только фашизм завершит работу, начатую от их имени женщинами-активистками с 1906 по 1914 год. Кроме того, он избавит их от порочной атмосферы коррупции, присущей партийной системе, и впервые даст возможность, через механизм их собственных корпораций, с некоторой надеждой на успех решить те важные вопросы, которые так тесно касаются их собственной жизни и жизни их детей.

В экономической области это обеспечит безопасность с равной оплатой за равный труд, эту вечную кость раздора, который разделил помы и привел к таким пагубным последствиям для промышленности.

В социальной сфере он устраняет все классовые барьеры, а в политической – обеспечивает справедливость и впервые в истории борьбы женщин достигнуто равенство.

И самое важное из всего этого — фашизм стремится навсегда покончить с навязчивым призраком войны, устранив основные причины, которые существуют и берут свое начало в интернационализме, инструменте, созданном для того, чтобы позволить «беспринципным финансистам» воспользоваться той «страной изобилия», называемой «демократией», о которой они мечтают.

Чтобы всё это стало возможным, фашизм потребует от женщин наравне с мужчинами дисциплинированного сотрудничества в построении упорядоченного государства, и фашизм справедливо возложит на всех граждан государства ответственность и долг работать в гармонии, не в интересах какой-либо группы или класса, а на благо всего народа. Он призовет женщин, как и мужчин, подчинить себе все эгоистические личные привилегии, чтобы менее удачливые могли под его защитой быть защищенными от эксплуатации.

Это фашизм. Всё остальное – мираж. Можно ли сказать, что британские женщины не способны достичь этого великого момента в истории своей страны? Те, кто призывает их отвергнуть эту возможность, – враги не только женщин, но и всего прогресса и цивилизации. Женщины, вынесшие суровые испытания великой борьбы довоенных дней, по крайней мере, заслужили право бросить вызов людям, которые вновь хотели поработить их в рабстве прошлого и заковать в рамки системы, которая лишает их возможности сыграть достойную роль в необходимой реорганизации своей страны. Британские женщины никогда не терпели неудач и не колебались, когда Британия нуждалась в них. Они также, вместе с мужчинами своего поколения, высоко поднимут знамя британского фашизма и, неся его над смутой и грязными распрями партийной системы, ускорят тот день, когда их нация возродится. В этот торжественный час они по-настоящему заслужат гордое право воздать должное возрожденной Великобритании и наконец обрести покой в мире, безопасности и процветании ее суверенного народа.

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

«Драгоценные акры» Джориана Дженкса

Те, кто, возможно, поддался искушению предположить, что, поскольку у Британии нет земельной политики, у нее нет и земельных проблем, поступят правильно, если внимательно рассмотрят эти тревожные факты.

За исключением Бельгии и Голландии, Великобритания является самой густонаселенной страной в мире; и поскольку доля естественно бесплодных земель (например, гор) на этих островах намного выше, чем в Нижних Землях, кажется бесспорным, что у нас меньше земель, пригодных для производства продовольствия, на душу населения, чем в любой другой стране.

Великобритания — единственная цивилизованная страна в мире, не имеющая устоявшейся политики сохранения, освоения и улучшения земель. Ни одно правительство не предприняло никаких шагов для сдерживания ежегодных потерь сельскохозяйственных угодий, которые с момента окончания Первой мировой войны составляют более 2 миллионов акров, или 7% от общей площади.

Великобритания уникальна тем, что большая часть ее населения оторвана от родной земли, а в рационе ее населения преобладает несвежая, консервированная пища. Ученые начинают обнаруживать результаты этой искусственности в виде недоедания, нервных расстройств и социальных беспорядков.

Иностранного наблюдателя можно простить, если он придет к выводу, что мы, в нашем извращенном британском стиле, пытаемся стать объектом крайне опасного эксперимента, а именно, выяснить, можно ли поддерживать здоровую жизнь нации в полностью урбанизированном и фактически паразитическом сообществе, зависящем в удовлетворении самых необходимых жизненных потребностей от усилий и доброй воли других наций. Он мог бы также предположить, что столь шаткое положение было навязано нам суровым климатом или скудостью нашей почвы. И его отношение к нам было бы скорее жалким, чем восхищенным.

Как же больно признать, что эта тревожная ситуация возникла по одной-единственной причине: из-за бессердечного и упорного пренебрежения основополагающими принципами. Не заблуждайтесь на этот счет. У нас не суровый климат; напротив, он один из самых ровных в мире. У нас не бедная почва; напротив, она, в среднем, одна из самых плодородных в мире. Но, за наши грехи, у нас есть политическая система, которая отказывается смотреть дальше следующих выборов, на которые нападают все корыстные интересы, преследующие свои корыстные цели, и все заблудшие экономисты, которым нужно поддерживать академическую репутацию.

Глубочайшая ошибка – полагать, что нам суждено быть производителями, перевозчиками и банкирами для остального мира, и что такое положение подразумевает постоянную дань в виде сырья и продовольствия. На короткий период, конечно, эта гипотеза приобрела привлекательность благодаря тому, что череда удачных совпадений дала нам значительное преимущество перед другими странами в развитии тех услуг, за которые мир в то время был готов платить практически любую цену. Но быстрое и практически повсеместное наступление промышленного и финансового национализма смело нашу временную монополию и сделало эту гипотезу не просто несостоятельной, но и поистине опасной. Чем дольше мы цепляемся за нее, тем менее способны мы смотреть в лицо фактам современной жизни. Каждый жест в сторону необратимого «восстановления международной торговли» отдаляет неизбежный день расплаты, когда нам придется встать на ноги и оценить свои собственные

ресурсы.

Поскольку она является главным источником жизненно важных потребностей, её бережное и разумное развитие является предпосылкой национального процветания. Поскольку она является национальным наследием, как культурным, так и материальным, её сохранение — важнейший национальный долг.

Стоит напомнить, что до сравнительно недавних времён эти факты были общепризнанными, хотя и не всегда верно трактовались. Считалось, что владение землей даёт не только большие привилегии, но и большую ответственность – как социальную, так и материальную. Правящие классы состояли почти исключительно из землевладельцев. Сельское хозяйство признавалось важнейшей отраслью промышленности, а его благосостояние – делом национальной важности.

Лишь после того, как обнищавшая земельная аристократия была вытеснена новоявленной и в основном чуждой плутократией, возникшей из финансового хаоса наполеоновского периода, национальное отношение к земле претерпело серьёзное ухудшение. И лишь когда викторианский экспортный капитализм начал получать огромные доходы от импорта, британское сельское хозяйство перестало поспевать за развитием британской промышленности. Но как только утвердилась доктрина о том, что прибыль организованного капитала является мерилем национального благосостояния, неорганизованное сельское хозяйство могло тщетно искать помощи или руководства у Вестминстера.

И поэтому сегодня изучение британской сельской местности — это почти изучение исчезнувшей цивилизации. Глубокие дороги, по которым не ступала нога целого поколения, раскидистые живые изгороди, не видевшие железа уже десятилетие, древние следы от плугов, все еще заметные на пастбищах с густым дерном, амбары и коттеджи на всех стадиях разрушения, церкви, построенные для прихожан, в пять раз превышающих численность нынешних прихожан, безмолвные водяные мельницы и разрушающиеся усадьбы: все это говорит об исчезнувшем сельском населении, некогда активно занимавшемся самым трудным из всех видов деятельности.

Конечно, лучшие земли всё ещё обрабатываются, и зачастую обрабатываются хорошо, хотя число тех, кто непосредственно в них заинтересован, сокращается с каждым годом. И тут и там встречаются отважные авантюристы, делающие ставку на свиней или птицу, фрукты или молоко. Но над значительной частью сельской местности висит налёт бережливого труда, порожденный недоверием и выражающийся в запущенных пастбищах, забитых невзрачным скотом. Атмосфера настолько апатична, что даже расточительные и некрасивые вторжения спекулянтов-строителей воспринимаются почти без тени того негодования, которое подобное осквернение вызвало бы несколько поколений назад.

Важно осознать масштаб ущерба, нанесённого невосполнимому национальному достоянию. Теоретически земля неуязвима, если, конечно, её не смоет море, что, кстати, можно наблюдать в нескольких местах на нашем побережье. Но с ней может произойти ряд событий, которые сделают её практически бесполезной с точки зрения производства продовольствия, а это важнейшая задача для страны.

Во-первых, обрабатываемые земли, будь то пашни или пастбища, могут быстро прийти в запустение, давая лишь скудную добычу для скота и овец, да и те окажутся в дефиците, если кролики появятся первыми. Зловещее увеличение площади земель, возвращаемых под «грубые пастбища», в период, когда площадь сельскохозяйственных угодий неуклонно сокращается, достаточно ясно показывает, что происходит. Большая часть наших грубых пастбищ, конечно же, приходится на вершины гор и пустоши. Но весь недавний прирост, и гораздо большее его количество, приходится на земли, пригодные для обработки, которые возделывались бы в любой другой европейской стране или даже в наших собственных доминионах, но которые невозможно возделывать здесь из-за постоянного государственного пренебрежения.

Политики типа Инскипа, как и мы, верят, что эту заброшенную землю можно превратить в *****электронный конвертер DEMO Водяные знаки*****

Производство в чрезвычайных обстоятельствах. Видимо, разочаровывающий опыт последней войны не научил их, что землю нельзя мгновенно превратить в продуктивную, пощекотав её несколькими тракторами и неквалифицированной рабочей силой. Мелиорация земель — это высококвалифицированная работа, требующая нескольких лет кропотливого труда, прежде чем будет достигнут результат. Её можно с большой пользой включить в долгосрочную сельскохозяйственную политику, но как средство производства продовольствия в чрезвычайных обстоятельствах она практически бесполезна.

Во-вторых, строительство, будь то жилое или промышленное, ежегодно занимает огромные площади земли и полностью стерилизует столько же, сколько фактически используется. С 1929 года только Англия и Уэльс потеряли 421 000 акров сельскохозяйственных угодий, из которых лишь 159 000 акров вновь превратились в пастбища; почти все оставшиеся 262 000 акров перешли в руки строителей, причём большая их часть представляет собой ровные и плодородные пахотные земли, находящиеся в стадии интенсивной обработки.

Следует помнить, что потеря сельскохозяйственных угодий не ограничивается площадями, фактически занятыми фабриками, домами и садами. Необходимо проложить дороги и обустроить зоны отдыха, и всегда, особенно в районах новой застройки, существуют большие участки пустошей. Более того, значительно страдают сельскохозяйственные угодья на окраинах застроенных территорий или сельскохозяйственные угодья, которые, по современной моде, усеяны отдельными жилищами. Воробы и крысы налетают тысячами; ворота и заборы ломаются; бродячие собаки нападают на скот, а мелкий ущерб значительно увеличивается. С появлением дешевого дорожного транспорта и последующим выносом пригородной застройки площадь пострадавших земель, хотя и возвращаемых в сельскохозяйственный оборот, должна составлять сотни тысяч акров.

Невозможно избежать вывода о том, что Британия растрчивает своё национальное наследие в то время, когда ход мировых событий делает жизненно важным сохранение каждого акра. Тем, кто может счесть это заявление тревожным, рекомендуется внимательно изучить недавнюю работу профессора Р. Г. Стэплдона «Земля: сейчас и завтра». Авторы исследования считают, что «наши сельскохозяйственные площади стремительно сокращаются и неизбежно будут сокращаться, и если не будет принято решение о минимальной площади, которую любой ценой следует сохранить для производства продовольствия, и не будут приняты соответствующие меры, то не более чем через двести лет сельскохозяйственные угодья Англии сократятся вдвое».

Двести лет могут показаться долгим сроком, но найдется ли хоть кто-нибудь достаточно смелым, чтобы предположить, что наши дети, не говоря уже о наших внуках, смогут неограниченно получать продовольствие из обеих Америк и стран с антиподами? Хотим ли мы войти в историю как поколение, растратившее национальное достояние и оставившее наших потомков сталкиваться с элементарной проблемой голода? Викторианский экспортный капитализм оставил нам в наследство неблагополучные районы; должны ли мы нести ответственность за новые опустошенные районы?

Дальнейшее рассмотрение продовольственных и экономических аспектов нашей земельной проблемы приведет нас к глубокому обсуждению многочисленных функций сельского хозяйства как неотъемлемой части жизни нации. Поэтому необходимо прерваться, чтобы обсудить не менее важный культурный аспект.

Правда, этому аспекту уже уделяется некоторое внимание, пусть и нерегулярное и одностороннее, в рамках движения за градостроительство. Но само название этого движения обнажает его ограниченность. Общество, которого приучили забывать о значении сельского хозяйства и считать импортные поставки продовольствия естественным явлением, стало считать сельскую местность всего лишь придатком городов, своего рода превознесённым общественным парком. Действительно, существует серьёзная опасность того, что сельская Англия может превратиться в безликое «открытое пространство», подобно тому, как огромная часть британских графств превратилась в безликий садово-парковый пригород.

Врождённое стремление городских жителей вырваться из шумной, загазованной атмосферы своих городов не может вызвать ничего, кроме сочувствия. То, что эти люди с радостью проведут половину воскресенья, глотая бензиновые пары на перегруженной главной дороге, чтобы вторую половину провести на свежем воздухе, – трогательный и трогательный факт. Жаль только, что многие из них, похоже, не способны воспользоваться плодами своего предприятия, не испортив их.

Ведь деревня не может выполнять свою культурную функцию, если ей не позволят сохранить свой характер, а этот характер неотделим от её материальной, или сельскохозяйственной, функции. Город не может уйти от города, если он заберёт его с собой, так же, как интеллектual не может дать своему уму отдохнуть, если возьмёт свои аргументы с собой на загородные прогулки. Вид деревни, превращенной в пригород теми, кто приехал «жить в деревне», так же жалок, как вид группы интеллектualов, шагающих, охваченных потоком разговоров, в то время как вокруг них происходят десятки тысяч дел, более интересных и важных, чем их собственные. Как недавно сказал один фермер: «Меня не очень волнует, что они ходят по моим полям. Меня не очень волнует, что они выгуливают своих глупых собак за мой счёт. Меня даже не волнует, что они карабкаются через ворота, которые может открыть ребёнок. Но когда я думаю, что они прошли больше двух миль по хорошей земле и ни разу не удосужились взглянуть, что происходит, я чувствую, что моя вежливость была потрачена впустую».

То, что мы можем назвать отношением к «общественному парку», находит выражение в формах более серьёзных, чем безразличие к сельской жизни. Как мальчишка не считает зазорным бросать камни в уток, когда сторож не видит, так и тысячи образованных взрослых не видят ничего плохого в мелком нарушении границ частной собственности, когда вероятность обнаружения минимальна или отсутствует вовсе. И кумулятивный эффект мелких нарушений создаёт неприятную ситуацию в районах, излюбленных городскими эскапистами.

В Германии фруктовые деревья высаживают вдоль дорог, а землю обрабатывают вплоть до края металлической ограды. В Англии такая практика совершенно невозможна, поскольку деревья будут вырублены организованными налётчиками, а посевы вытоптаны на ширину цепи. Британец не обязательно менее честен или более разрушителен, чем немец; он просто дерурализирован до такой степени, что его представление о ценностях и кодекс нравственного поведения исчезают вместе с последним фонарным столбом. Люди, которых шокирует мысль о том, чтобы стащить пенни-карандаш с прилавка магазина, не увидят ничего аморального в том, чтобы прорваться через полдюжины живых изгородей ради грибов.

Сельская местность может предложить своим гостям столько реальных богатств, что очевидный способ преодолеть нынешние пагубные тенденции — показать людям, где это богатство зарыто. Даже сейчас многие умеют ценить целительный бальзам уединения, духовный комфорт покоя и безопасности, всепоглощающий интерес к постоянно меняющимся полям и лесам; но таких слишком мало. Никто не станет добровольно портить или портить то, к чему он испытывает личный интерес, и первым шагом к сохранению сельской местности является общенациональная кампания по развитию того, что профессор Стэплдон называет «сельским мышлением».

Фашистскому правительству, естественно, придётся решать земельную проблему в полном объёме, поскольку земля — одна из основ, на которых строится его концепция живой нации. Более того, его провозглашённая политика развития сельского хозяйства сама по себе создаст серьёзную проблему, стимулируя спекулятивную активность на рынке недвижимости, и с этой активностью необходимо будет жёстко бороться, прежде чем сможет быть полностью разработана аграрная политика.

Отношение фашистов к земле можно изложить в нескольких предложениях.

Земля больше не должна рассматриваться как спекулятивный товар. Её стоимость должна быть справедливо оценена, и весь прирост должен быть разделён между теми, кто участвовал в её создании, включая

Состояние.

Землепользование должно стать предметом тщательного долгосрочного национального планирования. По возможности, строительство должно ограничиваться территориями с низкой сельскохозяйственной ценностью.

Земельная собственность должна быть максимально распространена, имея в виду создание большого числа небольших, надёжных семейных свободных земельных участков. Однако это также повлечёт за собой ответственность, и те, кто злоупотребляет своей землёй, будут считаться социальными врагами.

Необходимо улучшить доступ населения к земле путем расширения и более четкого определения полевых троп, мест для кемпинга и придорожных стоянок. В то же время необходимо пересмотреть закон о незаконном проникновении и обеспечить лучшую защиту сельского населения от посягательств и ущерба. Возможно, потребуется создать корпус инспекторов.

Необходимо вести войну с такими вредителями, как кролики, грачи и голуби; и хотя не будет никакой дискриминации в отношении полевых видов спорта, нельзя допускать, чтобы такие виды спорта мешали сельскохозяйственной или рекреационной деятельности.

Общественность должна воспитываться в духе уважения и оценки сельской местности, а также осознанного интереса к ее деятельности.

Мы, как раса, не склонны к сентиментальности по отношению к земле. Мы употребляем слово «Родина», но редко, а «Отечество» – никогда. Столетие либерализма невмешательства и финансового консерватизма породило недальновидное, коммерциализированное отношение к нашей земле.

Однако Британия нашей мечты, физическое воплощение нашего национального духа, – это не Британия улиц и фабрик, и даже не парков и общественных зданий, а Британия улыбающихся долин и холмистых возвышенностей, возделанных полей и уютных домов. Город – это город во всем мире; и города мира с каждым годом все больше стандартизируются. Но сельская Британия – это нечто особенное, наше, неотделимое от нашего национального характера. Мы должны ревностно хранить ее, не в музейной атмосфере Стратфорда-на-Эйвоне, а в естественной силе производительности.

Мало кто из нас оторван от земли больше, чем на несколько поколений. Немного перевоспитания прессой и радио снова сделало бы нас сельскими жителями, по крайней мере, в минуты досуга: не образование профессионального школьного учителя, чьё «сельское хозяйство» состоит из полезных, но довольно скучных элементарных наук, а образование, которое вывело бы нас на проселки и полевые тропинки с открытыми глазами и пытливым умом. Знакомство с историей и повседневной жизнью деревни не только побудило бы горожанина оценить проблемы сельского хозяйства, но и наполнило бы его сельские прогулки всепоглощающим интересом. Разумное отношение к сельской жизни могло бы стать лучшим противоядием от стресса городской жизни, ибо Мать-Земля способна дать утешение как душе, так и телу.

Гитлеровский Берхтесгаден — идиллия Новой Германии, Джоан Морган

Э Даже если вы хорошо знаете Баварию, и даже если вы помните, что Виттельбахи со всей Баварией и фюрер со всей Германией выбирали Берхтесгаден для своих летних резиденций, ничто не подготовит вас к этому месту, которое умудряется быть одновременно и сердцем старой Баварии, и душой новой Германии. Всё, о чём вы мечтали – о Баварии в её самой волшебной форме и о национал-социализме в её расцвете, – сжато в этом заключённом в горах рыночном городке с населением примерно равным населению новейшего лондонского многоквартирного дома.

После того, как поезд отправляется из Бад-Райхенхальса, он всё глубже и глубже уходит в горы, пока вы не почувствуете, что они полностью окутывают вас, когда вы поднимаетесь по глубокой долине, которая представляет собой клин Германии, вклинившийся в Австрию. (Можно, и это довольно захватывающе, дойти до Австрии пешком в любом из трёх направлений.)

Первое впечатление – движение. Все, начиная с двух лет, напрягаются в каком-то ожидании. Связано ли это с высотой, баварским оптимизмом или с тем, что фюрер может проехать в любой момент, я так и не понял; факт остаётся фактом: воздух буквально дышит жизнью.

Здесь, в этой очаровательной музыкально-комедийной обстановке, национал-социализм кажется очень забавным. За исключением редких встреч, которые просты и странно вдохновляют, вы не осознаёте всей глубины мистической серьезности всего этого, грандиозности выполненной задачи и задачи, которая еще предстоит.

Вы чувствуете, что СС с его привлекательной униформой, общением с фюрером и здоровой жизнью в прекрасной обстановке — весьма приятное занятие, и СС — действительно прекрасная организация, открытая для всех возрастов и классов на общей основе патриотизма.

Здесь, как нигде в Германии, видишь, как каждый, от самого старого члена СС до самого младшего ребёнка, продающего значки «Зимней помощи», заинтересован в судьбе страны; никто не страдает от душераздирающей муки чувства ненужности. Каждое достижение – это их достижение, каждая неудача – их. Понимаешь, как национал-социализм, возрождая надежду и веру в будущее своей страны, дал людям смысл жизни.

Многовековая жизнь этого места продолжается своим чередом, плюс национал-социализм; и поэтому жизнь в Берхтесгадене — это непрерывное представление. Когда занавес опускается на одном акте, начинается другой. Вы слышите монотонный гул: мимо вашего окна проходит поток из сотни крестьянок в национальных костюмах, в маленьких черно-зелено-красных вязаных пальто, которые они называют «берхтесгаднерами». С ними священник, и они медленно двигаются, распевая, опустив глаза. Позже вы слышите пронзительные голоса молодых девушек из «БДМ» (гитлерюгенд), марширующих в своих коротких коричневых пальто, или отряд гитлерюгенд — рослых, мужественных парней с знаменами. В воздухе всегда звучит маршевая песня.

Когда всё остальное не помогает, устраивают пожарную тревогу. Сотня пожарных (или один на каждые тридцать жителей) в кителях, касках и плащах-качалках отважно выступают перед вашим окном. Однако воскресенье – это день торжества. На Маркт-плац, вершине города, собираются крестьяне; мужчины в зелёных шляпах, соревнуясь друг с другом, спешат друг другу в необъятности щёток по одну сторону фонтана. *****Конвертер электронных книг DEMO Водяные знаки*****

С баварским львом, с другой – женщины в плоских чёрных шляпах, восседающих на коронах из кос. В десять часов вечера они переходят на пиво и сосиски в супе в Нойхаус (младшего брата Хофбройхауса) с его пивным садом под каштанами, где вам проветривают постель на ограде замка Виттельсбахов, с его пивным баром с непревзойдённой изысканностью, где лидеры партии общаются с гидами; центр жизнерадостного города.

«Гранд-отель», внушительный для любого. «Курхаус» с его превосходным оркестром и приезжими музыкантами из Мюнхена. «Крестьянский театр» с его грубоватым остроумием и завораживающей музыкой. Есть танцплощадки: «Хофшаффер» с его интимной атмосферой, где аншлаг, словно карманные платки, превосходит все ожидания лондонского метрдотеля, и «Кур-кафе», где огромные, элегантные юноши из телохранителей СС танцуют в здании бывшей королевской виллы Баварского дома. Есть художники, Фриц Рихтер с его странными, вдохновленными гравюрами на дереве и один из первоклассных пейзажистов современной альпийской школы.

Если говорить откровенно: во-первых, это дом фюрера, возвышающийся на вершине мира, со стеклянной стеной, выходящей на череду гор. Он возвышается на таком обрывистом месте, что кажется, будто наклонился назад. Дом доминирует над долиной, как фюрер доминирует над городом.

Вот Кёнигзее, прекраснейшее из альпийских озёр, глубочайшего зелёного цвета, окружённое со всех сторон отвесными горами. Вот Цаубервальд, волшебный лес, где ручей из Хинтерзее мчится сквозь зелёные, бархатистые скалы.

Вот соляная шахта, где (в этом краю униформы) надеваешь чёрный китель и белые брюки-карго (что совсем не так шикарно и к лицу, как звучит) и спускаешься на санках к подземному озеру с ожерельем из огней и свастики на другом конце. А вот и Шлоссплатц с военным мемориалом.

Здесь есть альпийские луга с природной сменой цветовых гамм: одну неделю розовый, следующую — голубой и желтый, которые свели бы с ума от зависти флористов Лондона, Парижа и Нью-Йорка.

Леса, ровные, ровные и густые, тянутся к самой линии снегов. Горы: прекрасный Ватцманн, второй по высоте в Германии; суровый Голль и суровый, овеванный легендами Унтерсберг. Для отважных есть освещённая прорубь на высоте 1800 метров внутри Унтерсберга, а также Альмбах-Кламм, ревущий, потрясающий ущелье, где кажется, что спускаешься гораздо дальше, чем поднимался. Это ущелье заканчивается только тогда, когда теряешь надежду, и относится к категории «Эмоциональные впечатления», а не «Пейзажи».

В Берхтесгадене вас одинаково приветствуют «Grass Gott» и «Heil Hitler!» Неудивительно: хвала Богу за то, что он создал нечто столь прекрасное, и хвала Гитлеру за то, что он сохранил это для людей, которые любят это больше жизни.

Северная всемирная федерация

Видкуна Квислинга

ЛИДЕР НОРВЕЖСКОГО НАСЬОНАЛЬНОГО САМЛИНГА

А Старый мир рушится, рождается новый. Одновременно с нашим третьим ежегодным съездом в Ставангере в прошлом году, в бывшем «дворянском клубе» в Москве открылся седьмой Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, после семилетнего перерыва, прошедшего с момента проведения последнего Всемирного конгресса в 1928 году.

Конгресс продолжался с 25 июля по 21 августа. Его главной целью было рассмотреть результаты деятельности еврейского международного марксистского заговора за эти семь лет в Советской России и за ее пределами в отношении реализации сталинской программы большевизации мира, которая была предметом обсуждения на предыдущем всемирном конгрессе.

Во-вторых, она подтвердила тактику своей программы, направленную на уничтожение сил национального сопротивления и разжигание огня мировой коммунистической революции. Особое внимание было уделено тактике так называемого единого народного фронта, развитие которого мы наблюдали во Франции, Испании, Бельгии и других странах. Мы также хорошо знакомы с ней здесь, в Норвегии, по так называемому «кризисному соглашению» с фермерской партией и по новой тактике маскировки Рабочей партии, принявшей на себя буржуазную и национальную личину. Другой вопрос, непосредственно касающийся нашей страны, а именно участие Советской России в Лиге Наций, также является проявлением той же тактики народного фронта, которая давно заложена в программе Коминтерна.

В этом году, когда мы, члены Национального собрания, собрались вместе на наш ежегодный митинг, мы видим созыв еще одного всемирного конгресса.

На этот раз акционеры обанкротившегося концерна Лиги Наций проводят свое Специальное общее собрание, чтобы обсудить вопрос о ликвидации предприятия или его возможной реконструкции осенью, когда Ассамблея проведет свое обычное ежегодное заседание.

Я упоминаю об этих событиях, которые произошли одновременно с нашими двумя последними национальными митингами, не только ввиду их огромной важности, но и потому, что они очень наглядно иллюстрируют внешнеполитическую ситуацию, с которой мы сталкиваемся сегодня.

С одной стороны, мы имеем неутомимо действующий мировой большевизм, который с исторической точки зрения является просто тревожным симптомом упадка старого мира, и настойчивые попытки темных сил направить мировую эволюцию по их собственному пути разрушения, то есть к универсальной материалистической республике под еврейской диктатурой.

С другой стороны, мы видим бесцельные попытки старого мира удовлетворить насущные требования современности, требования мира и сотрудничества между народами. Всё это дело сводится на нет столкновением индивидуальных интересов, точно так же, как внутреннее национальное сотрудничество, требуемое ситуаций, разрушается классовой борьбой и эгоистичными партийными распрями. Этот процесс распада сопровождается беспорядками и кризисами, войнами и гражданскими распрями. Вмешиваются интернационалистские державы, и вся проблема постепенно скатывается к марксизму и разрушению, точно так же, как буржуазно-либеральное государство постепенно поглощается *****электронным конвертером DEMO Водяные знаки*****

Марксизм, как мы так ясно видим в нашей собственной стране. И среди всего этого вечно молодой род человечества даёт новые победы; национальные движения возрождения и объединения возвещают новую эпоху, несущую новое государство и новый мировой порядок. Новый порядок зарождается и в нашей стране.

САНКЦИИ И КРАХ ЛИГИ

Другим существенным фактом является то, что крах буржуазно-парламентского капиталистического учреждения — Лиги Наций — объясняется не только ее собственной несостоятельностью и подпольной деятельностью марксизма или же принципиальными и формальными ошибками в организации Лиги.

Она была разрушена фашистской Италией, одним из представителей организованных сообществ нового времени. Несмотря на пятьдесят государств, применявших санкции, и сопротивление всего демократического и марксистского мира, а также мирового общественного мнения, мобилизованного против фашизма и Италии, национальное единство оказалось сильнейшей силой.

Ни в коей мере не отождествляя себя с итальянским фашизмом или итальянскими интересами, лидеры «Национального единства» с самого начала заняли ясную и однозначную позицию по вопросу эфиопского конфликта. Они выступали за нейтралитет Норвегии и против её участия в так называемых санкциях.

В этом мы руководствовались исключительно интересами нашей страны. Однако я полагаю, что общественное мнение здесь, как и во многих других местах, стало жертвой пропаганды, которая на самом деле служила совсем иным интересам, нежели тем высоким идеалам, которые она якобы внушала.

Однако наше движение не приняло ничью сторону. Мы потребовали нейтралитета Норвегии и продемонстрировали лицемерие и бесцельность всей этой санкционной игры. Сегодня мы можем сказать, что правильно оценили ситуацию.

С военной точки зрения мы были правы. Вопреки общему мнению, мы верно оценили значение современных военных материалов, а также силу сопротивления Эфиопии и Англии и, не в последнюю очередь, огромную моральную и материальную мощь, созданную народом, организованным для совместных усилий на исторической и национальной основе.

Политически мы тоже были правы. Бесполезность и серьёзные просчеты политики санкций теперь очевидны. Взгляните на трагическое поражение могущественной Англии из-за её недальновидной политики Лиги; это величайшее моральное и практическое поражение, которое Британская империя потерпела с тех пор, как потеряла Америку.

Советская Россия, этот новый и замечательный член Лиги Наций, увидела в политике санкций возможность поспорить сначала с Муссолини, а затем с Гитлером, но когда их расчеты начали терпеть неудачу, коварные еврей-большевики тихо отошли на второй план и, сами выйдя сухими из воды, оставили британское правительство нести вину и страдать от позора.

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Впервые со времен Второй мировой войны Норвегии пришлось столкнуться с действительно суровыми фактами во внешней политике, что существенно затрудняет ведение привычной провинциальной политики.

В этой связи я хотел бы подчеркнуть факт, который, к сожалению, недооценивается в нашей стране:

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

а именно, что жизнь людей определяется внешней политикой, а не внутренней политикой.

Наряду с собственной «волей к жизни» нации её внутренние условия и её структура определяются международными экономическими и экономическими условиями. Эти условия создаются первобытными и насущными потребностями народов и государств, их борьбой за существование и за пространство для жизни. Однако влияние государства во внешней политике всегда соответствует степени развития его внутренней силы.

Таким образом, необходимость самообеспечения в случае войны и, прежде всего, перестройка структуры мировой экономики просто вынуждают сообщества организовываться на экономической основе в национальные рабочие государства. Изменившиеся условия во всем мире вынуждают каждую страну взаимодействовать со своими соседями как организованная экономическая единица, обладающая полным и эффективным контролем над всеми своими ресурсами и возможностями для их наилучшего использования. В этом смысле нынешний кризис – это, главным образом, кризис перестройки мирового производства и торговли.

Однако не существует никакого внутреннего противоречия между потребностью эпохи в этих объединенных и четко очерченных экономических национальных единицах и потребностью в планомерном международном сотрудничестве, которое с непреодолимой силой движимо экономическими причинами, а также соображениями сохранения мира.

Именно формирование таких организованных национальных личностей приведет к честному и эффективное международное сотрудничество, свободное от предвзятости и угнетения.

ДВА ВРАЖДЕБНЫХ ЛАГЕРЯ В ЕВРОПЕ И В МИРЕ

Дело в том, что в мире, и особенно в Европе, как и перед мировой войной, образуются два враждебных лагеря. Советская Россия, Франция и Чехословакия, поддерживаемые международным еврейством, которое подстрекает их к войне против национал-социалистической Германии, уже выступают единым фронтом против этой страны и стремятся ещё больше окружить Германию как в политическом, так и в военном отношении.

В этих условиях положение Норвегии становится крайне уязвимым, поскольку она находится на перекрестке путей России, Германии и Англии и ее внутренняя политика уже находится во власти марксистов.

Россия, из великой европейской державы с азиатскими интересами, превратилась в великую азиатскую державу с европейскими интересами, особенно в Атлантическом регионе. Но, прежде всего, она — база мировой революции.

Мировой большевизм пытается превратить Норвегию, а вместе с ней и всю Скандинавию, в правый фланг своего европейского фронта нападения на Германию и Англию. Этот план таит в себе зловещие возможности для нашей страны. В случае конфликта между Германией и Советской Россией вся политика Рабочей партии побудит Норвегию встать на сторону большевиков в противовес Германии, что противоречит нашему обещанию нейтралитета.

Транмаль, безответственный диктатор Рабочей партии, недавно достаточно ясно высказался в этом направлении. Пока Норвегия и Советская Россия являются членами нынешней Лиги Наций, а Германия — нет, нам, по-видимому, серьезно угрожает война в этом направлении, поскольку мы обязаны предоставить Красной Армии и её ВВС свободный проход через страну в случае германо-советского конфликта.

В нынешних условиях в Европе существует также вероятность войны между Германией и Англией. Это может произойти, например, в связи с конфликтом между Германией и

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

Тройственный союз Франции, Чехословакии и Советской России, причём Чехословакия была едва ли не более уязвимым местом, чем Австрия. Если Франция затем начнёт войну против Германии, это даст Англии повод для войны, которая теперь ещё более очевидна, чем прежде, учитывая бурное развитие авиации.

Такая война между Англией и Германией является катастрофической возможностью для Норвегии, поскольку мировой войны вся ситуация теперь полностью изменилась.

Через Лигу Наций как инструмент британской мировой политики мы были бы тогда вынуждены прямо вступить в войну и, даже если бы Лига Наций распалась, мы, по мнению такого авторитета, как лорд Ллойд, несомненно подверглись бы карательной бомбардировке, если бы, как это было в случае мировой войны, позволили нашему торговому флоту перевозить товары для Англии, на чем она, со своей стороны, несомненно, настаивала бы сейчас, как и тогда.

Норвежская рабочая партия – правительственная партия – активно поддерживает эту политику, направленную против Германии. Если Норвегия согласится на это, это будет означать, что мы безвозвратно втянуты в эту военную политику, вопреки желанию по меньшей мере 99% норвежского народа. Норвегия не может и не будет идти войной, пока наша свобода и наши границы не окажутся под угрозой.

МИР С АНГЛИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ

Я уже подчёркивал, что мир между Германией и Англией жизненно необходим для нашей страны. Прежде всего мы должны не допустить, чтобы Германия и Англия оказались по разные стороны баррикад в новой войне. Для нас это было бы фатально и означало бы уничтожение.

Поэтому от нас зависит сделать всё возможное для установления мира и взаимопонимания между этими двумя странами, которые, как и мы, имеют нордическое происхождение и мировоззрение. Даже если мы не в состоянии сделать многого в этом отношении и должны быть осторожны, чтобы не вмешиваться в дела других стран, нашим непосредственным долгом должно быть всеми справедливыми средствами противодействовать тем, кто пытается посеять раздор между нашими сородичами, как правило, на ложных и нечестных основаниях.

Мы знаем, в чьих интересах на самом деле предпринимаются эти усилия. Одна из них – мировой большевизм. Целью нашей внешней политики Норвегии должно быть достижение мира и примирение между Германией и Англией, независимо от партийных интересов. Совершенно очевидно, что интересы Норвегии требуют этого. Единственный способ избежать войны и хаоса – это сохранение мира и взаимопонимания между этими нашими великими соседями на юге и западе, с которыми у нас также самые обширные торговые связи.

Около 40 лет назад, как и сейчас, существовала возможность честной попытки установления прочного взаимопонимания между великими северными народами. Эта возможность была упущена или отвергнута, и катастрофа, последовавшая за этим упущением, охватила весь мир. Любой, кто сегодня осмеливается проводить ту же катастрофическую политику, должен делать это с открытыми глазами.

Но каждый, кто понимает, в какое время мы живем, должен взяться за дело и предпринять решительные и позитивные ответные действия.

Другое решающее соображение приводит нас к тому же выводу, что и в отношении основных направлений нашей внешней политики. Декадентский либерализм и его порождение и наследник, марксизм, направлены против национальных общностей, прежде всего против нордических.

Сознательно или бессознательно, цель этой политики — разрушить естественные национальные Организация народов в целях создания международной мировой республики.

*****Конвертер электронных книг DEMO Водяные знаки*****

Тогда внутренняя сплочённость наций будет разрушена. Они станут добычей той нации, которая, в отличие от всех других наций, рассеяна по всей земле и паразитирует за счёт других наций; именно поэтому ей и нужен такой порядок, чтобы осуществить своё страстно желанное господство над миром. Ибо в этом господстве кроется секрет еврейского национализма и империализма.

Поединок между иудаизмом и нордическим духом неизбежен, поскольку марксизм и интернационализм, по сути, являются еврейским национализмом и империализмом, заговором, вдохновлённым и руководимым иудаизмом против определённо нордической европейской цивилизации. Очевидно, что процессы разложения в настоящее время представляют собой серьёзнейшую угрозу жизненным идеалам, а самые сильные противоречия нашего времени свелись к борьбе между иудаизмом и нордическо-европейским принципом. В связи с этим мы должны осознать, что наиболее действенным средством против нынешнего упадка и подпольной деятельности марксистского материализма будет национальное возрождение нашего народа на оживляющей, или жизненной, основе нордической расы и характерного для неё темперамента.

И, с другой стороны, должно быть в самом широком смысле более тесное культурное, экономическое и политическое сотрудничество между нордическими и нордически определёнными народами во всем мире: в скандинавских странах, в Голландии, Фландрии, Британской империи, Германии и в других странах, где члены нордической семьи сравнительно менее многочисленны.

Таким образом, значение слова «нордический» не ограничивается скандинавскими народами, а применимо ко всем великим нордическим расам, и мы сейчас не рассматриваем ненадёжное северное сотрудничество.

Напротив, это, с одной стороны, необходимое следствие осознания того, что сохранение национального характера и организации – важнейшая жизненная задача всех творческих народов. Только таким образом можно обеспечить свободное и мирное развитие скандинавской культуры и её особенностей, как в национальном, так и в универсальном плане. В то же время это одно из условий глубокого признания ценности и культурного вклада других рас, и таким образом укрепит все нации в борьбе с распадом и хаосом.

С другой стороны, это неизбежное следствие того, что международное сотрудничество, которое необходимо развивать в наше время, должно, по возможности, опираться на северные народы, столь тесно связанные расой, языком, культурой и интересами. Они имеют одинаковый уровень жизни и схожие взгляды на жизнь, а также географически сгруппированы.

С экономической точки зрения они также являются лучшими клиентами друг друга.

СОЮЗ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ

Блок этих народов, союз северных народов, будет непобедим. Такой союз будет гораздо более способен, чем обанкротившаяся либерально-марксистская Женевская лига, служить оплотом против мирового большевизма и создавать гарантии мирного развития мира. Путь к организованному человечеству будет найден в объединении великой семьи северных народов в таком блоке с общей валютой, свободной внутренней торговлей и общей таможенной политикой; их целью будет вовлечение в эту систему других стран и групп держав.

Такая внешняя политика станет лучшей гарантией позиций Норвегии в мире и против большевизма. Кроме того, она создаст поле деятельности за рубежом для нас и других.

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

для избытка энергии, которого следует ожидать в этой стране, если наших собственных ресурсов недостаточно.

СОТРУДНИЧЕСТВО, ОСНОВАННОЕ НА НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЯХ

Подчеркивая общую судьбу Севера, мы не должны недооценивать значение и достижения других или нашу общую человечность; и, прежде всего, мы не должны недооценивать важность обычного европейского и всеобщего сотрудничества. Но это международное сообщество должно быть основано на системе национальных государств. Оно должно быть создано национальным подъёмом народов Европы и всего мира, а не результатом либеральных и марксистских экспериментов, таких как Лига Наций, Панъевропейское движение и Советская Россия, местонахождение всемирной Советской Республики.

История жизни показывает, что любой прогресс зависит от союза свободы и различия с товариществом и организацией. Универсальные монархии и мировые республики приводят к анархии и распаду. Гегемония одной нации губительна как для других, так и для неё самой. Вавилонское смешение всех наций и рас, к которому стремятся либерализм и марксизм, означает разрушение индивидуальных особенностей и ценностей каждого. История учит нас, что истинная гармония достигается путём сегрегации и развития.

Инстинкт человечества к организованному становлению направлен на национальную жизнь и сотрудничество национальных единств. По этой причине все международные институты, исходившие из либерализма и марксизма, не достигли своих мнимых целей, которые должны были обеспечить доброе взаимопонимание между нациями и способствовать их прогрессу.

Ввиду провала либеральных идей Лиги и международного марксизма крайне необходимо создать новое содружество наций европейского и всемирного характера, основанное на новых идеях организации сообществ, которые были заложены конгрессом нового порядка в Монрё 16 и 17 декабря 1934 года. Первым соображением конгресса является уважение духовных и национальных ценностей.

На смену лицемерным и техничным методам старой дипломатии должно прийти спонтанное и честное сотрудничество между всеми молодыми и здоровыми национальными движениями и воссозданными ими национальными государствами ради всеобщего духовного обновления и политического и экономического подъёма во всём мире. Но в рамках этого всеобщего плана нации, происходящие от одного корня и разделяющие общую культуру и цивилизацию, должны объединиться в соответствии со своими ближайшими интересами.

СЕВЕРНОЕ МИРОВОЕ ДВИЖЕНИЕ

Главный принцип, на котором основывается «Национальное единство», заключается в том, что наша политика, помимо соответствия требованиям, предъявляемым современными изменениями, должна гармонизировать со всем необходимым и желаемым нашей семьёй народов. Бесплезно ожидать национального возрождения, если мы не возродим огонь скандинавского духа и не будем строить свою жизнь на основе духовного и ответственного мировоззрения.

Никакого прогресса нельзя ожидать, если мы не сохраним северный штамм в чистом виде; если мы не сохранив свою самобытность, мы её потеряем и придем к национальному вымиранию.

Так называемая нордическая идея, согласно которой нордический народ может быть возрожден только путем создания нового государства.

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

в соответствии с современными требованиями и на двойной основе национальных ценностей и духовного мировоззрения, имеет постоянно растущее влияние и ценность в соответствующих странах Северной Европы и уже играет важную роль в практической политике.

Таким образом, семена и почва для общескандинавского сотрудничества уже существуют. Но для того, чтобы идея могла достаточно быстро распространиться, она должна найти определённое и адекватно организованное выражение.

В этих обстоятельствах я считаю, что настало время нам приступить к содействию культурному, экономическому и политическому сотрудничеству между северными народами и другими народами с северными взглядами во всем мире со следующими целями:

- Создание международного скандинавского движения.
- Образование Северного союза народов.

Активное участие в работе по устройству мира и его мирному развитию, а также в обеспечении места и вклада нашей страны в происходящие революции и новые конституции. Это сотрудничество должно начинаться, как обычно, в области идей, чтобы политически реализоваться на прочной экономической основе.

Таким образом, если существующая валютная база могла бы быть расширена до уровня установленного валютного союза между северными народами и если бы посредством политического фискального сотрудничества между этими народами мог быть создан таможенный союз, то была бы прочно заложена основа для политической реализации наших провозглашенных целей: великого союза северных народов в мировом братстве.

Этот идеал уже давно является частью программы «Национального единства». Из этого следует, что паннордическое сотрудничество фактически подразумевает дальнейшее усиление взаимодействия северных государств в более узком смысле: Норвегии, Швеции, Дании, Финляндии и норвежских островов в Северном море. Положение Дании и Финляндии настолько уязвимо, чем положение Норвегии и Швеции, что Норвегия, во всяком случае, не может добровольно связать свою судьбу с этими странами без поддержки, которую можно было бы получить в мирных и стабильных отношениях с Англией и Германией. Однако, гарантируя это, также желательно, чтобы северные страны заняли своё место как естественная группа в северном мире – в сотрудничестве с британцами, немцами, голландцами и другими.

В этой связи я хочу подчеркнуть тот факт, что это не меняет дела, если многие люди в этой стране считают, что они не согласны с различными деталями британской и германской политики. Условия, которые сегодня требуют сотрудничества с нашими родственниками и между ними, важнее тех, которые могут нас разъединить.

Возможно, найдутся и те, кто возражает против нашей внешней политики и считает, что наши собственные дела – это всё, чем мы можем управлять. Я хотел бы напомнить им, что характерная черта нашего времени заключается в том, что мир превращается в единое огромное экономическое целое, и ни одна страна больше не может быть самодостаточной; она зависит от других; и если такое сотрудничество в текущей политике жизненно важно для нашей страны, то оно в равной степени важно и для нашего движения. Поскольку силы, работающие на разрушение нашей нации, организованы на международном уровне, мы обязаны противопоставить им организацию, цели которой выходят за рамки национальных интересов. По-настоящему эффективная организация такого рода может быть построена только на общей жизненной основе наших народов – нордическом принципе.

НОРДИКИЙ ПРИНЦИП

Нордический принцип основан на нордических традициях, нордической мысли и конструктивном сотрудничестве, в отличие от еврейского либерализма и марксизма, которые преследуют свои разрушительные цели посредством ненависти, зависти и классовой борьбы ради собственной выгоды. Первый связан с Божественным, второй — с дьявольским.

Духовная сила нордического принципа, таким образом, сильнее и глубже марксистско-материалистического взгляда на существование, грозящего нашей расе и цивилизации уничтожением. В действительности это наш истинный национальный Принцип, которому мы должны следовать и который мы должны воплощать в жизнь с неумолимой последовательностью.

Я также убеждён, что, осознавая глубокие истины исторического прошлого и исторического настоящего, и видя великие свершения народов нордической расы с начала истории до наших дней, когда они могущественнее, чем когда-либо прежде, и одновременно убеждаясь в том, что Божественная Воля проявляется в историческом ходе мирового развития, мы должны, не умаляя значения и вклада других, верить в непреходящую историческую и божественную миссию нордических народов в мире. Как и в прошлые времена, миссия нашей великой семьи народов должна заключаться в том, чтобы разрушить устаревший мир и создать новый мир, способный поднять всё человечество на новую ступень развития.

Национальное единство призывает всех людей нордической расы и мировоззрения во всех странах — норвежцев, шведов, датчан, исландцев, британцев, немцев, голландцев и всех других людей нордической крови и духа — объединиться в Северное всемирное движение для создания мира и сотрудничества между всеми нордическими народами во всем мире и продолжить борьбу за спасение и прогресс нашей цивилизации.

Интерпретация фашизма Клодом Саттоном

ФАШИЗМ, в том смысле, в котором он будет использоваться в этой статье, — неуклюжий и неудобный термин для обозначения мирового движения, возникшего в наше время, чтобы конкурировать с марксизмом и либерал-демократией за лояльность людей. Несомненно, его следует ограничить обозначением особой формы, которую это движение приняло в Италии. Тем не менее, общественное мнение, ощущая, что в итальянском фашизме возникло нечто новое и имеющее мировое значение, продолжает использовать этот термин в более широком смысле.

Фашизм не интернационален, как коммунизм, в том смысле, что он не является догмой, навязываемой каждой нации, независимо от её истории и обстоятельств. Скорее, это глубинное сходство мировоззрения, которое можно обнаружить в различных современных национальных движениях и которое, как можно заметить, возникает с необходимостью из нынешней ситуации, в которой находится наша европейская культура. Мы, англичане, разделяем общее культурное наследие Европы; подобно тому, как идеи Французской революции оказали на нас глубочайшее влияние, мы неизбежно должны быть глубоко затронуты идеями фашистского движения и реагировать на эти идеи по-своему, по-своему, по-своему.

Два фактора, повсеместно порождающие это движение, — это упадок либеральной демократии и подъем марксизма.

Достаточно лишь поверхностного знакомства с историей, чтобы понять, что в либеральной демократии нет ничего неизбежного или вечного. По сравнению с другими формами правления демократические правительства не были ни распространёнными, ни стабильными и не внесли в человеческую культуру столько непреходящей ценности, сколько аристократические и монархические. Конечно, можно — и часто так и делается — определить демократию таким образом, чтобы включить в неё все приемлемые формы правления вообще, например, описать Англию при королеве Елизавете или при Питте как демократию. Но это грубое злоупотребление языком и обесценивание интеллектуальной валюты. «Демократия» не должна использоваться для обозначения любого правительства, которое правит с согласия почти всех управляемых; ни того, которое сознательно стремится к благосостоянию всего народа; ни того, которое терпимо к разнообразию мнений и поощряет свободное обсуждение; ни того, которое правит в соответствии с устоявшимся и известным законом, беспристрастно применяемым. Многие демократические правительства явно потерпели неудачу в этих отношениях; Многие недемократические правительства в высокой степени демонстрировали эти качества. Абсурдно называть «демократией» любое правительство, не являющееся тираническим; демократия — это особая историческая форма правления, которая иногда удовлетворяла всеобщее удовлетворение, иногда — нет. Её главная особенность, по-видимому, заключается в решении всех важных вопросов большинством голосов, будь то всего народа или больших представительных собраний.

Демократия, какой мы её знаем в Западной Европе и Америке, — которую я буду далее называть «либеральной демократией», — является особым порождением Французской революции и основана на своеобразных теориях некоторых влиятельных мыслителей той эпохи. Основополагающая философия человеческой природы, на которой она основана, не всегда принималась мыслящими людьми, и нет оснований полагать, что её влияние на умы людей будет вечным. Напротив, существуют веские доказательства того, что эта философия «прав человека и гражданина» больше не имеет *****электронных книг. DEMO Водяные знаки*****

убежденность, и что поэтому основанная на ней система правления обречена на исчезновение.

Как и другие политические философии, он не завоевал всеобщего признания без борьбы. Но кто сегодня может найти хоть какую-то разницу между консерваторами, либералами и правыми (немарксистскими) лейбористами в отношении их идеалов или общего характера методов, которыми они предлагают их реализовать?

Каковы философские предпосылки или аксиомы этой системы либеральной демократии? Первое заключается в том, что все люди равны, по крайней мере в той мере, в какой они должны иметь равное участие в управлении. Второе заключается в том, что правительство существует лишь для того, чтобы никто не посягал на равную свободу других (Дж. С. Милль); или, как более выразительно выразился один студент: «правительство существует лишь для того, чтобы каждый человек мог попасть в ад своим путём». Третье заключается в том, что такая индивидуальная свобода приводит к наибольшему возможному удовлетворению¹ всех.

Фашизм основан на отрицании всех этих принципов. На первый из них он отвечает, что не все люди равны в своей способности к кооперативному предпринимательству, а правительство и есть кооперативное предпринимательство. Люди заметно различаются по мужеству, справедливости, преданности, правдивости и другим качествам характера, необходимым для любого корпоративного предприятия. Эти качества не являются монополией какого-либо класса и не зависят от образования в обычном смысле этого слова. Некоторым людям они явно не достают – например, всем старым большевистским лидерам, если верить их признаниям; любой из нас попытался бы отстранить их от власти в любой организации, за которую он отвечал.

Политическое представительство должно основываться на системе избирательного отбора реальных групп, члены которых лично знакомы друг с другом. Хорошая политическая система не должна даже пытаться обеспечить равный вес всех мнений.

Что касается второго принципа, то в нем отмечается, что равная свобода невозможна, поскольку не все люди хотят делать одно и то же; что каждая система права предполагает некоторые позитивные идеи относительно того, что объективно хорошо или плохо для каждого; что этот принцип либо бессмыслен, либо пагубен.

В-третьих, в силу природы человека и общества, максимально возможное удовлетворение не может быть достигнуто системой максимальной индивидуальной свободы; это также не «наибольшее счастье для наибольшего числа людей, когда каждый считается за одного и никто не считается больше, чем за конец жизни». Люди более ²одни – заинтересованы и должны быть более заинтересованы в благополучии своей семьи, своей профессии, своего района, своей страны; и хорошее правительство должно учитывать этот факт. Мы вернёмся к этим вопросам позже.

Либеральная демократия – это ленивая философия. Вместо того, чтобы решить, что следует делать, и упорно бороться за реализацию этого, настоящий демократ ждёт и смотрит, куда бросится большинство, убеждённый в том, что голос масс – это голос Божий. Сегодня даже не стоит пытаться убедить людей в том, что движущая сила либеральной демократии повсеместно иссякла. Мало кто всецело верит её лозунгам. Половина её нынешних сторонников – на самом деле робкие марксисты. Их провозглашённая цель – равное богатство для всех, а демократия – лишь средство для её достижения. Они наивно воображают, что этой цели можно достичь простым голосованием, без насилия, по крайней мере, в отдалённом будущем. Они часто выдают своё презрение к индивидуальной свободе как таковой. Они завистливы, но заботятся о своей шкуре. Таковы социал-демократы из Либерального лейбористского союза.

Какова философская основа нечестивого союза коммунистов и демократов, Где бы ни появлялся фашизм? Именно на эту проблему мы должны обратить внимание.

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

Коммунизм — или, лучше сказать, марксизм, поскольку вне Коммунистической партии есть много марксистов — является целиком и полностью продуктом индивидуалистической, эгалитарной философии либеральной демократии. В истории часто встречались революционные движения менее удачливых классов; это движение переняло своеобразную идеологию ранней викторианской эпохи, в которой оно зародилось. Оно также рассматривает общество как совокупность, а социальное счастье — как сумму. Оно принимает первые два принципа либеральной демократии: все люди равны — хотя Бога нет — и поэтому они должны иметь не только равные политические права, но и равное богатство. Опять же, счастье должно быть достигнуто путем предоставления всем равного богатства и затем предоставления им возможности делать с ним то, что они хотят; как только будет достигнуто экономическое равенство, государство должно «отмереть». Но оно самым решительным образом отвергает третий принцип либеральной демократии, согласно которому это счастливое положение вещей достигается путем предоставления людям возможности действовать в одиночку. *Laissez-faire* является конечной целью, когда будет достигнуто экономическое равенство; но это должно быть достигнуто путем насильственной диктатуры пролетариата, т. е. неквалифицированного фабричного рабочего.

Его центральная доктрина – классовая война между пролетариями и капиталистами. Он упорно загоняет всё человечество в эти два загона, хотя ни один экономист больше не воспринимает всерьёз теорию «прибавочной стоимости», на которой основывалось это различие. Насколько же нереальны эти два загона! Конфликт между группами действительно существует, и такой конфликт присущ живому обществу. Но значительную часть жителей современного государства, живущих на совместные доходы от своего труда и собственности, необходимой для того, чтобы этот труд был плодотворным, невозможно загнать ни в один из загонов без крайней необходимости. И разве конфликты интересов между горожанами и сельскими жителями, между фабрикантами и финансистами, между ремесленниками и чернорабочими, между расовыми и религиозными группами не столь же реальны и жизненно важны, как и этот мнимый конфликт между капиталистами и пролетариатом?

Лейтмотив марксизма — классовая борьба, в которой допустимы любые методы. Вот почему, где бы она ни поднимала голову, политика становится настолько ожесточенной и грязной, что разрушает всякое чувство морального единства нации, которое прежде смягчало межгрупповые конфликты. Вот почему с ней нужно бороться не на жизнь, а на смерть.

Но, скажут, разве коммунистический эксперимент в России не принёс ничего ценного? И разве нет никакого сходства между «диктатурами» коммунизма и фашизма?

Невозможно понять развитие коммунизма в России, если не различать нынешнюю стадию «отступления большевизма», как её называют, от более ранней стадии, на которой доктринёрский коммунизм имел полную власть. Эта ранняя стадия была отмечена беспрецедентным уничтожением, ради теории классовой борьбы, человеческих и материальных ресурсов страны – фермеров, специалистов и учителей, скота, машин, зданий и художественных ценностей. То же самое явление проявилось в Испании и других странах, где большевизм захватил власть. Когда примерно через десять лет производство достигло такого низкого уровня, что, казалось, был достигнут предел человеческих возможностей, от этих доктрин в значительной степени отказались; и с помощью капиталистических кредитов, иностранных специалистов и техники, а также стахановского подталкивания рабочих, было положено начало новому восстановлению. Конечно, перемена в настроении далека от завершения. Одним из симптомов этого, по-видимому, является нынешний конфликт между Сталиным, крепким и недоктринальным разбойником с Кавказа, и еврейской бандой, которая до сих пор контролировала Россию и теперь в значительной степени уничтожена. Россия не отказалась от Коминтерна и марксистского идеала мировой революции. Но для себя она, похоже, молчаливо отказалась от уравнивания богатства и диктатуры пролетариата и выстраивает мощную

Националистическое государство. При Сталине появились признаки своего рода стыдливого фашизма, терзаемого угрызениями совести. Если это был конец, то какой ценой это было достигнуто! ⁴

«Фашизм» возник на фоне упадка либеральной демократии и в ответ на угрозу большевизма. В отличие от большевизма, он не был реализацией академической теории; он возник в ответ на реальную ситуацию и поэтому может быть понят только в свете двух мировых движений, которые ему суждено заменить. Первоначально он был своего рода инстинктивной реакцией европейского человека на силы беспорядка: материализм, плутократию и космополитизм. Он един с коммунизмом в том, что абсолютно отрицает существование предустановленной гармонии, которая делает величайшее счастье всех результатом наибольшей свободы каждого. Но это всё, что у него общего с коммунизмом. Он занимает радикально иную точку зрения, чем коммунизм и либеральная демократия, в отношении «счастья», которое должно обеспечить государство. Ибо он рассматривает нацию как органическое единство множества различных функциональных групп; Каждый из них представляет собой уникальный вклад в развитие нации, с её собственным образом жизни, который необходимо развивать. Если правильные отношения между этими группами нарушены, в государстве не может быть прочного счастья и благополучия. «Мы могли бы, — сказал Платон, — сделать наших гончаров гораздо счастливее, позволив им лежать на ложах перед огнём, есть и пить, и крутить гончарный круг, когда им захочется. Но не советуйте нам этого делать, ибо наши гончары больше не были бы гончарами, а наши земледельцы — земледельцами»: ⁵

—

Более того, по словам Бёрка, нация рассматривается как «партнёрство не только живых, но и живых с мёртвыми и с теми, кто ещё не родился». Если это нечто, что длится вечно, с человеческими и природными ресурсами, которые могут быть растрочены или которые могут быть сделаны более плодородными.

В каждой из «фашистских» стран к власти пришло движение, стремящееся извлечь максимальную выгоду из национального имущества, подобно тому, как старый дворянин-землевладелец из своей семьи и поместья. Это то, что называют религией Крови и Почвы.

Очевидно, что эти движения не могут признавать неограниченные права большинства. Они не могут, например, позволить нынешнему большинству горожан стереть с лица земли с лица земли или наслаждаться максимально возможным текущим богатством за счёт будущей власти. Зло, которое несёт власть недалёновидного большинства – упадок общественной честности и духа взаимопомощи, упадок семьи, умственного и физического здоровья, упадок земель, лесов и судов – можно устранить, только предоставив лидерам широкие возможности и независимость.

Фашизм, очевидно, должен направлять и направляет основные усилия на укрепление наиболее слабых звеньев национальной цепи, то есть на улучшение положения наиболее притеснённых групп. Однако он не может допустить равенства между ленивыми и деятельными, между творческой и рутинной работой даже в качестве отдалённого идеала. «Фашизм утверждает неизменное, благотворное, плодотворное неравенство людей» (Муссолини).

Либеральная демократия парализована соперничеством функциональных групп, существование которых она якобы игнорирует. Фашизм признаёт это и основывает на них свою представительную систему, полагая, что сможет справиться с их потенциальными конфликтами посредством укрепления национального единства и «принципа лидерства», принципа индивидуальной ответственности. «Демократия» — принцип контроля анонимного большинства — «проходит испытание в промышленной сфере не в меньшей степени, чем в политической». ⁶ —

В экономической сфере целью фашизма, согласно его общему мировоззрению, является достижение максимально возможной безопасности и стабильности для всех производителей, а не максимальная свобода выбора.

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

для потребителей. С этой целью международная торговля должна быть отведена на подчинённое и вспомогательное положение в интересах национального планирования. И этические соображения – соображения о том, какой образ жизни следует поощрять или не поощрять – зачастую должны преобладать над экономическими.

В фашистском национализме нет ничего несовместимого с хорошо понятыми интересами других наций. Его внешняя политика основана на принципе «заниматься своим делом» и быть действительно готовым бороться за определённые, общеизвестные жизненно важные интересы, и только за них. Он, естественно, противится демократическим, эгалитарным и универсалистским принципам Лиги Наций. Он стремится к дружественному сотрудничеству с теми странами, с которыми у него действительно есть общие интересы, основанному на планомерном устранении возможных причин трений. Он стремится к лидерству как в международных делах, так и во внутренних. В Европе его задача — восстановить «европейский концерт», разрушенный основателями Лиги Наций.

Наконец, мы можем попытаться ответить на столь часто слышимое возражение, что фашизм всецело подчиняет индивида государству, а живое существо – нереальной абстракции. Ответ на это подразумевается в вышеизложенном. Правительство, по мнению фашиста, существует не только для увеличения счастья отдельных граждан. Оно является доверенным лицом непреходящей национальной культуры и материальных ресурсов, составляющих её необходимую основу. Без этого индивид был бы никем; он не мог бы от неё отказаться, даже покинув территорию государства; именно вся сумма традиций предков отличает его от человека каменного века. Правительство, которое обеспечивает гармоничное развитие различных культурных групп и предотвращает их взаимное уничтожение, имеет право на нашу преданность. Но государство – это всего лишь механизм, всего лишь «контейнер», как сказал Гитлер, для народа, задуманного как устойчивая биологическая и культурная сущность. Фашизм не является этатистским; В отличие от гегельянцев, он не поклоняется «государству как таковому».

С исторической точки зрения, он представляет аналогии с древнеевропейской формой государственного устройства, существовавшей «до того, как Оронт начал впадать в Тибр» – до возникновения абстрактного индивидуализма и стремления к спасению в иной жизни. Он также представляет аналогии с феодализмом с его представлением о том, что управление должно основываться на личной преданности человека человеку – первобытной тевтонской идее комитата. Более того, он напоминает о цели средневековых гильдий – регулировать производство в интересах всех категорий производителей. Как и любое крупное движение, он имеет свои корни в прошлом. Но это не просто возвращение к устаревшим системам. Он непонятен вне по сути современных концепций национальности, расы, добровольных торговых ассоциаций, отделения собственности от управления, идеи ответственности без вины, взаимодействующих культур в противовес «одноколейной» цивилизации – и многих других.

¹ Он насквозь современен и является порождением нашего времени. Пять лет назад многим из нас казалось, что выбора нет, кроме как между не слишком привлекательными альтернативами индивидуалистической либеральной демократии и марксистского социализма. Теперь же появилась третья альтернатива.

¹ Эта третья аксиома, как отметил М. Хальдв, принимает две формы. Согласно одной из них, максимальное социальное удовлетворение автоматически вытекает из максимальной индивидуальной свободы, независимо от законов и институтов общества. Согласно другой, для достижения этой максимальной суммы удовлетворений необходимы определённые правовые ограничения. Большинство авторов не придерживаются последовательно ни того, ни другого варианта; но у них нет сомнений ни в цели, ни в средствах — индивидуальная свобода должна быть ограничена как можно меньше. (Э. Галеви: Рост философского радикализма.)

² Дж. Бентам: Принципы морали и законодательства. Фоллетт: Новое государство, стр. 27.

³ Сравните с Аристотелем. «Политика» III, 9 и 12: «Справедливость — это равное отношение к равным и неравное отношение к неравным. Люди опускают тот или иной фактор, как им удобно, ибо они не являются хорошими судьями в своих собственных делах». Но это не освобождает нас от обязанности судить настолько хорошо, насколько мы можем.

⁴ Сам Сталин, кажется, совершенно отличается от «старых большевиков» – еврейских боссов России. Поразительно, что эти двое действительно

Великие люди, которых породила русская революция, не были евреями. Но мы не знаем, насколько сильное влияние оказал Сталин. тесть, Лазарь Моисеевич Каганович, который, похоже, является вторым человеком в государстве.

⁵ Платон: Сент. 420е. Берк: Размышления о Французской революции.

⁶ Миллер и Кэмпбелл: Финансовая демократия, недавнее исследование двух экономистов Ливерпульского университета о работе Британские промышленные компании.

⁷ А. Тойнби: Исследование истории. Т. I, стр. 149 эт.

Война в Испании, генерал-майор Дж. Ф. К. Фуллер

ЧАС Приняв участие в качестве солдата и журналиста в четырех войнах, а именно в Южно-Африканской войне, Первой мировой войне, Итало-Абиссинской войне и, наконец, в нынешней Испанской войне, я обнаружил, что каждая из них была необычайно разной.

Причина этого очевидна: причины их возникновения различны; однако в общественном сознании это не так. очевидно, что эти причины, в свою очередь, во многом влияют на форму, которую принимает война.

Например, в случае последней из этих войн общепринято считать её причины политическими, то есть, что это столкновение двух систем правления с чётко определёнными, но несовместимыми взглядами. Верно ли это? Я так не думаю, потому что, хотя политика играет отнюдь не незначительную роль, решающую роль, безусловно, играет культура, а это, если я прав, означает, что причины этой войны гораздо глубже политической пены, покрывающей её поверхность.

Поэтому я считаю, что мы не сможем понять происходящее, если не будем рассматривать его как столкновение культур, а также как столкновение политических теорий и вооружённых сил. Таких культур три:

Во-первых, реакционная Испания истории — застойная церковь, жалкая аристократия и умирающая буржуазия. Во-вторых, революционная Испания — реакция на эту инертность, представленная социалистами, анархистами и коммунистами, во многом заимствовавшими свои идеалы из иностранных источников — Марксом, Бакуниным, Троцким и другими. В-третьих, гипотетическая Испания будущего; о которой мечтал не Примо де Ривера, бывший всего лишь военным диктатором, а его сын Хосе Антонио, незадолго до этого убитый красным правительством.

В 1933 году этот молодой человек, хотя и не создал испанское фашистское движение, объединил и оформил «Фалангу испанских синдикалистов» (Juntas Offensivas Nacionales Sindicalistas – Комитеты активных национал-синдикалистов). Устав организации он разработал в двадцати семи пунктах, которые можно свести к четырём основным темам:

Национальные основы. Испания — высшая реальность для всех испанцев. Любой сепаратизм — преступление. Поэтому целью является единство Испании, и это единство не только не допускает ни международной изоляции, ни иностранного посредничества, но и требует воспитания воинских доблестей и создания мощной армии и флота.

Политические основы. Государство должно быть тоталитарным по своему характеру, в котором все политические партии будут упразднены. Корпоративная система должна заменить парламентскую. Политическая дисциплина обязательна, но частная инициатива необходима, если она совместима с коллективными интересами национал-синдикалистского государства.

Экономические основы. Капиталистическая система, «которая игнорирует потребности народа, дегуманизирует частную собственность и превращает рабочих в бесформенные массы, обречённые на нищету и отчаяние», отвергается. Также отвергается и марксизм. Сильные больше не должны господствовать над слабыми. Признаётся частная собственность и право на труд. Уровень жизни крестьянства должен быть повышен путём создания семейных хозяйств, а земледелие и скотоводство — рационализированы.

Моральные основы. Основы государства — единство, дисциплина и военная подготовка. Образование должно быть организовано так, «чтобы ни один талант не терялся из-за отсутствия средств». Католический дух, свободный от политики, должен быть воплощен в жизнь, а жизнь должна рассматриваться как долг, «который следует проживать в духе возвышенного служения и жертвенности».

ВОЙНА В ИСПАНИИ

Вопреки многому, что писалось в британской прессе, это движение имело мало отношения к началу восстания в июле прошлого года. В то время оно ещё находилось в зачаточном состоянии, но за последние восемь месяцев его рост стал поистине чудесным. Сегодня число его членов и сочувствующих исчисляется миллионами, из которых 180 000 объединены в милицию. Масштабы этого роста наглядно иллюстрирует тот факт, что движение теперь выпускает девятнадцать ежедневных и тридцать еженедельных газет.

Когда вспыхнуло восстание, цели генерала Франко, по-видимому, были несколько расплывчатыми. Это было восстание против невыносимых условий — фактически, восстание порядка против анархии; жизнь и собственность больше не уважались, а церкви ежедневно грабились и сжигались. Его цель, по всей видимости, была почти полностью военной, а именно — восстановить порядок, но неясно, какую форму правления он хотел бы установить. Если бы его победа была быстрой, она, по всей вероятности, привела бы к установлению военной диктатуры типа Примо де Риверы.

Высадившись в Испании, он столкнулся не только с полной неразберихой, но и с полным отсутствием единства и цели среди фракций, искавших его поддержки. Например, партия «Accion Popular» (Хиль Роблес) была ревностной католической и проникнута христианским социализмом; у неё не было чёткой политики, она была политически аморфной и служила инструментом церкви. Затем были «Requetes» (карлисты), девиз которых — «Бог, Отечество и Король». Они верили в абсолютный суверенитет, корпоративное государство и были яркими противниками парламентаризма. Кроме того, существовали монархисты и другие фракции, важнейшей из которых была Фаланга. Все эти разнообразные партии и движения ему пришлось принять.

Пока что это было несложно, поскольку красные форсировали консолидацию. Их единственный враг, Испания, смесь демократов, республиканцев, коммунистов, анархистов и прочих, тянется к Германии и её союзнице Италии, так же как Франция тянется к России и её полусоюзнице Англии. Фактически, снова ведётся тайная война против Германии ради спасения Франции, как это было год назад во время итало-абиссинского конфликта.

Об этой внутренней борьбе мало что слышно в прессе; но её название — «невмешательство», что на самом деле означает отказ от сотрудничества с Бургосом и сотрудничество Франции с Валенсией в целях нанесения удара по Германии. Если бы международная «блокада» Испании была беспристрастной, мало сомнений, что она благоприятствовала бы делу националистов; но это далеко не так, поскольку честность не свойственна современной Франции.

Хотя всегда очень трудно, особенно во время войны, установить правду, нет никаких сомнений в том, что французская помощь красным была чрезмерной и прибыльной, поскольку любая помощь оплачивалась золотом. Куда бы вы ни отправились в Белой Испании, везде можно услышать одну и ту же историю: французская помощь красным была гораздо важнее русской. С июля прошлого года Франция переправила через Пиренеи от тридцати до сорока тысяч бойцов Красного интернационала, и эта торговля продолжается до сих пор. Французы печатали испанские паспорта только в Бордо и выдавали «специализированным» рабочим контракты с предоплатой, чтобы те могли въехать в Красную Испанию. Более того, большое количество иностранных рабочих переправляется через *****электронный конвертер DEMO Водяные знаки*****

границу в качестве репатриированных беженцев или отправляются в порты Каталонии в качестве членов экипажей грузовых судов, на которых они прибывают. Боеприпасы отправляются через Андорру; грузовики с бензином ежедневно пересекают границу; во Франции есть красная авиационная школа, а оружие контрабандой переправляется в Бильбао.

Несмотря на все это, шансы на победу Национальной Испании определены, потому что политика Франко креативна, а политика красных — нет.

Речь генерала Франко

Выступление 1 октября 1936 года о принятии полномочий главы государства

Привет всем вам, слушающим военные новости дома или на фронте, думающим о своих домах или на территориях Красной Армии, с нетерпением ожидающим прибытия наших войск или за пределами наших границ, с тревогой следящим за нашей судьбой, — привет из микрофона Радио Кастилии!

Я не буду говорить о войне, ибо государственные обязательства, которые я принимаю на себя, требуют рассказать вам кое-что о предстоящей нам работе.

Нам не нужно обсуждать какую-либо утопию или разбивать достижение наших надежд на чёткие этапы. Однако, прежде чем говорить о наших намерениях, необходимо сначала кратко оглянуться на прошлое, чтобы извлечь пользу из нашего опыта и эффективно реализовать наши решения.

Испания, имя которой я взываю со всей преданностью моей души, на протяжении многих лет страдала от множества недугов, не последним из которых было влияние неуравновешенных интеллектуалов, пытавшихся принизить престиж мыслителей нашей расы и заглядывавших за наши границы, чтобы привнести в Испанию всевозможные экзотические и разрушительные идеи, укоренившиеся в других странах. Разлагающая литература, демагогические доктрины, ожесточённый расизм, проникновение пораженческих идей и извращение истории – всё это и многое другое подорвало основы нашего патриотизма, так что мы утратили основные черты нашего народа, устыдившись своего настоящего, забыв своё прошлое и боясь будущего.

Добившись морального падения расы, этим людям не составило труда выставить страну на аукцион и продать её иностранному покупателю, который предложит наибольшую цену. Наша торговля стала показывать дебетовое, а не кредитовое сальдо, и с плодами нашей земли обращались так, словно они были плодами какой-то завоёванной колонии, одновременно поощряя псевдопацифизм, чтобы ослабить меч любого возможного избавителя. Появились лжепророки, которые, сея ненависть и классовую войну, обещали землю крестьянам, диктатуру рабочим и автономию нашим провинциям. Эти люди, будучи крайне циничными, если бы они получили власть, отняли бы землю у крестьян, свободу у рабочих и всякую надежду на автономную гибкость у провинций.

И теперь наша Новая Испания, осознавая масштаб своей задачи, идет вперед к своему освобождению, полная решимости показать в духе общественного сотрудничества, что восстановление закона и порядка является первичным условием и верным путем к свободе, блага которой пойдут на пользу всему ее народу, как внутри, так и за пределами метрополии.

Испания организуется в основном в соответствии с тоталитарной концепцией, в которой её национальные институты будут обеспечивать её национальность, единство и преемственность. Применение этих новых методов управления не означает, что наш режим будет носить исключительно военный характер; напротив, наша система установит иерархический режим, в котором найдут своё выражение все возможности и энергия страны.

Индивидуальность провинций Испании должна уважаться в соответствии со старой национальной традицией эпохи нашего наибольшего расцвета, при условии, что это способствует национальному единству.

Испанский муниципалитет вновь обретет свое историческое значение, чтобы иметь возможность выполнять свои функции. его древние функции как единицы нашей общественной жизни.

Отменив всеобщее избирательное право с его пагубными местными и национальными последствиями и его угнетением со стороны профсоюзов и политических интересов, мы позаботимся о том, чтобы воля нации выражалась через те технические и корпоративные органы, в которых лучше всего развиваются потребности и идеалы страны.

По мере роста могущества нового испанского государства будет достигнута и децентрализация, чтобы округа, муниципалитеты, ассоциации и отдельные лица пользовались максимально возможной свободой в рамках высших интересов государства.

В социальном отношении труд получит абсолютную гарантию того, что не станет рабом капитализма, если только не прибегнет к тем жестоким и воинственным методам, которые делают взаимное сотрудничество невозможным. Рабочий достоин своего вознаграждения: не только будет обеспечена заработная плата, но и будут сохранены все ранее достигнутые авансы. С признанием прав рабочего вступит в силу его обязанность лояльного сотрудничества с теми, кто создает национальное богатство.

Все испанцы будут обязаны работать в соответствии со своими способностями. Новое государство не может признавать наличие паразитов.

Государство предоставит Католической Церкви ее соответствующие права и привилегии, уважая тем самым наши традиции и веру подавляющего большинства испанского народа; однако государство не допустит вмешательства какой-либо внешней силы в конкретные функции правительства.

В отношении доходов государство организует справедливое распределение налогов, следя за тем, чтобы их бремя ложилось на плечи тех, кто лучше всего способен его нести.

Что касается сельского хозяйства, семейные владения будут реализованы путём закрепления земледельца за землей, не посредством какой-либо гипотетической системы собственности, а посредством прямой и постоянной помощи, целью которой будет предоставление крестьянину независимости. Наша постоянная работа будет направлена на достижение этой цели. Сельскохозяйственный рабочий будет получать часть того, что город потребляет сегодня в качестве оплаты своих коммерческих и конторских услуг.

Что касается международных отношений, мы надеемся жить в мире со всеми народами, открывая широкие горизонты дружбы со всем миром. Однако есть одно важное исключение: мы не будем поддерживать никаких контактов с Союзом Советских Социалистических Республик, политика которого привела к столь пагубным последствиям для человечества и цивилизации.

Я уверен, что эта земля героев и мучеников, преодолевая свои трудности, впишет еще одну славную страницу в историю и найдет решение, которое не будет приходить ни с Востока, ни с Запада, а будет подлинно испанским.

Испанцы, да здравствует Испания!

«К экономической ортологии» Эзры Паунда

Д ОУВТ о природе так называемой ортодоксальной экономики, то есть о том, следует ли считать её искренним исследованием или преступной и вводящей в заблуждение фальшивкой, сегодня можно назвать устаревшим как минимум на 50 лет. Сегодня к последователям ортодоксальности можно отнести лишь простаков, слепцов и карьеристов, действующих недобросовестно.

Тому, кто серьезно изучает какой-либо предмет, не может потребоваться 15 лет, чтобы осознать видимые и обычные явления.

Утверждение, что экономика не является наукой, — это поражение, способное лишь вызвать путаницу. В середине прошлого века воздухоплавание и радио ещё нельзя было назвать науками (хотя некоему Лумису в конце 1864 года удалось передать электрические сигналы с одного судна на другое без использования проводов).

Что могут сделать сегодня серьезные люди, так это провести различие между той частью экономики, которая является наукой (областью знания — эпистемой), и той частью, которая является технэ или областью мастерства (слишком часто мошенничества).

Можно сказать, что искусство управления кораблем не является истинной наукой: однако наука Навигация существует и совершенствуется: от простейшего корабельного компаса до гироскопа.

Кажется вполне естественным, что в экономических работах царит путаница, если учесть, что изучением экономики занимались эмпирики, люди, не имевшие серьёзной терминологической подготовки. Взять, к примеру, серьёзных и честных писателей англосаксонского мира, создавших живую экономическую науку. Содди, лауреат Нобелевской премии по физике; Дуглас, инженер, глава компании Westinghouse в Индии; Ларранага, дорожный инженер; Орейдж, журналист, обращённый Дугласом; Китсон, изобретатель лампы Китсона; Гезелл, бизнесмен и т. д. Все они – практичные люди!

Сказать, что они открыли Луну, ничего бы не означало, но они заново открыли настоящую Луну, в то время как профессора продолжают свою детскую игру с бутафорской Луной; иллюзионисты, способные обманывать публику только внутри своих кабинок.

Чтобы получить представление о менталитете основателей так называемой ортодоксальной экономики, возьмём, к примеру, фразу Рикардо (конечно, не скрывая, что он признавал ценность бумажных денег): «Нет товара, производство которого не требовало бы больших или меньших затрат труда». Похоже, Давид Рикардо никогда не был в курятнике, и яйцо было исключено из его экономической системы. Просто как мера питательной ценности (жизненной ценности) яйцо предшествовало индексу цен. Непосредственное наблюдение за природными явлениями позволяет среднестатистическому человеку меньше ошибаться, чем забитый логарифмами и банковской мифологией. И я не шушу! Ценность яйца растёт и падает в зависимости от голода и сытости.

Аристотель оставил нам слово с неясным и сложным значением: Χρεία, полезность, желательность, которое Рэкхем, естественно, из Кембриджа, переводит как «спрос». Схолиаст не просветил нас. Аристотель был прав, но имел в виду, что ценность денежной единицы «соответствует тому, что за неё можно получить». Совершенно верно, но это нельзя назвать научной терминологией.

Студент может пойти в библиотеку и просмотреть 500 так называемых трактатов по экономике, но не найти ни одного, который начинался бы с евклидовой таблицы определений наиболее общих, основных и необходимых терминов для обсуждения экономических вопросов.

Начнём, например, с термина «деньги». Аристотель даёт ему неверное определение, точнее, не даёт его вообще, а говорит о нём, не давая ему точного определения. И человечество вот уже двадцать веков пребывает в этом состоянии полужабытия.

Я попытаюсь дать несколько определений, хотя и понимаю, что они не принесут большой пользы, пока какая-нибудь академия или конгресс, или, еще лучше, группа серьезных и авторитетных специалистов не признает обоснованность этого лексикографического труда.

Нечеканенное золото не является деньгами; обмен монетарного золота на другие товары по сути своей является разновидностью бартера: обмена определенного количества товаров или определенного веса товара на металл, который был заранее взвешен и измерен.

Главное свойство денег — их измеримость и способность служить мерой. Даже при обмене диска драгоценного металла на товары именно отпечаток государства определяет их принадлежность к деньгам. Правительство, которое заявило бы: «Мы не можем строить дороги, потому что у нас нет денег», было бы так же нелепо, как и правительство, которое заявило бы: «Мы не можем строить дороги, потому что у нас нет километров».

Попробуем определить, что такое деньги. «Деньги — это измеренное требование». Деньги — это право собственности или измеренное требование. «Деньги — это общее право собственности». Деньги — это право собственности, которое не является конкретным (например, железнодорожный билет, чек на гостиницу, билет на пароход, дающий право на проезд, питание, каюту и т. д.). Они носят общий характер. Более того, деньги обмениваемы, то есть могут передаваться от одного человека другому без формальностей. Они не приносят процентов, как государственные облигации, железнодорожные облигации или облигации любого «анонимного общества».

Рассмотрим термин «кредит». Говорят, что человек имеет кредит, когда есть уверенность в том, что он сможет заплатить наличными, и когда предполагается, что он не будет пытаться уклониться от уплаты или отсрочить её. «Долг» — это не совсем противоположность «кредиту». На самом деле, кредит часто означает возможность сделать долги и не всегда обязательно означает противоположность уже сделанному долгу. Таким образом, мы сталкиваемся с двусмысленным термином.

Наконец, рассмотрим «инфляцию». Среди полуправд ортодоксальных заблуждений некоторые основаны на естественных и повторяющихся явлениях. Так называемую инфляцию следует прежде всего отличать от истинной инфляции, которая имеет место, когда деньги выпускаются «в соответствии» с товарами или услугами, которые никому не нужны, или в количестве, превышающем желаемое. Деньги не имеют ценности, когда они выпускаются «в обмен» (то есть в псевдосоответствии) на товары или услуги, которые невозможно поставить или приобрести. Например, выпуск денег «в обмен» на снаряд, разорвавшийся в 1917 году, был бы инфляцией, а сами деньги не имели бы никакой ценности, поскольку снаряд никому не нужен и никто не может его доставить.

Краткий список верных определений позволил бы среднестатистическому человеку избежать обманов и абсолютно отвратительного и подлого вероломства крупных ростовщиков и монополистов.

В самом деле, имея определение или, скорее, серьезную и справедливую концепцию денег, Содди, опубликовав ряд малопонятных книг (то есть малопонятных для читателя, хотя чрезвычайно глубоких и дорогих профессору Содди), пишет в «Завтрашних деньгах»: «Точно так же, как нелепо, чтобы частные лица имели право взимать налоги, так же нелепо, чтобы банки, вопреки всем конституционным гарантиям против этого, с помощью простой уловки узурпировали функцию

парламента и, не имея на то никаких полномочий, взимать принудительные налоги с общественного имущества».

Давайте проведём различие между сегодняшней ситуацией в Италии и ситуацией в англосаксонских странах. Давайте выделим страны, где изобилие богатства порождает кризисы, и страны, где наблюдается серьёзная нехватка определённых материалов; давайте немного вернёмся назад и обрисуем историю «новой экономики», которая, тем не менее, включает в себя так много старого знания и сознания.

В современной экономической мысли существуют четыре живых течения: (1) Дугласизм; (2) Гезеллизм; (3) каноническая экономика, берущая свое начало от Св. Амвросия и развивавшаяся при Св. Антонино; (4) Корпоративная экономика с ее политикой благоустройства (осушение болот и т. п.), *la battaglia del grano*, сбережения, семейные чеки, чеки на продукты питания, рабочие чеки, государственный контроль, накопления и т. д.

Ортологическая экономика, которую мы должны начать, должна учитывать некоторые факты, скрывающиеся так называемой ортодоксальностью. Товары имеют разную долговечность, стулья, сыр: произведения Фидия, Праксителя или Боттичелли обладают разной долговечностью. Первообытный человек пользовался одним инструментом, тогда как цивилизованный — десятком.

Мне кажется, мы должны составить список серьезных людей, которые сегодня сотрудничают в области экономической науки, даже если они эмпирики, даже если они сделали одно-единственное открытие в своей деятельности и не находятся в процессе согласования его с историей и со справедливыми и обоснованными идеями других школ, или других времен, или других экономических сект.

Давайте сразу же признаем, что такой-то человек наблюдал силу пара, способную поднять крышку чайника. Это имеет ценность, даже если изобретатель не опубликовал энциклопедию или объёмный трактат по физике.

Давайте признаем, что Ч. Х. Дуглас самостоятельно обнаружил недостаточность покупательной способности, распределяемой промышленной системой (и внутри неё). Его фабрика распределяла покупательную способность медленнее, чем создавала «цены», то есть товары, выбрасываемые на рынок. Следовательно, за месяц создавалось количество цен, превышающее распределённую покупательную способность.

Преступник, слабоумный и монополист, живущие за счёт чужого голода, хотели бы кроить человека по его сюртуку. Дуглас же видел возможность выпускать покупательную способность, соответствующую количеству товаров, которые могли быть произведены и востребованы людьми. В этом было мало нового и много честного. Дэвид Юм уже понимал, что процветание зависит не от количества денег, которыми располагает каждая страна, а от того, что это количество должно увеличиваться. Уточним, что этот рост должен быть медленным и постоянным.

Среди полезных авторов назовем Макнейра Уилсона, который научил свою публику осознать, что банки не ссужают деньги, а лишь обещают заплатить. (Обещание заплатить.) Гезелл, исходя из точки зрения свободного обмена, воскресил брактаты средневековых епископов. С помощью платы за простой (марки, которые необходимо было ежемесячно прикреплять к банкноте для сохранения ее объявленной стоимости) он намеревался стимулировать скорость обращения, и мэр Унтергуггенбергер в Вёргле продемонстрировал эффективность этой системы.

Гезелль уничтожил мертвую часть Маркса своей лапидарной фразой: «Маркс никогда не подвергал сомнению деньги». То есть Маркс никогда не подвергал сомнению природу денег и не анализировал ее.

Преимущества системы Гезелля заключаются, по крайней мере, в следующем: (1) в псевдodemократических странах она может освободить нацию, то есть правительство и народ (включая всех производителей, будь то работодатели или наемные работники) от власти банков и ростовщиков.

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

Однако ни один чистокровный гезеллит никогда не рассматривал вопрос о выплате денег за простой с точки зрения государства и корпораций.

При ежемесячном добавлении марки, составляющей один процент от стоимости банкноты, тираж в 8½ миллиардов принес бы государству доход в один миллиард в год, практически без каких-либо расходов на инкассацию, что было бы автоматически и почти полностью свободно от бюрократических проволочек или вмешательства.

Вместо того чтобы накапливать долги (астрономические долги) за счет государственных облигаций, как это делал Рузвельт, каждый государственный долг, каждый титул на богатство штата, вместо того чтобы удваиваться, были бы аннулированы за 100 месяцев. (Англичане до сих пор платят налоги за битву при Ватерлоо.)

Казначейские облигации могли бы по-прежнему находиться в частных руках как способ сбережения для тех, кто хочет обеспечить старость и свои семьи, но они будут считаться дивидендами государства для достойного класса граждан, а не неизбежной необходимостью для правительства, которое хочет использовать свой кредит.

Я настаиваю: государству не нужно платить «налог» за свой кредит, то есть ему не нужно брать в долг у крупных профессиональных ростовщиков, как это делается почти во всех странах по невежеству и предвзятым предрассудкам, например, в моей несчастной стране, во Франции, находящейся в ее нынешнем тяжелом моральном кризисе, в Англии — в силу традиций, принятых без учета новых событий в мире.

Второе поколение социальных кредиторов, после эмпириков и изобретателей, породило Бутчарта, который, вдохновлённый А.Р. Орейджем, опубликовал первую книгу по экономической ортологии « Деньги». Со своим вторым томом, «Деньги завтрашнего дня», Бутчарт добился меньших успехов; фактически он собрал семь авторов, придерживающихся разных взглядов, все из которых достойны похвалы, но ему не удалось заставить отдельных авторов читать эссе друг друга и сопоставлять их. Книга ценна главным образом тем, что содержит перепечатку некоторых трудов Дугласа и страницу из Содди, уже цитируемую в этой статье.

Среди популярных писателей следует назвать Ирвинга Фишера и Кристофера Холлиса. Но следует отметить: Фишер — журналист (официально профессор, но в душе журналист), который пишет хорошо. Сорок страниц его «Гербового сертификата» заслуживают внимания каждого серьезного человека, в том числе и профессоров. Фишер не слишком глубоко погружается в эту борьбу. Возможно, он настроен оптимистично и пытается убедить крупных американских ростовщиков довольствоваться полуфунтом мяса, вместо того чтобы забирать себе последний кусочек и грамм.

Кристофер Холлис написал очень ценную книгу «Две нации» и продолжил борьбу за общественность в различных книгах, в которых, можно сказать, он пишет с особым мастерством; по сути, он один из немногих экономистов, которым удается рассматривать денежную науку и различные проблемы ростовщичества таким образом, что их книги продаются и выдерживают третье издание. Эти этапы относятся к народному образованию, достаточно необходимому в странах, где сохраняются так называемые правительства «большинства».

Уиндем Льюис называет английское правительство поддельным антиквариатом. Хотя он прежде всего литератор и сатирик, он недавно написал книгу, имеющую высокую социологическую ценность и предназначенную для избранной публики: « Считайте своих мертвецов, они живы» (подготовка к новой Великой войне ни о чём). Я привожу её не как экономическую работу, а для того, чтобы показать ритм, с которым эти проблемы проникают в творчество ныне живущих первоклассных писателей. Четыре лучших американских поэта сегодня обеспокоены финансовыми проблемами (уже не старыми «розовыми» веббитами, фабианцами, манчестерцами или виллардианцами), как, собственно, и великие писатели, такие как Данте, Шекспир, Аристотель, Юм, Беркли, Монтескье и т. д. *****Конвертер электронных книг DEMO Водяные знаки*****

Другое течение мысли, направленное на эти идеи, проявляется в трудах тех, кто заложил основы Североамериканской республики, а именно в трудах Джефферсона, Джексона, Ван Бюрена, моего Джефферсона и/или Муссолини, в книгах У. Л. Вудворда «Новая американская история», в статьях отца Кофлина и Бака, а точнее, в лучшей части книги Кофлина под названием « Деньги» (стр. 211–213).

Трудно сказать, какие английские и американские журналы стоит читать иностранцу, поскольку интеллектуальная жизнь в этих странах проявляется в недолговечных публикациях, которые существуют всего два-три года (а то и меньше), а затем внезапно прекращают своё существование или вырождаются в своего рода литературную или идеологическую бюрократию, принимая защитную окраску и предаваясь искусственным идеям. Однако следует отметить, что год назад английские фашисты начали издавать весьма актуальный социально-экономический журнал: «The Fascist Quarterly». Это единственный английский журнал, в котором мне удалось ознакомиться с работами других авторов, среди которых генерал Фуллер, Джойс, Уиндем Льюис, А.К. Честертон, Дж. Дженкс.

Хьюго Фэк, которому принадлежит огромная заслуга в том, что он опубликовал в Техасе за свой счет книгу Джебелли «Естественный экономический порядок» , в то время как крупные издатели не считали, что такая публикация — выгодный бизнес, приукрашивает свою маленькую работу «Выход» идеями, оставшимися от «Экономики дефицита», несмотря на публикацию «Схемы изобилия» Лёба (см. редакцию Одона По в «Rivista del Lavoro» за март 1936 г.).

Свободы слова среди этих либеральных сект не существует. Ни публикации гезеллитов, ни официальные издания дугласизма не допускают открытого обсуждения экономических идей. Они словно загипнотизированы и закостенели, словно декадентские мидии. Они ссорятся между собой. Дуглас считает, что марки на демерредж представляют собой обременительный налог – бесполезный и вечный, хотя и более понятный, чем «аннулирование» кредита Дугласа или его скидки и другие способы аннулирования выданного кредита.

Гезеллиты почти садистски негодовали при мысли о том, что вся раса может извлечь выгоду из труда тех, кто уже умер, и из научных открытий. (Стоимость создаётся трудом, но огромное количество работы было проделано нашими предшественниками, которые не ели здесь, чтобы потреблять её плоды.)

«Смоковница» (дугласиты) не указывает на прогресс недугласитов – к гезеллитам или к корпоративной системе. «Новый английский еженедельник» погружен в английский пригородный темперамент и, следовательно, обесцвечен этой бледной жизнью, а не конкретной и определённой идеологией. «Новая демократия» (Нью-Йорк) была полезна, но больше не существует. Кофлин занимается народным просвещением через еженедельник для широкой публики, а не для посвящённых («Социальная справедливость»). Но в июне XV года я нахожу в его газете новости, которые либо не печатаются нигде больше, либо им отведено всего несколько строк, спрятанные среди скандальных и завуалированных колонок. От редакторов периодических изданий общего характера я часто получаю приглашение: « Вы не можете писать ни о чём, кроме экономики?»

Прошу снисхождения у серьезного читателя: я говорил о слишком разных вещах.

Статья состоит из двух частей: в первой я почти умолял экономистов задуматься о настоящей необходимости точной терминологии; во второй я кратко указал на некоторые работы, фрагментарные, но искренние, выбранные из ряда разрозненных авторов, которые не объединены, но могли бы быть объединены, если бы удалось найти ядро, состоящее из специалистов, готовых взять на себя лексикографическую ответственность.

Я заявляю самым решительным образом, что без разумной этики не может быть никакого здравого смысла, никакого научного *****электронного конвертера DEMO Водяные знаки*****

Экономика. Рассмотрение одного лишь динамизма, без учёта цели и задачи денежно-кредитной политики, привело бы к хаосу. Направление воли — один из компонентов изучения экономической науки. Бадольо, говорящий: «Наше золото — это воля и оружие наших солдат», — более экономичен, чем все лондонские профессора.

Причины спада А. Рейвена Томсона

Я неоднократно писал в «Fascist Quarterly» и «British Union Quarterly» о надвигающейся депрессии, которая неизбежно должна была последовать за кратковременным восстановительным бумом, раздутым старыми экономистами. Я показал, как торговый цикл подъема и спада действовал в течение последних ста лет, с момента основания капитализма, и демонстрировал регулярный период в среднем в девять лет, иногда сокращаясь до семи или поднимаясь до одиннадцати. В среднем следующим кризисным годом должен был быть 1938 год, с вероятностью переноса на 1939 год из-за необычайной глубины депрессии. Фактически, кризис начался на год раньше обычного, и следующий спад уже начался в 1937 году.

Это стало неожиданностью даже для тех из нас, кто был убежден, что «процветание» не может длиться вечно. Ещё в последнем номере «Quarterly» я обсуждал влияние перевооружения и дешёвых денег на грядущий кризис, и, хотя я признавал, что чрезмерные спекуляции привели к преждевременному буму, я считал, что импульс перевооружения продлит нас, по крайней мере, до осени 1938 года. Тогда я утверждал, что война, направленная на уничтожение накопленных запасов вооружений, сама по себе предотвратит спад. Более того, я предупреждал об опасности того, что финансисты будут сознательно искать войну как альтернативу спаду.

На самом деле я недооценил вес американской экономики в сжимающемся мире финансовой демократии и отсутствие какой-либо крупной программы перевооружения в Америке. Именно из Америки, как и во время последнего спада, исходит новая депрессия, и все поощрения в виде прибылей от перевооружения недостаточны, чтобы помешать Трогмортон-стрит отреагировать на резкий обвал стоимости акций на Уолл-стрит.

Хотя этот преждевременный спад, подобный спаду 1907 года, может быть менее интенсивным и, следовательно, нанести меньший удар по стабильности капитализма, чем более позднее и более серьёзное отступление, у него есть одно преимущество: он произошёл до того, как поджигатели войны, несмотря на все свои усилия, смогли ввергнуть нас в войну. По мере углубления депрессии общественный интерес вернётся от международных дел к насущным внутренним проблемам, и опасность международного конфликта уменьшится. Опасность войны как средства предотвращения спада уже проходит.

ПАНИКА НА УОЛЛ-СТРИТ

Несмотря на попытки нашей прессы замять ситуацию, паника на Уолл-стрит этой осенью была столь же сильной, как и осенью 1929 года. Решающим фактором стало снижение спроса на сталь для капитальных работ, и акции United States Steel и других сталелитейных компаний стали причиной падения стоимости. В начале этого года акции US Steel котировались по 129 1/4 за акцию стоимостью 100 долларов. Даже после золотого кризиса в апреле их стоимость значительно превышала 100. Устойчивое падение в сентябре привело к тому, что акции US Steel до 80. Затем наступил октябрьский спад, и цены падали день за днём. В США цены пошли вниз. Сталь торговалась в районе 70-х до 68. Короткий рост, а затем панические продажи в «черный вторник» подняли цену до 54. С тех пор наблюдалось дальнейшее восстановление, в результате которого акции US Steel вернулись примерно к 65, но уже в ноябре цена снова упала до 50 на фоне новых сообщений о сокращении производства стали, которое сейчас составляет менее 50 процентов мощностей.

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

Всё это нельзя списать на простое «нервничество» фондовой биржи. У спада на Уолл-стрит есть фундаментальные причины. Спрос на потребительские товары пока, возможно, сохраняется, но спрос на капитальные товары стремительно падает. Перепроизводство, если ещё не фактическое, то, по крайней мере, потенциальное, и промышленники прекращают расширять производственные мощности. В результате производители капитальных товаров, в производстве которых сталь теперь занимает всё большую долю, уже серьёзно пострадали, а падение стоимости акций сталелитейных компаний, дезорганизовавшее рынок, — это не просто рыночный манёвр, а разумное ожидание снижения прибыли из-за снижения объёмов производства.

МОЖЕТ ЛИ РУЗВЕЛЬТ ПОМОЧЬ?

В городах сталелитейной промышленности, таких как Питтсбург, безработица уже растёт, что, конечно, скажется на спросе на потребительские товары и окажет удвоенное влияние на инвестиции.

Америка снова уверенно катится в классическую депрессию, не успев как следует оправиться от предыдущей. Если Рузвельт вмешается, чего он, похоже, пока не хочет делать, он будет плыть против течения, как это пытался сделать Гувер в 1929–1932 годах. На этот раз, как и в 1933 году, вывести Америку на путь всеобщего мирового восстановления будет непросто. На этот раз могущественному президенту придётся проявить всю свою силу.

Денежные манипуляции, общественные работы и т. д. будут недостаточны для преодоления кризиса; более того, в пределах своих полномочий Рузвельт может помочь только посредством гигантских государственных закупок, которые, возможно, должны быть настолько интенсивными, чтобы передать большую часть американской промышленности в собственность правительства. Поскольку у Рузвельта нет полномочий для реализации фашистской альтернативы государственного контроля над промышленностью, а его Новый курс дискредитирован и в значительной степени разрушен решениями Верховного суда, он вполне может быть вынужден прибегнуть к коммунистическому методу внедрения государственного капитализма. Насколько далеко его еврейские советники продвинутся в этом направлении, нам ещё предстоит увидеть. США и СССР могут ещё сильнее сблизиться как две великие материалистические республики, в которых еврейский контроль имеет первостепенное значение.

БРИТАНСКАЯ РЕАКЦИЯ

Наши консервативные политики, несмотря на все признаки краха фондовой биржи, уверяют нас, что нет никаких признаков надвигающейся «рецессии» (специальное слово, придуманное для успокоения общественности), что Британия не затронута теми же экономическими проблемами, что и Америка, и что перевооружение поможет нам справиться с этим. Всё это чепуха, поскольку все финансовые демократии тесно связаны с международными финансами, а Уолл-стрит был и остаётся финансовым центром мира.

Что бы там ни произошло, это неизбежно отразится на других, как в 1937 году, так и в 1929-м. Разве мы, в конце концов, не подчеркнули «союз великих демократий» Трёхсторонним соглашением? Разве наше правительство, под аплодисменты партий «старой банды», не ведёт переговоры о более тесных торговых отношениях с Америкой? Этот последний манёвр кажется столь же полезным, как пловец, сознательно обнимающий утопающего: хорош, если наша цель — спасение иудео-американских финансов, плох, если мы хотим спасти Британию от потопления в волнах новой депрессии.

Что касается перевооружения, то оно не только не спасло нас от депрессии, но, несомненно, усугубило проблемы не только здесь, но и в Америке. Спекулянты, которые, конечно же, пользуются полной свободой демократии, увидели в перевооружении и возможности войны неисчислимые возможности для наживы и, пользуясь исключительной дешевизной денег, принялись скупать всевозможные запасы, которые, по их мнению, были необходимы перевооружающимся странам или которые могли стать дефицитными во время войны.

В результате цены на все товары, особенно металлы, выросли за восемнадцать месяцев на суммы, достигавшие в некоторых случаях 100 процентов: беспрецедентный в истории спекулятивный бум в течение *****электронных книг конвертер DEMO Водяные знаки*****

период мира, превзойденный, пожалуй, только в самые худшие периоды последней войны.

К счастью для нас, спекулянты переоценили свои силы. Война, которую они предвидели, ограничилась Испанией и Китаем, несмотря на усилия левых милитаристов, и, как все, кто пытается монополизировать производство, они вскоре почувствовали себя смущёнными возобновлением производства, привлечёнными более выгодными ценами. Более того, они совершенно недооценили огромный производственный потенциал современной промышленности и были смыты потоком товаров, созданных благодаря более высоким ценам. Теперь для перепроизводства требуется совсем немного стимулов по сравнению с текущим потреблением. Огромный стимул беспрецедентного роста цен полностью подавил не только самих спекулянтов, но и легальную торговлю, которая, несмотря на перевооружение, не может справиться с переизбытком. Более того, уже возобновились требования о сокращении квот на производство, ещё до того, как депрессия в полной мере разразилась. Как такое сокращение отразится на безработице и, как следствие, на снижении покупательной способности, мы предоставляем нашим читателям самим догадываться. Число безработных уже на 80 000 больше, чем в августе.

ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА

За всеми этими внешними симптомами, с их реакцией на перевооружение и страх перед войной, кроется одна фундаментальная причина: хроническое несоответствие между современным промышленным производством и общим потреблением населения. Пока существует это абсурдное несоответствие, наша экономическая система, очевидно, подвержена внутренней нестабильности, которая втягивает её в повторяющиеся подъёмы и спады финансового капитализма. Более того, по мере того, как наука постоянно увеличивает производительность, а профсоюзное движение оказывается бессильным и дальше повышать заработную плату рабочих, несмотря на растущее сопротивление финансовых объединений, несоответствие становится всё больше, и, как отметил Мосли, подъёмы становятся всё короче, а спады всё длиннее по мере упадка капитализма.

Основная причина этой депрессии, как и любой другой, заключается в нехватке покупательной способности у народных масс. Кризис в данном случае наступил необычно рано из-за беспрецедентного роста цен, который не только способствовал перепроизводству, но и ещё больше снизил покупательную способность населения, чья заработная плата не поспевала за ростом стоимости жизни. Последовавший за этим спад может быть окончательно скорректирован не экономией и снижением заработной платы, как полагает «старая банда», а общественными работами и конструктивным повышением заработной платы, пока государство и народ не начнут совместно потреблять продукцию современной промышленности. Конечно, в настоящее время государство, в результате перевооружения, потребляет продукцию необычайно высокими темпами, но даже это никоим образом не компенсирует нехватку покупательной способности основной массы населения, обнищавшего из-за недавнего роста цен на сырьевые товары.

СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ

Обычно предлагаются такие средства, как денежная реформа и экономическое планирование. Первый вариант утратил свой самый сильный аргумент, поскольку деньги в 1937 году были столь же дешевы, как и дороги в 1929 году, а спад, тем не менее, столь же глубок, как и прежде. Денежные проблемы, очевидно, вторичны по отношению к основной проблеме – экономической несоответствию потребления производству, и ни одна форма денежной теории неэффективна, если не объясняет, как деньги должны дойти до потребителя. Социальный кредит заинтересован в этом направлении и заслуживает рассмотрения, но сторонники социального кредита должны признать необходимость чрезвычайной власти для свержения нынешней финансовой диктатуры. В этой связи меры, принятые правительством социального кредита в Альберте по контролю над банками и даже прессой, весьма показательны. *****Конвертер электронных книг DEMO Водяные знаки*****

Экономическое планирование, очевидно, необходимо, но опять же, требуется полномочия, и возникает вопрос, как эти полномочия получить своё право. По мнению финансистов, которые, подобно Израэлю Мозесу Сиффу, выступают за промышленно-распределительный комбинат (ПЭП), полномочия на планирование должны быть получены путём капиталистической покупки и объединения. Фактически, планирование осуществляется путём покупки. По мнению социалистов, которые выступают за национализацию средств производства, распределения и обмена, полномочия на планирование должны быть получены путём государственной конфискации в рамках государственной службы. В данном случае планирование осуществляется путём конфискации.

Британский Союз выступает за менее материалистические способы получения полномочий на планирование, не путем совместной капиталистической покупки или конфискации частной собственности государственным капиталистом, которые очень близки, а путем разрешения народа навязывать экономический план как частным, так и государственным предприятиям. Планирование по согласию. Способы, посредством которых государственная власть и частная собственность сливаются в в значительной степени самоуправляемую экономическую систему, можно изучить в ряде уже опубликованных книг о корпоративном государстве. Однако следует понимать, что корпоративное государство существует для распределения продукции промышленности среди народа, и финансы всецело подчинены этой главной цели. В частности, запрещаются любые спекуляции и чрезмерная прибыль на капитал, чтобы предотвратить нестабильность и обеспечить справедливую долю продукта, достигающую производителя.

ИЗОЛЯЦИЯ ОТ ДАЛЬНЕЙШИХ ПРОВАЛОВ

Корпоративное государство должно не только сбалансировать производство капитальных и потребительских товаров, положив конец нестабильности спекулятивных инвестиций и предоставив народу возможность потреблять продукцию современной науки, но и защитить страну от внешней конкуренции со стороны дешёвой иностранной рабочей силы, например, поступающей в настоящее время из Японии. Для этого необходимо ввести политику изолированной империи, резервируя имперские рынки для внутренней и имперской промышленности и предоставляя доминионам и колониям полностью защищённую долю внутреннего спроса на сырьевые товары.

Только так можно реализовать полноценный план развития нашей экономики, и только так мы сможем гарантировать нашему народу от повторения ужасающего спада, который ему сейчас угрожает. Никогда больше не должно быть допущено, чтобы паника на Уолл-стрит ввергла британскую промышленность в депрессию. Давайте оградим себя, как это сделала Германия, от безумных колебаний капиталистического мира и будем планировать наши дела, полностью осознавая, что никакой неизвестный фактор, находящийся вне нашего контроля, не сможет внезапно разрушить всё, что мы сделали. Только политика Британского Союза, основанная на корпоративном государстве в рамках изолированной империи, обеспечивает защиту от подъёмов и спадов и распределение плодов современных научных достижений среди британского народа.

Революция, преданная Эзрой Паундом

Т Революция, которая была предана, по сути, является «нашей» американской революцией 1776 года, а не ее локальными и частными фазами, и уж точно не как совершенно ненужный раскол английской РАСЫ.

Какой бы ни была польза или вред от этого раскола, он был совершенно ненужным и, по большей части, непреднамеренным. Он, безусловно, не принёс никакой пользы Британии. Возможно, это была первая серьёзная рана, нанесённая вашей стране ростовщиками, нанятыми Кромвелем.

Деятнадцатый век был именно тем, как его называла «Пан-башня», всем тем, как Моррас и французские шути-роялисты пытались забыть, что называла «Пан-башня». Это был век ростовщичества. Это был век разложения. Это был век более низменный, чем любой другой, который я могу себе представить, потому что это был век ПРЕДАТЕЛЬСТВА терминов, век путаницы и осквернения значений слов.

ПРЕДАННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — это не революция, преданная за год или два из-за одного или двух неверных шагов Джо Сталина или какого-либо другого правительства.

Преданная революция была революцией, рожденной реформами Леопольда в Тоскане и ярко проявившейся в джефферсоновском процессе, кульминацией которого стали победы — слишком уж эфемерные — Энди Джексона и Мартина ван Бюрена.

До них реформы Леопольда развились в концепцию автаркии и в веру в то, что ЗЕРНО нации существует в первую очередь для того, чтобы нация (в лице каждого и каждого из ее граждан) ЕЛА.

Эта революция была совершенно очевидно предана поколениями Дэнов Уэбстеров, Биддлов, Морганов, Барухов, камуфляжистов всех мастей, Троцких, Уоллесов, Перкинсов, двух групп советников Рузвельта, организмов, подобных Моргентау, с колыбели пропитанных ростовщическими предрассудками, скряг-жидов.

Я настаиваю на этом термине. Семитский яд в семите смягчается семитской нестабильностью, колебание семита от одного излишества к другому.

Эта нестабильность делает его опасным для статичных и недалеких рас. Но среди всего отвратительного, опасного и подрывного окружения Рузвельта именно еврей М. Иезекииль первым продвинулся к экономике ИЗОБИЛИЯ, заработав 2500 долларов в год.

Эта книга неприятна, она настолько уклончива, насколько это вообще возможно для семитского сочинения, она уклоняется от реальной денежной проблемы. Это еврейский компромисс, в ней есть всё то же стремление Дж. Саймона к лёгкой сделке и всеобщему спокойствию, НО она лучше Уоллеса и Перкинса. И любой разумный и объективный антисемит также признает, что факты, с помощью которых Мордехай Иезекииль пытается добиться компромисса, вытекают из доклада комиссии, возглавляемой евреем-спортсменом Лёбом (застенчивым персонажем мистера Хемингуэя).

Если вы считаете, что целая раса должна быть наказана за грехи некоторых ее представителей, то я признаю, что изгнание двух миллионов евреев из Нью-Йорка не будет чрезмерным наказанием за вред, нанесенный еврейскими финансами английской расе в Америке.

Что бы ни говорил товарищ Уиндем Льюис о том, что евреи довольно хорошо управляют Англией, евреи НЕ управляют Америкой удовлетворительным образом, но еврей-финансист — не самое большое наше зло.

Наше худшее зло — это арийо-жид, который способен принять грязную линию и следовать ей без малейшего отклонения или тени сомнения, не испытывая при этом ни мгновения жалости, ни волнения, ни потребности в пышной демонстрации, свойственной евреям.

Раса, возможно, может быть привлечена к ответственности за своих худших представителей. Еврейская раса веками не брала на себя ответственность за соблюдение собственного закона. В евангельской истории, независимо от того, воспринимаете ли вы её как факт или как иллюстративную выдумку, казнь Иисуса была достигнута путём перекалывания ответственности. Правоохранительные органы были в компетенции римлян. Если человек собирается быть антисемитом, пусть он будет объективным антисемитом. Пусть соберёт как можно больше фактов и не закроет на них глаза.

Еврей сам навлек на себя антисемитизм из-за ОТСУТСТВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ, из-за отказа брать на себя ответственность.

Если еврей хочет жить в мире добрососедства с ПРОСВЕЩЕННЫМИ народами, он должен взять на себя дисциплину менее приятных нарушителей еврейского закона. Насколько мне известно, он уже 2000 лет к этому совершенно не готов. Ни одна другая раса не требует, чтобы её страна управлялась или была завоёвана ради неё, по крайней мере, на Западе. Если брахманы так поступают, то они заслуживают прозвища «грязные ниггеры», как, возможно, и некоторые китайские эпигоны, не исповедующие конфуцианство.

У кабинета Рузвельта две болезни. Ростовщичество Нью-Йорка, которое связано со всем ростовщичеством Лондона, а оттуда — с Базелем и канализацией Парижа.

Но в нём есть и арийско-жидовская подлость и скупость Перкинсов. Это подлость «круглоголового», и в ней есть круглоголовое упорство, ложная мораль скупости, порождённая, вероятно, завистью, но во всяком случае предосудительная.

«Дюжина экономистов», перечисленных газетой « New York Tribune» в ноябре 1937 года как советчики Рузвельту положить конец спаду, не заслуживают никакой человеческой жалости за данные ими советы, независимо от того, были ли они даны из грубого невежества или из чистой злобы.

«Укреплять общественное доверие» и т. д. У этих людей был шанс заняться проблемой уравнивания покупательной способности населения с имеющимися необходимыми товарами, но они им не воспользовались, и они так же мало достойны сострадания, как Неймейер, Барух или любой другой зять корпоративного ростовщика.

Посмотрите на это и на то!

Возвращаясь к организованному государству, у нас существует налог на АКЦИОНИРОВАННЫЙ капитал.

Этот грандиозный шаг почти не вызвал волнения в тиражируемой прессе псевдodemократических стран. Хнычущие красные не приветствовали его как торжество идей. Газеты ссудного капитала представили его как налог на частную собственность.

НИ ОДНА из крупных ежедневных газет не проводила различия между имуществом (землей, домами, мебелью) и иском против «процентов плюс имущество» или против процентов «и к полному владению, если проценты не будут выплачены своевременно». Естественно, они этого не делали, это наследие, мёртвая и гнилая рука из могилы, из общей канавы XIX века.

Этот век предал слова. Он осквернил все светлые идеи предыдущего века. Вольтера-деиста выдавали за атеиста.

СВОБОДА, которая означала право делать то, что НЕ вредит другим, была представлена как право истекать кровью у других. *****ДЕМОНСТРАЦИЯ конвертера электронных книг Водяные знаки*****

В устах Джефферсона РАВЕНСТВО означало, что все люди имеют равные права по закону; что никто не рождается с непреодолимыми недостатками. Это напоминало бернсовское «человек есть человек за то», но во времена Джефферсона оно не означало даже всеобщего избирательного права. Избирательное право могло быть наградой за заслуги. Это не было определено столь строго, как членство в партии, но и не было застигнуто врасплох свиньями. Прежде чем эти благоразумные вещи были осквернены и извращены, орде ростовщиков пришлось предать сами средства коммуникации. Язык должен был быть уничтожен. Каждое облагороженное слово должно было быть выхолощено, чтобы скрыть тайных гангстеров банковского эмиссионного «Leihkapital».

СВОБОДА невозможна без порядка, а порядок возникает из организации.

Аграрная нация, какой в основном был Джефферсон, не нуждалась сразу в цеховой организации, в отличие от средневековых городов, которые в ней нуждались и которую развили. Ни одна система не является надёжной и долговечной. Разработайте идеальный социальный механизм и запустите его, и исчадия ада начнут долбить; пиявки начнут сосать кровь, а паразиты заполонят углы, оставленные без присмотра.

Насколько сбита с толку пресса сбивает с толку англосаксонского читателя в Англии и США, видно из письма, которое вчера пришло ко мне на стол от человека, далеко не слабоумного. Привожу его, чтобы показать, что может быть:

В своей последней книге Кристофер Холлис утверждает, что Муссолини создал в Италии достойную денежную систему, отняв у частных банкиров право произвольно печатать деньги или выдавать кредиты пером. Он подразумевает, что правительство контролирует и организует денежную эмиссию в стране. Не желая верить ему на слово, что он намерен провести столь революционную реформу национальной экономики, с которой банкиры вынуждены бороться изо всех сил, я спрашиваю вас, так ли это. Если да, то Италия – это то место, куда стоит обратиться.

Это датировано ноябрем 1937 года, то есть через два года после итальянской банковской реформы. Факты налицо, но молодой человек настолько привык к прессе «Leihkapital», что просто не может им поверить без личного свидетельства друга.

Джент, которого я только что видел в кафе, только что вернулся из Англии. Он не знал, что налог взимается с акционерного капитала, а не с частного. Он думал, что знает, что произошло. Он прочитал короткое объявление без акцента в своей лондонской газете.

Русская революция стала КОНЦОМ цикла. Она продолжила предательство слов XIX века, использовала фальшивые выражения, например, «диктатуру пролетариата», для обозначения диктатуры немногих и так далее. Большевики даже сейчас не дают определений слов. Им не нужна революция. По крайней мере, никто из тех, кого я встречал в печати или в те дни, когда они просили ответа, не хочет. Они не хотят бороться за чёткие термины, за чёткое определение смыслов, так что как бы нам ни не нравились вещи, которые они стремились уничтожить, мы просто не можем продолжать стоять на месте, привязанные к ним.

Мы не можем, или, по крайней мере, я не могу, в настоящий момент получить от России чёткую информацию о том, что Сталин имел в виду в денежном выражении. Никто даже не утверждает, что он, Сталин, знает. По крайней мере, я не видел подобных заявлений, и его оппонент, господин Бронштейн, не выражается яснее. Отсюда и розовая интеллигенция.

Они НЕ занимаются толкованием слов. Они НЕ занимаются сбором информации. Они не стремятся сообщать о реальных событиях на этом полуострове, таких как действия Россони и чёткие заявления.

«В вопросе о запасах зерна есть, кроме того, политическая причина: хлеб должен быть гарантирован каждому итальянцу, без нелепых скачков цен, без безнравственных спекуляций». Россони признаёт, что

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

Это не новая экономика, или, скорее, его слова: «Мы не достигнем новой экономики». Однако мы определённо продвинулись вперёд, отказавшись от морковки перед носом («погони» за счастьем).

В каком-то смысле это своего рода возвращение к системе девяти полей, которой восхищался Мэн-цзы. С другой стороны, она не приравнивает деньги напрямую к массе потребительских товаров. Но, с другой стороны, она эффективна, поскольку любой честный контроль цен в интересах общества и общественного блага влияет на покупательную способность существующих денег. Два года назад один итальянец, известный как Россони, или, возможно, даже более известный, но не член кабинета министров, написал мне:

«Две болезни современного общества — это легализация ростовщичества через банки и легализация воровства в законодательстве об обществах с ограниченной ответственностью».

Это было частное письмо, и я никогда не знал, могу ли я его цитировать. Теперь я чувствую себя вправе это делать, поскольку такая идея больше не кажется неблагоприятной. Независимо от того, было ли письмо изначально частным мнением или указанием на то, что должно было стать публичным в подходящий момент, основная идея воплотилась в жизнь В ИТАЛИИ.

Фашистский курс можно измерить по степеням:

1. В «Consegnání», год XII: «дисциплинировать экономические силы и приравнивать их к нужды нации».
2. Миланская речь следующей осенью: «Проблема производства решена, экономисты подталкивают Государство должно решить проблему распределения».
3. Автаркия. Доктрина Ч. Х. Дугласа. Аналогия с политикой Джефферсона. Основы разумной экономики остаются неизменными на протяжении тысячелетий. «Конечно, страна НЕ может должным образом и честно выплачивать дивиденды, пока у неё нет того, что делить».

Различные возможные методы распределения покупательной способности потребовали бы целого выпуска этот журнал, чтобы описать их.

Чтобы сохранить истинную меру похвалы, антидемократ должен признать, что Конституция США предоставляет правительству США полное право устанавливать собственную валюту. Раздувать пузыри о конституционности – это всего лишь рузвельтовская чепуха и баруховская чушь. Конгресс США, будь он честен и предположи, что среди сотен обезьян в нём всего несколько десятков людей, МОГ бы завтра установить покупательную способность доллара на уровне одного бушеля пшеницы или чего-то подобного, шести фунтов отборной говядины, двух ярдов саржи или четырёх фунтов шерсти определённого качества, или любого другого показателя, который был бы найден после надлежащего обследования национальных ресурсов.

Никто, кроме лжеца или человека, преследующего личную политическую выгоду, не может пытаться скрыть это. В США это НЕ недостаток вербального инструмента правительства, а изначальная гниль воли или просто животное невежество, которые мешают этим реформам.

Если такая реформа – фашизм, то это должен быть джексоновский фашизм. Любой стране нужна какая-то форма порядка. Испано-американская война, когда нас, детей (детей моего времени), муштровали, породила жаргон об открытом порядке. Возможно, что последние острова и весь Американский континент требуют ОТКРЫТОГО порядка, не приспособленного к Европе как континенту. Но в любом случае давайте попробуем увидеть, что есть, а что было, и постараемся отделить эти реалии от того, что нам говорят милорды Банкум и Вункум, и что они нам рассказывают в своих газетах.

Дисциплина войск в открытом строю отличается от дисциплины войск Брэddока, которые пытались сражаться с индейцами до 1776 года. Прошу прощения за военные сравнения, если это вежливо.

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

Мне бы этого не хотелось. Но я хотел бы как-то выразить свою мысль. Я хотел бы установить чёткое разграничение между словами «свобода», «порядок», «ответственность», «нечестность».

Недавнее заявление Муссолини о том, что «Капитал находится на службе государства», является ответом на изречение Адама Смита: «Люди одной профессии никогда не встречаются вместе без заговора против широкой общественности».

Самое ужасное в этой наемной прессе и нанятых псевдоэкономистах то, что они никогда не раскрывают истинного величия авторов, которыми, по их словам, восхищаются и которым приписывают свои пагубные теории. Эта фраза Смита была правдой.

XIX век никогда с этим не сталкивался. Потребовалось сто лет и сын кузнеца из Романьи, чтобы найти ответ и баланс. Отсюда и различные corporazioni, или высшие центральные цеховые организации, включая corporazione «Предвидения и кредита». Кредит провозглашался источником жизненной силы.

Остальная часть статьи посвящена ответам на различные заявления честных писателей. Кто-то должен попытаться сопоставить текущие мысли, попытаться устранить определенные недоразумения, даже если они не все относятся к одной и той же части предмета.

В качестве сноски в ответе на письмо с вопросом о создании Италией собственных денег. Италия создаёт собственные деньги, но кредит — это естественный человеческий продукт. Пока один человек доверяет другому, ни одно государство не сможет ПОЛНОСТЬЮ предотвратить появление небольших островков индивидуального кредита, подобно траве, по своей природе благотворной и братской.

В Италии НЕТ никакого почитания государства. Термин «поклонение государству» был придуман по невежеству и в пропагандистских целях.

Вы можете узнать это прямо из первоисточника. Государство в Италии призвано не подавлять индивидуальную инициативу, а предотвращать злоупотребления и находить справедливые меры, когда противоборствующие интересы не обладают достаточным разумом, чтобы найти собственное решение.

В ответ на десяток корреспондентов и на концовки двух десятков разговоров: ДА, в итальянском корпоративном государстве сейчас есть недостатки, И они вызваны суевериями, пережитками прошлого, грязными привычками бывших монополистов. В Италии, как и во всех странах, есть люди-свиньи, апатичные и ленивые умы, которые всё ещё бродят в старом болоте, пытаются саботировать, пытаются обмануть своих соседей, мешая простым и наивным людям добиться максимальных результатов для себя и для той части общества, на которую их деятельность может повлиять.

Но я твёрдо убеждён, что эти недостатки будут устранены в должном порядке. Я ни разу не замечал тенденции, которая бы отговаривала кого-либо от борьбы с этими уменьшающимися препятствиями, или «ветряными мельницами», в одиночку.

«Римское пожертвование – это мера», под этим я подразумеваю, что римский гений за 2000 и более лет был гением измерения.

Власть государства имеет пределы (какой бы теории оно ни строилось), и есть вещи, которые государство НЕ может делать. Неумеренный российский эксперимент теперь наглядно демонстрирует, что происходит, когда государство пытается перегрузить свой «Плимсолл».

Государство XIX века пыталось обойтись без балласта. Италия Муссолини, пожалуй, стала первым государством, которое всерьёз задалось вопросом, сколько свободы можно оставить в частных руках, не став при этом семенем разрушения. Я имею в виду, что ни одно другое государство никогда seriously не рассматривало этот вопрос.

Сторонники Джефферсона боролись со злом привилегий и гниением централизованной финансовой системы.

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

тирания. Они знали, что в своё время им не удастся далеко продвинуться в сторону противоположного.

Если бы я не верил, что фашизм в Италии означал максимальное развитие и максимальное поле индивидуальной свободы, совместимые с разумным общественным строем, я был бы таким же антифашистом, как мальчишки в розовых чайных и французские псевдолитераторы, которые ещё не знают, что в Италии что-то началось. Верить в свободу можно через порядок. Гораздо проще обрести её с помощью разумных правил дорожного движения, чем с помощью тупости или дезинвольтуры, как у героя, умудрившегося застрелить собственного верблюда во время верблюжьей атаки.

Сейчас меня беспокоит отсутствие новостей об экономике и политике, или, скажем, о состоянии экономической мысли, так же, как 25 лет назад меня беспокоило отсутствие настоящих новостей о книгах. Тогда не было места, где можно было бы легко узнать, что пишут за рубежом. Серьёзный антифашист сегодня хотел бы знать, с чем он сталкивается, и соответствуют ли его излюбленные ненавистнические чувства существующей объективной реальности.

«В демократическом мире существует, — пишет Карл Винтер в октябрьском номере журнала *Civiltà Fascista*, — антифашизм, основанный на справедливой позиции и недобросовестности; существует также невежественный и добросовестный антифашизм».

Рекомендую статью Винтера и его мнение о левых как конструктивном элементе в тоталитарных странах. Беньямино де Ритис также опубликовал в этом номере «CF» статью об исчезновении враждебности между Севером и Югом в США, которая может навести на размышления о возможностях новой и исцелённой Европы.

Я неоднократно говорил, что любой, кто хочет разумно любить или ненавидеть новую Италию, должен прочитать хотя бы несколько итальянских ежемесячных журналов, таких как «La Stirpe» Россони, «La Revista del Lavoro», «Critica Fascista» или «Rassegna Monet aria», редактируемую профессором Спинеди, сенатором Бевионе и Фурио Ленци.

Наконец, в замечательной статье Монтегю Фордхэма в декабрьском номере BUQ есть одно выражение, которое я хотел бы видеть более чётким. Когда он «сомневается в ценности специальных денежных выпусков для потребителей как таковых», я не совсем понимаю, что он имеет в виду. Не могли бы некоторые читатели подумать, что такие выпуски являются частью основного тезиса Дугласа? Это не так.

Если просто уравнивать общую покупательную способность с имеющимися в наличии востребованными товарами, то несоответствие, если таковое имеется, теоретически может быть компенсировано на непосредственном рынке любым, кто может создать и потратить новые деньги (или кредит).

Многие антидугласисты убедились, что распределение пособий наиболее нуждающимся означает быстрее их расходование. Британское (проклятое) пособие, безусловно, выдаётся тем, кто НЕ занят в производстве, то есть тем, кто не производит. «Pro tem» — довольно сомнительная теория в случае мужчин, которые восемь лет не работали.

Но дивиденды Дугласа, как, кажется, сказал нам майор, выплачиваются акционерам как таковым в стране. Они выплачиваются за труд (в основном изобретательский, но также и за работу по строительству предприятий), выполненный нашими предками, то есть рабочими, которые больше не могут есть и пользоваться жильём.

Я не знаю, считает ли г-н Фордхэм, что в Италии надбавка на детей выплачивается будущим производителям или временным непроизводителям; она, безусловно, выплачивается непосредственным потребителям и временным непроизводителям.

Существуют, по крайней мере, следующие альтернативы, которые имеют следующие условия.

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

Эмиссия кредитов - если она не производится как прямая эмиссия беспроцентных «измеренных требований», т. е. государственных облигаций (как это понимал Джефферсон, по крайней мере, к 1816 году, и все информированные экономисты с тех пор), - осуществляется путем заимствования и выплаты процентов, и я хотел бы знать, кто, по мнению г-на Ф., должен получать эти проценты, даже если они будут такими низкими, как те, которые г-н Рузвельт, как предполагается, выплачивает сторонникам старых идей.

Выдачи заемных кредитов учитываются как задолженность.

Выпуск неиспользованных кредитов является выпуском денег.

Г-н Фордхэм говорит об «особых денежных вопросах», и я не хочу несправедливо толковать это как что означает «выпуск особых видов» денег.

Однако я хочу пояснить, что эмиссия Moneta d'Avigliano или Gesellite с ее платой за простой — это эмиссия измеренных требований, которые исчезают через 100 месяцев, не оставляя никакого долга.

Дуглас называет ежемесячные марки налогом, но я вновь отмечаю, что государство, предоставляя меру обмена, которая также является обмениваемым требованием, действительно оказывает услугу, и ежемесячная марка может рассматриваться как вознаграждение за эту услугу. Она, во всяком случае, устраняет необходимость в других налогах, размер которых не превышает 12% от суммы, находящейся в обращении, в год.

Это гораздо понятнее, чем любая из схем отмены Дугласа. Ее педагогическая ценность огромна. Я имею в виду, что даже самые простые люди, пользовавшиеся такими деньгами, имеют гораздо более четкое представление о том, что такое деньги, чем большинство кембриджских студентов, изучающих «экономику».

Существует множество альтернативных схем взимания платы за простой судна, основанной на неиспользованной покупательной способности, но ни одна из них не является столь же познавательной. Например, план Мийо был бы полезен лишь для немногих экспортёров и импортёров, а также для некоторых их клерков.

Естественно, если вы выпускаете кредиты или деньги или даже особые виды денег сверх имеющихся ТРЕБУЕМЫХ товаров, вы получаете инфляцию, то есть болезнь, которая противоречит цели выпуска, ЕСЛИ только у вас нет государственного фиксирования цен, как того требуют Дуглас и ОПЕРАТИВ в Италии сегодня.

Девальвация — это обман, и, более того, это резкое снижение покупательной способности в целом. Тот, кто выбирает время девальвации, всегда может обмануть кого-то другого.

Даже если его намерения благие, он соблазняет и почти вынуждает к спекуляции мошенников и обездоленных людей, борющихся за выживание в трясине меркантилизма и аду меркантилистско-ростовщической среды.

Владельцы золота, будучи гораздо более умными, хитрыми и кровопийцами, чем широкая публика, вполне естественно и (если бы мы не были такими ослиами) поучительно, создали стабилизационные фонды, чтобы позаботиться о СВОИХ интересах.

РАБ — это тот, кто ждет, когда кто-то его освободит.

Марксизм, учение о распаде Фрэнсиса Макевоя

МАРКСИЗМ — доктрина всеобщего уничтожения, выдвинутая немецким евреем Карлом Марксом и нашедшая политическое выражение в России под названием «коммунизм».

Этот последний обман, очищенный от псевдонаучного жаргона о диалектическом материализме и всей этой тарабарщины для простаков – диктатуры пролетариата, братства людей и всего прочего, – представляет собой не что иное, как режим деспотического государственного капитализма, поддерживаемый убийствами и террором. В его системе коллективизации доминирующим фактором является коллективный вампиризм.

Само собой разумеется, утопический эгалитаризм денационализированного интеллигента никогда и нигде не существовал, но не так называемый политический коммунизм грозит нашей стране непосредственной опасностью. Это было бы окончательным итогом, но прежде чем восточные комиссары смогут проявить себя, умы потенциальных жертв должны быть подготовлены к этому событию, то есть извращены и отравлены до необходимой степени восприимчивости. В этом и заключается задача культурного марксизма, предварительная большевизация умов, облегчаемая всеобщей толерантностью-психозом либерализма, присущим социал-демократии, и ведущая к её неизбежному окончательному краху.

Таким образом, в России марксизм пока что обладает политическим господством и тем самым контролирует все сферы деятельности, тогда как здесь, как и в других демократиях, его тлетворное влияние пока проявляется главным образом в общественной и культурной жизни. Это гораздо более коварно и разрушительно, чем любая доктринерская политическая деятельность, ибо кредо подрывного материализма, скрытно внедрённое в жизнь народа, уничтожает всякую духовность, моральные ценности и национальную культуру. Это, по словам Моммзена, «активный фермент космополитизма и национального разложения». Многие люди, как противники политического коммунизма, так и его жертвы, а также значительная часть поверхностных масс, невольно дрейфуют в Сарагосское море культурного большевизма, подхваченные многочисленными нездоровыми течениями, заражающими современную жизнь.

Многочисленны цветы зла, которые прельщают искателей ощущений и гедонистов современные города, с радужным блеском их гниения!

Сравните то, что сегодня называют искусством, с восхитительными достижениями елизаветинской эпохи или с достижениями других, менее значительных эпох, вплоть до начала нынешнего столетия. Отупление народного сознания серьёзно наступило с приходом промышленной революции и сопутствующим ей уничтожением крестьянства. Став аморфным, оно неспособно противостоять духовной заразе. Однако, несмотря ни на что, XIX век, переживая упадок, всё ещё мог явить миру некоторых великих писателей и поэтов, хороших художников и талантливых композиторов.

Что является сегодня интеллектуальной пищей народа, амброзией нашей благословенной демократии? Сюрреалистическая живопись и скульптура, оргия болезненных и искажённых фантазий, находящая свой какофонический эквивалент в напевах и зажигательных ритмах – музыка джунглей, запятнанная неврозом ночных клубов. Фильмы, полные возбуждения, космополитизма и пропаганды. Книги и журналы – либо сенсационные, либо сексуальные, либо и то, и другое. Газеты, полные лжи, пустяков и фотографий, больше рассчитанных на привлечение внимания к женским телам, чем к их лицам. Странно, что так много «красивых и гламурных мисс таких-то» задирают юбки, чтобы...

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

фотографироваться.

В экономической сфере либерализм, философский лейтмотив всех демократических партий, даёт полную волю хищническим инстинктам и доминированию или уничтожению слабых и менее хитрых сильными. Апокрифические гуманисты, с негодованием осуждающие любое применение физической силы, призывают не сдерживать проявление массовой денежной власти или экономическую тиранию беспринципных «деловых способностей». И всё же могут быть и другие, более отвратительные формы запугивания, чем грубое физическое насилие.

Рабство и подчинение не всегда носят исключительно физический характер. Люди, не обладающие ни одной спасительной добродетелью и не обладающие никакими талантами, кроме простой меркантильной хитрости, могут и действительно принуждают других, гораздо более достойных и одаренных людей, к состоянию крайней экономической зависимости. Они перенесли борьбу на территорию, где, как им известно, они гарантирована победа, где царит закон Маммоны. В условиях денежной диктатуры прибыль неизбежно становится первой и конечной целью, а массовая стандартизация во всех сферах жизни представляет собой наиболее рационализированный и, следовательно, прибыльный способ опустошения общества, ставшего дойной коровой. Страна всё больше оказывается во власти финансовой и коммерческой цепной системы от колыбели до могилы. Моральные, духовные и культурные идеалы не являются «выгодными предложениями». Их нельзя «надуть» или «вынести» на бирже. Кроме того, людям, обладающим ими, не хватает необходимой покорности и апатии, чтобы стать подручными стандартизированной эксплуатации и обмана.

Таким образом, марксистская духовная диверсия идёт рука об руку с коммерческим материализмом, «наживаясь» на глупости и упадке. Один прецедент перерастает в другой (фраза, отражающая распад современного демократического сознания), распущенность порождает ещё большую распущенность и достигает кульминации в бесконтрольном злоупотреблении. Классический тонкий клин вбивается здесь, там и повсюду, и брешь ширится, пока «настоящая» нация не катится к своему краху.

Апостолы упадка называют это «прогрессом». Так оно и есть, но это прогресс, идущий по их собственному пути в геенну. Похотливый прогресс духовного большевизма, гниль марксизма, разъедающая жизненно важные органы нации, – зловещий афродизиак, прописываемый знахарями декаданса под различными вывесками демократической свободы, самовыражения и передовой мысли. «Нужно идти в ногу со временем» – пустая болтовня, как будто нынешняя социальная анархия – результат «непреодолимой силы», и британскому народу стало неминуемо суждено скатиться в пучину космополитического вырождения.

Наряду с моральным и культурным разложением, в современную сферу проникает доктрина расовой атрофии и метисации, и те же изготовители яда возглавляют кампанию за ограничение рас и отмену цветного барьера. Сельское население, источник национального здоровья и культуры, экономически угнетается, а барьер его инстинктивного сопротивления стирается. Последние остатки сгоняются в города, где их искусственная и неестественная среда делает их частью изгой мегаполисной массы, оторванной от природы и пополняющей ряды пассивных, слепых жертв финансовой демократии ради большей прибыли международных сетевых магазинов и кинотеатров.

Ни поездки на выходные за город или к морю, ни проживание в двухквартирных домах в садовых пригородах не могут компенсировать тотальное вырождение народа, почти полное уничтожение английского крестьянства, ибо помимо экономических опасностей, моральные, физические и культурные последствия неисчислимы. Перед лицом острой необходимости полной переориентации и перепланировки нашей национальной экономики социал-демократия дарит нам «зелёные пояса» и кампании за «национальную физическую подготовку». Детское паллиативное лечение, песчаные замки и фантазия. Беглецы на выходные

Из механизированной цивилизации они уносят город в своё сознание и отражают его в своих подсознательных действиях. Он сопровождает их в их речи и литературе, в их джазовых пластинках для портативного граммофона и в их радиоприёмниках, в их городской элегантности и жеманстве.

Умный Алик заменяет давно забытого Аминтаса, а страдающая ожирением еврейка в шортах — его Амариллис. («О, певец Персефоны!») В поисках Аркадии они находят придорожный дом. Они не слышат флейт Пана на тенистых полянах, но стенают под негритянский джаз или «Интернационал» на заброшенных полях, ожидающих «развития», откуда сбежали феи.

В такой атмосфере разложения марксизм процветает, словно плоды Мёртвого моря, в то время как человеческие слабости, жадность, тщеславие и пороки потворствуются и эксплуатируются. Нездоровые вкусы и склонности возбуждаются внушением и «руководящей» пропагандой, а затем цинично именуются «общественным спросом». Прекраснейшие из наших девушек демонстрируют свои прелести в кино, в международных танцевальных труппах или «стриптизируют» в заграничных кабаре перед разноцветными отбросами человечества.

Апофеозом национального вырождения, если его не остановить, станет контроль политического большевизма. Марксистский план состоит в том, чтобы навязать его тайно под маской псевдоидеалистического социализма, когда коллективный разум уже достаточно отравлен вирусом коллективного разложения. Приспешники марксизма подрывают устои с интенсивностью нашествия ондатр, и каждый безответственный искатель удовольствий, каждый апатичный эгоист и каждый глупый идиот, считающий модным или умным порицать всё традиционное, патриотическое и благотворное, способствует ускорению темпов упадка нашей нации.

Надпись на стене очевидна. Неужели люди смотрят только на биржевые сводки, спортивные результаты, ежедневную программу ничтожных удовольствий, на разжигание зверств и преследований, да на антифашистскую литанию ненависти? Показательно, что всё это рычание, подобное гиене, направлено именно против тех, кто увидел и понял зловещий смысл этой надписи.

Марксизм извлекает выгоду из каждой глупости и слабости, ищет единство во всех доспехах и требует терпимости и еще больше терпимости, пока не наступит время навязать свою собственную безмерную нетерпимость.

Даже если бы его злодеяния были завершены лишь наполовину, разрушение души Британии, несомненно, было бы слишком великой жертвой на алтаре Антихриста.

Враг — либерализм Дж. К. Хейдона

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Т НАЦИЯ – это естественное единство, функционирующее как живой организм благодаря общей любви, объединяющей составляющих её индивидов. Она существует по природе, ибо человек по своей природе не только индивидуален, но и социален; она существует ради общего блага, которое, как признавал Аристотель, выше индивидуального блага; и поэтому она представляет собой жизнь, в некоторых отношениях превосходящую жизни отдельных людей, составляющих её в любой конкретный момент.

Я говорю «в некоторых отношениях», потому что истина всегда балансирует между заблуждениями, которые преувеличивают один её аспект и игнорируют другой. Было бы ошибкой утверждать вместе с Гегелем, что нация превосходит индивида во всех отношениях, так же как было бы ошибкой утверждать вместе с либералами, что нация есть не более чем арифметическая сумма своих индивидов. Истина же лежит между этими заблуждениями. Нация – это единство, состоящее из частей, и поэтому она обладает большим бытием, чем его части; потому что то, что составлено, обладает большим бытием, чем то, из чего оно составлено. У неё есть принцип композиции, в данном случае – любовь, которая актуализирует потенциалы своих компонентов и тем самым образует большее бытие. Более того, большее бытие нации очевидно во многих отношениях.

Нация обладает определённым естественным бессмертием, которого нет у её отдельных личностей; она обладает определённой долей творческой силы, дарованной её основным ячейкам – семьям; она имеет право лишить жизни отдельного человека по веской причине, которой не обладает ни один отдельный человек. Следовательно, очевидно, что нация, как совершенное сообщество, превосходит отдельных людей, её составляющих.

Но все это применимо только к естественному порядку вещей, в котором существует нация. Человек, индивидуум, в отличие от нации, есть существо сверхъестественное. Строго говоря, у него нет естественной цели; у него есть лишь сверхъестественная цель, которой подчинена вся его природная жизнь, будь то личная или социальная. Отсюда следует, что нация, существующая только в естественном порядке, подчинена индивидууму в отношении своей конечности. Она существует по природе именно для того, чтобы её индивидуумы могли возникнуть и затем получить возможность достичь сверхъестественной цели, ради которой они и возникли.

Этот вопрос имеет первостепенное значение, и фашистам следует ясно его понимать, иначе они могут поставить под угрозу саму суть своей позиции. Использование слова «тоталитарный» следует осудить, поскольку оно весьма двусмысленно, особенно если не чётко осознаётся различие, которое я только что провёл. В то время как коммунизм строго тоталитарен, отрицая сверхъестественную цель личности или какие-либо права в отношении гражданской власти, фашисты порой довольствуются снисходительным отношением к религии, как будто они могут справедливо утверждать абсолютный тоталитаризм, но великодушно отказываться от него в случае религиозных практик. Если бы это отражало их истинную позицию, это подорвало бы всю силу их дела, оправдывая обвинение в том, что фашизм по сути ничем не отличается от коммунизма. Давайте будем ясно осознавать, что мы считаем национальный организм более великим, чем отдельные личности, только в порядке природы и ради общего блага, которое следует понимать в свете сверхъестественного предназначения отдельных личностей.

Даже если это прояснить, использование термина «тоталитарный» все еще не рекомендуется, так как это приводит к *****электронным конвертерам DEMO Водяные знаки*****

Недопонимание. Оно предполагает, что государство, в смысле гражданской власти правителя, может претендовать на право совершать такие действия, как изъятие детей из-под контроля родителей, если сочтет это целесообразным, даже если родители, возможно, ничего не сделали, чтобы утратить свое естественное право воспитывать детей. Конечно, государство не может претендовать на такое право, поскольку разрушение семьи противостоит естественному и, следовательно, не может служить общему благу. Фашисты не намерены делать подобные противоречащие заявления; но иногда они называют себя тоталитарными для большей выразительности, имея в виду претендовать на полную власть управлять ради общего блага. Такое использование слова оправдано, но оно слишком подвержено искажениям и даже невинному недопониманию.

Более того, этот акцент совершенно излишен. Здравая доктрина гражданской власти не нуждается в подчёркивании, поскольку она заключается в том, что правитель обладает всей полнотой власти для гражданского блага в силу естественного права. Никакая власть не может быть полнее полной, и на этом вопрос лучше оставить, рассмотрев, что подразумевается под гражданским благом.

В этой связи следует отметить, что национальный организм не лишен внутренней структуры. Напротив, он органичен во всей своей массе. Любовь – его жизненный принцип, от супружеской и родительской любви в семье до патриотизма, придающего индивидуальность нации в целом; и между этими предельными проявлениями она образует промежуточные концентрации всякого рода и вида – политические, культурные и экономические, – соответствующие потребностям нации или потребностям отдельных лиц в различных социальных, но субнациональных, качествах. Человек может быть одновременно мужем, избирателем в национальной и субнациональной политике, врачом, акционером нескольких компаний, игроком в гольф, натуралистом, любителем искусства и многим другим; и в каждом качестве, как имеющем национальное значение, так и нет, он оказывается связанным с другими людьми узами общей любви.

Некоторые из органических скоплений внутри страны настолько жизненно важны, что их можно сравнить лишь с основными органами человека, в то время как другие носят скорее декоративный характер. Так, Правитель, несомненно, является главой нации, Сельское хозяйство и Промышленность – её руки, а Транспорт – её кровь; Реклама – это национальное ухо, а Армия – защитная кожа; Полиция, возможно, – фагоциты, и так далее. Королевская Академия, напротив, – это миловидная ямочка, желанная и служащая цели здоровья и счастья, но менее насущная.

Поскольку жизнь национального организма такова, то свобода для каждого человека заключается в возможности гармонично уравновесить все аспекты своей жизни, присущие ему в силу его общей и частной природы, независимо от того, являются ли эти аспекты индивидуальными или социальными, важными или неважными. И, более того, возможность в этом отношении следует понимать в положительном смысле, поскольку любовь есть принцип общественной жизни.

Возможность — это не просто невмешательство в процесс приспособления, который может оказаться практически невыполнимым, но общество должно предоставлять человеку все необходимые условия и поддержку для достижения гармонии во всех аспектах его жизни, чтобы ничто, кроме его собственного недостатка любви, не могло ему в этом помешать.

Возможность, в другом смысле, как простое отсутствие активного предотвращения, пожалуй, можно назвать свободой, но это далеко не свобода. Например, этика предоставляет различные критерии, с помощью которых мы можем оценить, хотя бы приблизительно, справедливую заработную плату работника в данных обстоятельствах. Эта заработная плата ни при каких обстоятельствах не может быть меньше той, которая обеспечивает человеку и его семье скромный комфорт, и будет больше, если богатство, произведенное, отчасти трудом человека, более чем достаточно, чтобы обеспечить минимальное вознаграждение всем людям, участвующим в производстве этого богатства. Однако либеральная теория игнорирует справедливую оплату труда, основанную на этике, и рассматривает труд как товар, который следует покупать как можно дешевле на рынке труда; она считает, что естественная заработная плата возникнет в результате свободного взаимодействия спроса и предложения на труд;

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

Именно эта теория заработной платы воплощается во всей либеральной организации Англии сегодня, несмотря на то, что абсолютное невмешательство значительно ограничено социальным законодательством. В этих обстоятельствах, возможно, не будет полным абсурдом утверждение, что рабочий волен отказаться от рыночной заработной платы и потребовать справедливой заработной платы, а работодатель волен платить справедливую заработную плату и игнорировать рыночную. Экономисты говорят о договоре о заработной плате как о свободном договоре, и это может иметь смысл, так же как имеет смысл утверждение, что я волен подняться на Луну. Рабочий волен согласиться на несправедливую заработную плату или присоединиться к безработным; в нашей свободной стране безработица не является наказуемым преступлением. И точно так же работодатель волен платить несправедливую заработную плату или поддаться свободной конкуренции конкурентов и прекратить выполнять свою социальную функцию работодателя. Но ни рабочий, ни работодатель не могут требовать или обеспечивать справедливость и при этом продолжать долго выполнять свою социальную функцию. Следовательно, ни один из них не пользуется свободой. Свобода требует как минимум справедливости при исполнении социальных функций, ибо справедливость важнее любви. Если любовь – жизненный принцип социального организма и она не может проявиться в простой социальной справедливости, то, очевидно, социальный организм болен, а свобода – ослаблена. Свобода – это социальное здоровье, социальная среда, в которой у человека есть все возможности и поддержка для достижения гармонии во всех аспектах его жизни.

Это истинная теория свободы, и давайте сравним её с ложной либеральной теорией, среди агонии которой англосаксонская цивилизация всё ещё мужественно и жалко пытается процветать. В лучшем случае либеральная теория не отождествляет свободу с принципом невмешательства; это отождествление было естественным развитием теории, которая изначально была менее очевидно ложной. В лучшем и наиболее презентабельном варианте либеральная теория рассматривает свободу как баланс между личной свободой действий и обязательствами, вытекающими из общественного договора, который граждане, как считается, заключили между собой ради поддержания порядка, условия которого должны определяться общественным мнением, ибо голос народа — это голос Бога.

Единственной признаваемой действующей силой является индивидуальный интерес, а именно, обычный интерес, когда речь идёт о личной свободе, и просвещённый интерес, когда речь идёт о необходимых ограничениях личной свободы. Любовь здесь совершенно не при чём, поскольку вся жертва личной свободы, которая может быть необходима ради порядка, считается достаточно объяснимой просвещённым интересом.

Эта теория могла бы работать очень хорошо, если бы люди были совершенны. Она была бы искусственной и попросту ложной в своей формулировке, но я не вижу причин, почему она не могла бы привести к тем же результатам, что и истинная теория; ибо личный интерес в своём совершенстве имеет ту же цель, что и любовь, а именно, выбор высшего блага.

Но мы несовершенны. Мы по сути своей добры и любящие истину, но не совершенны; мы определённо искажены в сторону корысти, той самой, что называется эгоизмом, которая противоположна любви. Это искажение не настолько, чтобы лишить нас доброты и красоты от природы, но это явный и неоспоримый порок. Никто не отрицает и не может отрицать его существование, независимо от того, придерживается ли он христианского учения о грехопадении или считает нас эволюционирующими от обезьян к сверхлюдям.

Учитывая это, можно было бы ожидать, что либеральная теория отступит от идеальной работы ровно настолько, насколько, но не более, человечество отступает от идеальной просвещённости в своём понимании собственного интереса; и вы можете спросить, какую более действенную гипотезу мы можем ожидать или на которую можем надеяться в несовершенном мире. Говорить о любви как о жизненном принципе общества – это, конечно, прекрасно; но поскольку на работу теории любви наша склонность к эгоизму повлияет так же, как и на работу теории просвещённого собственного интереса, что я приобрету, заменив одну теорию другой?

Такое рассуждение может показаться благовидным, но оно было бы ложным, поскольку теория любви верна, тогда как *****ebook converter DEMO Watermarks*****

теория просвещённого эгоизма, какая мне выгода от того, что ложная теория работает лучше, чем должна была бы просто ложная теория, потому что любовь остаётся, чтобы помочь ей; и я признаю, что истинная теория не будет работать так, как должна, потому что любовь загрязнена эгоизмом. Но при всём при этом остаётся верным, что либеральная теория — ложная теория, а ложная теория в человеческих делах неизбежно, поскольку мы несовершенны, приведёт в конечном счёте к краху. Так и должно быть, исходя из абстрактных принципов.

Но мне нет нужды полагаться на абстрактные рассуждения. Либеральная теория существует с нами достаточно долго, чтобы мы могли наблюдать этот разрушительный процесс в действии. Когда она была впервые сформулирована, несовершенство её функционирования, возможно, было не больше, чем несовершенство человечества. Фактически, она вообще не имела существенного влияния; лишь когда теория нашла выражение в экономической доктрине и основанных на ней политических действиях, её функционирование переросло в либеральную организацию общества, в тисках которой мы теперь почти беспомощны.

Выражение чисто теоретической гипотезы либерализма в экономике и в основанной на ней политике было делом рассуждения; и это рассуждение стало началом процесса вырождения. Пока сердце было свободно отвергать ложную теорию, не могло быть результатов более низменных, чем низость человечества; но рассуждения, основанные на ложной теории, могут привести к низости безграничной. Поначалу, возможно, предполагаемый баланс между личной свободой действий и жертвами ради порядка был лишь немного смещен в сторону личной свободы; но по мере того, как люди привыкали к этому ложному балансу и начинали рассуждать на эту тему, их эгоистичная жилка легко находила оправдания для того, чтобы немного сместить баланс в пользу личной свободы. И так процесс продолжался, пока мы не пришли к неприкрытому невмешательству, которое было торжественно провозглашено высшей экономической и политической мудростью.

К тому времени мы были рабами ложной теории, по крайней мере, как личности. Не было смысла быть добросердечным; свободная конкуренция была нормой и защищалась законами страны и всей общественной организацией; добросердечный человек мог лишь вздыхать и говорить себе, что бизнес есть бизнес, что законы экономики – неумолимые законы джунглей: ешь, или будешь съеден.

Но человеческая природа оставалась доброй и прекрасной, а результаты политики невмешательства были откровенно шокирующими. Отдельный человек ничего не мог с этим поделать, но общество в целом могло сдерживать закон джунглей; и так люди обратились к политическим действиям, от которых прежде требовали оставить промышленность в покое, призывая её всё больше вмешиваться посредством социального законодательства.

Томас Карлейль — национал-социалист Уильяма Джойса

Томас Карлейль занимает первое место среди британских мыслителей, предшествовавших ему, продемонстрировавших в своих трудах некоторые из основных тенденций фашистской философии, и среди них Шекспир и Голдсмит внесли большой вклад; но во всем обширном объеме трудов Карлейля нет ничего, что можно было бы считать чем-то иным, кроме как продуктом национал-социалистического ума. Он сам был проникнут духом национал-социализма задолго до того, как появилось это название. Его слова — это всегда слова патриота. Его страстная любовь к родине, возможно, в его собственное время не удовлетворяла бы критериям патриотизма, потому что он любил не абстракцию, а народ; и именно в этом заключается фундаментальное различие между старым патриотизмом и новым. Старый патриотизм озабочен идеями и внешними очертаниями: новый озабочен самой реальностью народа и является патриотизмом, потому что он социализм в единственно достойном смысле, который можно придать этому термину.

Цель этой короткой статьи — не писать о Карлейле, не критиковать его и не пополнять и без того громоздкую массу обобщений, неизбежно сплетённых вокруг любого великого писателя. Ещё меньше мы намерены обсуждать то, что невнимательные назовут «политикой Карлейля». Пусть те, у кого в избытке свободного времени, займутся исследованиями, призванными доказать, был ли великий писатель вигом или тори. Доказать, что он был тем или другим, было бы сложно; но, помимо этой трудности, это было бы бесполезно, поскольку эти древние термины не имеют ничего общего с тем, что существует в современной британской политике. Поэтому вместо того, чтобы пытаться доказать наш тезис, мы просто ещё раз представим Томаса Карлейля.

Тем, кто, возможно, по неосторожности, надолго расстался с ним, позвольте ему высказаться самому, и его слова послужат для национал-социалистов одновременно и вдохновением, и подтверждением фашистской теории. Каждый сторонник фашистского национал-социализма знает об обвинении, постоянно выдвигаемом против его движения: в заговоре с целью уничтожения свободы. Пожалуй, ни одно обвинение не выдвигается чаще против национал-социалистического вероучения.

Листая страницы «Прошлого и настоящего», мы читаем:

«Свобода? Истинная свобода человека, как вы сказали бы, заключается в том, чтобы он нашёл, или был вынужден найти, правильный путь и следовать по нему. Узнать или получить знания о том, к чему он действительно способен, а затем, с позволения, убеждения и даже принуждения, приступить к выполнению того же. В этом и есть истинное блаженство, честь, «свобода» и высшее благополучие. Если свобода не в этом, то мне, по крайней мере, до свободы нет никакого дела».

Наверное, никогда еще не было более ясного утверждения о том, что без дисциплины свобода невозможна.

Точно так же мы видим здесь явное требование права действовать. Как говорит сэр Освальд Мосли: «Начало свободы — это конец экономического хаоса. Но как можно преодолеть экономический хаос без возможности действовать? Конституционная свобода должна быть сохранена, но эта свобода выражается в праве народа избирать парламент и правительство, тем самым выбирая желаемую им форму правления. Дальше этого он идти не может». Или, цитируя официальный манифест

Британский союз: Фашизм — это лидерство нации. Это не диктатура в старом смысле слова, подразумевающая правление против воли народа. Это диктатура в современном смысле слова, подразумевающая правительство, вооружённое народом и обладающее всей полнотой власти для решения проблем, которые необходимо решить для выживания нации.

Учение Карлейля о лидерстве и власти не содержит ни одного из взглядов на класс, принятых старыми партиями. Столь же отвратительны ему снобизм и классовая борьба. Длинные цитаты едва ли оправданы, если только они не представляют исключительной ценности, но здесь мы позволим себе процитировать длинный отрывок, поскольку он является одним из величайших, когда-либо написанных на нашем языке:

«Я чту двух людей, и третьего не чту. Во-первых, измученного трудом Ремесленника, который земным орудием кропотливо покоряет Землю и делает ее своей. Почтенна мне грубая Рука; кривая, грубая; в которой, однако, заключена хитрая добродетель, несомненно царственная, как у Скипетра этой Планеты. Почтенна также и суровая, загорелая от непогоды, грязная, с её грубым умом; ибо это лицо Человека, живущего по-человечески.

О, но тем более почтен ты за грубость твою, и ещё потому, что мы должны жалеть тебя так же, как и любить! Брат, к которому нас так безжалостно обратились! Для нас так согнулась твоя спина, для нас были изуродованы твои прямые члены и пальцы: ты был нашим призывником, на которого пал жребий, и сражаясь в наших битвах, ты был так изуродован. Ибо в тебе тоже заключалась Богом сотворённая Форма, но она не должна была раскрыться; покрытая толстыми спайками и порчей Труда, она должна была стоять; и твое тело, как и твоя душа, не должно было знать свободы. И всё же трудись, трудись: ты исполняешь свой долг, будь вне его, кто может; ты трудишься ради совершенно необходимого, ради насущного хлеба.

Второго человека я почитаю, и ещё более высоко: Того, кто трудится ради духовно необходимого; не насущного хлеба, но Хлеба Жизни. Разве он не исполняет свой долг, стремясь к внутренней Гармонии; раскрывая её делом или словом во всех своих внешних стремлениях, будь они высокими или низкими? Выше всего, когда его внешнее и внутреннее устремления едины: когда мы можем назвать его Художником; не только земным Ремесленником, но и вдохновенным Мыслителем, который небесным Орудием покоряет для нас Небеса! Если бедный и скромный труд, дающий нам Пищу, не должен ли взамен трудиться для него высокий и славный, дающий ему Свет, Руководство, Свободу, Бессмертие? Этих двоих, во всех их степенях, я почитаю: всё остальное — мякина и прах, которые ветер может нести, куда хочет.

Достоинство труда никогда не было выражено так точно, как в этих строках, которые одни только и провозглашают Карлейля великим мыслителем национал-социалистов. Много было написано на ту же тему бесчисленными социалистами, но ни один из них не трактует её таким образом. В лучшем случае труд представляется как тягота, а в худшем – как проклятие; их общая позиция заключается в том, что труд – это целесообразная и неизбежная несправедливость, налагаемая на человека, который должен искупить свой позор, требуя наивысшей цены за свои услуги. Но какую бы высокую цену он ни получил, в социалистической философии он будет всего лишь «наёмным рабом». Поэтому интересно почитать, что говорит Карлейль о мотивах героизма и достижений. Он пишет: «Это клевета на людей, когда они говорят, что их побуждает к героическим

поступкам лёгкость, надежда на удовольствие, вознаграждение – любая сладость в этом мире или в ином. В самом ничтожном смертном есть нечто более благородное. Бедный солдат, присягнувший на войну, нанятый на расстрел, имеет свою солдатскую честь, отличную от правил строевой подготовки и шиллинга в день. Не вкусить сладостей, а творить благородные и истинные дела и оправдать себя под небесами Божьими как боготворимый человек – вот к чему смутно стремится беднейший сын Адама. Показать

Если он сделает это, то даже самый скучный рабочий воспламенится в героя. Они глубоко заблуждаются, когда говорят, что его можно соблазнить лёгкостью. Трудности, самоотречение, мученичество, смерть – вот соблазны, действующие на сердце человека. Зажги в нём внутреннюю, светлую жизнь, и ты получишь пламя, сжигающее все низменные помыслы.

Подобные настроения никогда не могли исходить от финансовой демократии или её поклонников. Стоит отметить, что Карлейль здесь обсуждает мотивы героизма, а не просто труда. Он подрывает корень старой марксистской догмы, известной как трудовая теория стоимости, и уничтожает её. Он демонстрирует яснейшее понимание того, чего Маркс никогда не смог бы понять: творческий интеллект и героический поступок совершенно несоизмеримы с обычными процессами труда; и что самые благородные и, следовательно, самые важные достижения человека ни в коем случае не могут быть сведены к категории чисто механических усилий.

Можно возразить, что Карлейль просто представляет человека как существо неразумное и неразумное. Если это так, то Карлейль прав.

В некоторых обществах героизм доходит до самых низменных пределов. В финансово-демократических странах сегодня еврейские финансисты даже презирают его и ненавидят, потому что он наделил бы национальный характер гордостью, требующей национальной независимости; но то, что героический мотив может быть правилом, а не исключением, было продемонстрировано в Германии и Италии, где, хотя вся цель фашистской системы заключается в улучшении положения народа до неузнаваемости, подавляющее большинство людей готовы пожертвовать всем не ради материальной выгоды, а ради принципов, которые они считают священными.

В одном весьма впечатляющем отрывке наш автор демонстрирует истинную связь между трудом и Империей. Когда утверждается, что Томас Карлейль был всего лишь социалистом, нам приходится вспомнить о многолетней пропаганде, которую интернациональный социализм вёл против империализма, и вспомнить один из самых впечатляющих отрывков из «Сартора Ресартуса»:

«Правда, ты, Золотой Гофрат, — восклицает профессор в другом месте, — действительно слишком многолюдно». Между тем, какую часть этого незначительного земного шара вы фактически вспахали и вскопали, пока он больше не зарос? Какова плотность вашего населения в пампасах и саваннах Америки; вокруг древнего Карфагена и во внутренних районах Африки; на обоих склонах Алтайского хребта, на центральной платформе Азии; в Испании, Греции, Турции, Грим Татари, Курраге Килдэра? Один человек, за один год, как я понял, если вы одолжите ему Землю, прокормит себя и еще девять человек. Увы, где теперь Хенгисты и Аларихи нашей все еще пылающей, все еще расширяющейся Европы; которые, когда их дом станет слишком тесным, наберут и, подобно огненным столбам, поведут вперед эти избыточные массы неукротимой живой доблести; вооруженные теперь не боевым топором и боевой колесницей, а паровой машиной и лемехом? Где они? — Сохраняют свою дичь?

Интересно отметить здесь пример отношения к аристократии, которое Карлейль повторяет почти каждый раз. Он был слишком глубоким мыслителем и бесконечно честным, чтобы притворяться, будто аристократия не нужна. Снова и снова на протяжении всего текста он ясно показывает, что не может представить себе народ, действующий как сообщество, без руководства класса вождей. Но то, чего он ожидает от этого класса, также изложено очень ясно и резко контрастирует с тем, что получили люди его времени, и с тем, что люди нашего времени ещё, очень скоро, должны получить. Он хотел построить настоящую Британскую империю, и это желание ясно выражено в его собственных словах:

«Англия, вскоре на нашем острове останется лишь малая часть англичан.

В Америке, в Новой Голландии, на востоке и западе, до самых Антиподов, будет Саксония, охватывающая огромные пространства земного шара. И что же может объединить всех их в практически единую нацию, чтобы они не ссорились и не воевали, а жили в мире и братском общении? Это справедливо считается величайшей практической проблемой, задачей, которую призваны решать всевозможные суверенные государства и правительства. Что же этого добьётся? Парламентские акты, административные премьер-министры не могут. Америка отделена от нас настолько, насколько Парламент мог её разделить. Не называйте это фантастикой, ибо в этом много реальности. Вот, говорю я, английский король, которого ни время, ни случай, ни парламент, ни их союз не смогут свергнуть. Этот король, Шекспир, разве он не сияет коронованной властью над всеми нами, как благороднейший, кротчайший и в то же время сильнейший из объединяющих знаков; несокрушимый?

Вывод, конечно, не в том, что мы хотели бы видеть Шекспира фашистским императором, а в том, что самые крепкие узы должны быть по-настоящему крепки в духовной культуре нашего народа, где бы он ни находился; и, в конечном счёте, это утверждение означает лишь то, что поведение и судьба народов определяются философскими воззрениями, которых они придерживаются. Быть досконально знакомым с благороднейшей философией — значит совершать благородные поступки; быть униженным ублюдочным искажением негроидной и семитской культур — значит для белого человека погибнуть.

Карлейль знал, что ни договоры, ни конференции не способны обеспечить столь желанного им мирового единства. Достижение его возможно лишь благодаря духовному единству. Как мы уже писали ранее: «Где нет коллективного духа, там не может быть и коллективной безопасности». Но этот источник духовной силы, эта культура и философия могут исходить только от истинной аристократии, не основанной на таких классовых условностях, как те, что существуют в финансовой демократии. С другой стороны, Карлейль справедливо подчёркивал связь между владением землёй и способностью влиять на культуру нации. В книге «Прошлое и настоящее» справедливо сказано: «Земля – основа аристократии; тот, кто владеет землёй, более других является губернатором, вице-королём народа, живущего на этой земле. В наши дни так же, как во времена Генриха Плантагенета и аббата Самсона, так будет и во все времена. Земля – Мать всех нас; она кормит, даёт кров, радуется, ласково обогащает всех нас: сколькими способами, с нашего первого пробуждения до последнего сна на её благословенной материнской груди, она, словно благословенными материнскими руками, обнимает нас всех».

Однако Карлейль не вполне предвидел последствия промышленной революции. Он едва ли мог представить себе день, когда всё будет разрушено, а земледельцы, фермеры, землевладельцы окажутся в положении жалкого бессилия, обременённые цепями еврейского ростовщичества. Он не подумал бы, что помещик в таком жалком положении может играть роль благожелательного аристократа; ибо для него аристократия означала власть, а власть означала ответственность и служение. «Высший класс, — пишет он, — без обязанностей подобен дереву, посаженному на обрыве; от корней которого рассыпалась вся земля. Природа не признает ни одного человека, который не был бы к тому же мучеником. В чем смысл благородства, если оно благородно? В доблестном страдании за других, а не в ленивом заставлении других страдать за себя, всегда заключалось благородство».

У Карлейля можно часами читать отрывки, описывающие условия его времени, которые в равной степени применимы и к нашим. Невольно задаёшься вопросом, не случилось ли чего-нибудь с парламентом за последние сто лет, когда читаешь:

«Парламенту придётся, приложив все усилия, вырваться из колеи безделья и рутины и научиться говорить, со всех сторон, нечто более поучительное, чем принцип невмешательства. Если парламент не сможет этому научиться, что же станет с парламентом? Миллионы трудящихся Англии просят своих *****электронных конвертеров DEMO Watermarks*****»

Английский парламент превыше всего. Можешь ли ты управлять нами или нет? Парламент с его привилегиями силён, но Необходимость и Законы Природы сильнее его. Если Парламент не может этого сделать, мы предсказываем, что Парламент предпримет что-то другое, и что-то такое, что самым странным и не самым удачным образом поспособствует его осуществлению – вряд ли в пользу Парламента! Так или иначе, дело должно быть сделано.

Как сказал Адольф Гитлер: «Etwas muss geschehen». Или, как заметил Освальд Мосли: «Результат обеих систем двух великих партий, управляющих государством, в конечном счёте одинаков: стабильность, смешанная с реакцией и сопротивлением переменам, а также прогресс, смешанный с obstructионистскими дебатами и безответственностью комитетов, одинаково приводят к хаосу. И то, и другое — инструменты, препятствующие осуществлению чего-либо, а первейшее требование современной эпохи — это необходимость осуществления чего-либо». Этот отрывок из «Великой Британии» демонстрирует согласие с Карлейлем, выходящее за рамки убеждения и переходящее к методу выражения.

Любой отрывок из произведений нашего автора можно выбрать наугад, чтобы проиллюстрировать его ненависть к грязным Материализм Манчестерской школы:

«В эти сложные времена, — пишет он, — когда наличные деньги являются единственным связующим звеном между людьми, трудящиеся классы человечества в своей сбивчивой, но весьма настойчивой манере заявляют нетрудящимся, что ими будут управлять; что они должны, под страхом хартизма, бандитизма, сжигания риков и даже более чёрных дел, чем эти... Наличные деньги — единственное связующее звено; и есть так много вещей, которые нельзя купить за деньги! Наличные — великое чудо, но они не обладают всей властью ни на Небесах, ни даже на Земле».

Учитывая всё, что написал Карлейль, и всё, что было написано о нём, было бы тщеславно и самонадеянно пытаться в столь короткой статье дать полный анализ его творчества. Было бы даже опрометчиво выбирать отрывки из его произведений и рассматривать их как исповедание лишь политической веры. Именно по этой причине мы прибегли к другому, более прямолинейному методу, выбрав наугад из его обширного труда отрывки, которые не предназначены для ограничения рамками одной лишь политической доктрины, но по духу и смыслу являются выражением национал-социалистической мысли, которой мог бы гордиться любой фашист.

Если предположить, что отбор был искажен предвзятостью, единственный ответ заключается в том, что ни один ответственный человек никогда не обвинял Карлейля в непоследовательности. Философия, которую мы находим на одной странице, встречается на другой, и так до конца тома. Вместо того чтобы предполагать, что наше первоначальное утверждение доказано к удовлетворению читателя, мы бы предпочли, чтобы он сам искал доказательства в дальнейшем изучении Томаса Карлейля, чья твёрдость и чистота мысли должны служить примером для тех, кто придерживается стального кредо железного века, которое, по словам Мосли, «прорывается сквозь многословие иллюзий к достижению новой реальности».

«Уильям Моррис — национал-социалист» Артура Рида

Т Отношение английских социалистов к Уильяму Моррису давно вызывало удивление и разочарование у его поклонников. Этот человек, один из величайших деятелей XIX века, в расцвете сил отказался от многих своих прежних интересов, чтобы с головой окунуться в социалистическое движение. Ни один англичанин такого калибра не вступал в его ряды.

И всё же, в каком-то смысле, он всегда оставался чужаком в движении, и таковым его считают его собратья-социалисты. Его величие порой признавалось ими с тревогой, его труды и достижения хвалились лишь на словах, но они никогда не отдавали ему своего сердца, никогда не считали его своим, своим вдохновенным вождём. Эта позиция была зарезервирована для немецкого еврея Карла Маркса.

Этот факт проливает свет на неловкость, которую Моррис испытывал, находясь среди социалистов. Он, действительно, был с ними солидарен в желании покончить с нищетой и сопутствующими ей пороками и в вере в то, что социализм в той или иной форме предлагает выход. Но его взгляды на жизнь и видение социализма во многих существенных отношениях отличались от взглядов «товарищей», и он нутром чувствовал, что общество, которое им предлагалось, станет для него тюрьмой. Он добросовестно боролся с Марксом и сознательно старался его усвоить. У него даже бывали моменты энтузиазма по поводу «Капитала». Но в конечном итоге что-то в нём, более сильное, чем его поверхностный «я», восставало. Он хотел революции – да, но это марксистское общество не соответствовало его видению. Оно было для него слишком механистичным, слишком абстрактным, слишком городским, слишком космополитичным, слишком неанглийским.

Между взглядами на жизнь Маркса и Морриса действительно пролегла огромная пропасть. Маркс был космополитичным евреем, Моррис – англичанином с юга. Маркс был человеком учёбы, Моррис – человеком открытого воздуха и мастерской. Маркс обожал город, Моррис всегда мечтал о сельской местности, очищенной от «фыркающего пара и поршневого шума», и о Лондоне «маленьком, белом и чистом». Маркс был энтузиастом машин, Моррис же стремился возродить индивидуальное мастерство, которое сделало Англию прекрасной. Маркс был материалистом, мечтавшим о механизированной общественной организации, Моррис был поэтом и, как таковой, немного анархистом. Маркс проповедовал классовую ненависть и гражданскую войну. Сердце Морриса кричало о братстве. «Общение — это рай, а отсутствие общения — ад; общение — жизнь, а отсутствие общения — смерти! И что вы делаете на земле, ради общения вы делаете».

Итак, Моррис, как бы он ни старался, никогда в душе не был марксистом. Космополитизм, будь то международный социализм или международные финансы, был ему отвратителен. Он родился не только как мечтатель, но и как социалист. Как социалист, он был предвестником чего-то, что ещё только зарождалось. Его духовное родство было с движением, которое возникло и окрепло лишь после его смерти. Его истинное место не среди марксистов, а среди национал-социалистов.

Ведь Моррис был человеком сильных страстей, и ни одна из них на протяжении всей его жизни не была сильнее и постояннее его страсти к Англии. С какой любовью и пониманием он описывает её внешний облик.

«Эта земля — маленькая, слишком запертая в узких морях, как кажется, чтобы иметь достаточно места для разрастания до огромных размеров; здесь нет больших пустынь, подавляющих своей мрачностью, нет

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

«Великолепные уединенные леса, никаких ужасных нехоженых горных стен: все размеренно, смешано, разнообразно, легко перетекая одно в другое; маленькие реки, маленькие равнины, быстро переходящие в возвышенности, все окружено красивыми стройными деревьями; маленькие холмы, маленькие горы, окутанные стенами овечьих пастбищ: не тюрьма и не дворец, а приличный дом».

Та же нежная оценка наполняет прекрасные описания английских пейзажей в ежемесячных вступлениях к рассказам «Земного рая» и является постоянным сопровождением той мечты об обновленной и пробужденной Англии, которая является темой «Вестей ниоткуда» и придает такой цвет и сияние «Сну Джона Болла». Социализм Морриса, действительно, был во многом вдохновлен стремлением спасти или возродить старые английские ценности, величие ее архитектуры, красоту ее ландшафта, индивидуальное мастерство, которое делало мастерами даже самых скромных ее людей, характер ее людей «простоватый и недалекий, но серьезный, правдивый и с простыми привычками». Однажды он рассказал бирмингемской публике, что в захолустном уголке Верхней Темзы он увидел полдюжины «крошечных деревенских церквей, каждая из которых – прекрасное произведение искусства. Это творения деревенских деревенщин с берегов Темзы, как вы бы нас назвали, – ничего более грандиозного. Если бы те же люди проектировали и строили их сейчас, они не смогли бы создать ничего лучше обычных простых неконформистских часовен, которые можно увидеть разбросанными по новым районам. Вот чему они соответствуют...» А о Вестминстере он писал: «Авторы этого великого эпоса не оставили после себя имён. Ибо это, по сути, дело рук не одного человека, а народа Юго-Восточной Англии. Это было творение неразделимой воли целого сообщества людей, которые работали и жили, потому что не могли поступить иначе...» Найти в современной жизни некий эквивалент этого достижения, этого духа прежней, более счастливой Англии – вот движущая сила социализма Морриса.

Его истинное место, таким образом, – в социализме, который перестал быть космополитическим и стал национальным. И, пропитанный Средневековьем, он, вероятно, испытывал особый интерес ко всем тем аспектам национал-социализма, которые напоминают средневековые ремесленные гильдии. То, что корпоративное государство должно основывать гражданство не только на территориальной основе, но и на активном членстве в крупной гильдии рабочих, казалось ему высшим здравым смыслом.

Он, конечно, сожалел бы, что средневековый ремесленник-одиночка был в значительной степени вытеснен инженером и техником. Но он чувствовал бы, что, признавая важность организованных рабочих как таковых, корпоративное государство вдохновлялось правильной идеей.

Слишком долго политика была оторвана от нужд и желаний простого человека и находилась в руках узкоспециализированных юристов, которых мошеннически опередили и оскорбили, от чьих монополий так жаждет избавиться разгневанное население в «Сне Джона Болла». В «Вестях ниоткуда» здание парламента — всего лишь любопытный реликт. Англией управляют англичане и для англичан, и она перестала быть пешкой в руках финансовых интересов, которые сегодня манипулируют её партийной политикой в Вестминстере.

Ещё одна черта национал-социализма, которая вызвала бы у Морриса всецелое одобрение, — это настойчивое требование основополагающей важности сельского хозяйства. Моррис, как и современные национал-социалисты, представлял себе счастливое общество не в виде больших городов, а как преимущественно аграрное. Земля для него — страсть. «Земля, её рост, её жизни! Если бы я мог сказать или показать, как я её люблю!»

Но не только как объект для стихов. Также как объект, который можно культивировать и возвращать сильную расу. Одним из самых прекрасных зрелищ в мире для Морриса были «зеленеющие поля, на которых начался рост», и в одном из писем он говорит об августе с его золотым урожаем.

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

Поля, как лучший месяц для осмотра английской сельской местности. В «Вестнике из ниоткуда» есть восхитительная зарисовка сенокосцев, работающих в долине Темзы, все они были нарядно одеты, так что луг казался гигантской клумбой тюльпанов. «Все работали неторопливо, но хорошо и размеренно, хотя и шумели от веселых разговоров, словно роща осенних скворцов». Сельская местность давно перестала быть предметом презрения, забвения и уныния. В другом месте он пишет: «Я хочу, чтобы город был пропитан красотой сельской местности, а деревня – интеллектом и яркой жизнью города».

Моррис, конечно, с энтузиазмом поддержал бы всю доктрину, именуемую экономической автаркией. Он понимал романтику и пользу торговли, а также картины, где под старым Лондонским мостом плещутся зелёные волны.

«Несколько килей с левантийскими клепками,
вырезанными из тисового дерева на сгоревшем
холме, и остроконечные кувшины, которые
трудились, наполняя руки греков, и скудные
сокровища из далекого моря, флорентийская
золотая ткань и ипрский гобелен, и ткани из Брюгге, и бочки из Гиени».

Некоторые прекрасные и редкие вещи необходимо приобретать посредством торговли. Но к современной экономической доктрине, предполагающей жизнь за счёт экспорта, жертвование всем ради «благоприятного торгового баланса», он питал лишь презрение. Основа и секрет счастливой жизни для него заключались в производстве товаров из собственной земли. Классическое выражение этого чувства можно найти в описании жизни жителей Бергдейла в благородном романе «Корни гор». В «Вестях ниоткуда» Англия освободилась от зависимости от огромной внешней торговли и обрела счастье и достаток, опираясь на собственные ресурсы.

Ещё одна связь между национал-социализмом и Моррисом прослеживается в философии первого «Сила через радость» (Kraft durch Freude). Это тесно перекликается с учением Морриса о радости труда. Значительная часть обычной социалистической пропаганды стремится представить труд как проклятие. Это очень далеко от Морриса. «Я пытался представить, что бы со мной случилось, — пишет он, — если бы мне запретили заниматься обычной повседневной работой; и я знал, что умру от отчаяния и усталости». Но он считал, что «никакая работа, которую нельзя выполнять с удовольствием, не стоит того», и своим социализмом стремился к тому, чтобы все его коллеги по работе также имели возможность выбирать работу по душе и любить её так же, как любил он. О деревенских жителях Темзы, о которых уже упоминалось, он писал: «Было время, когда каждый, кто что-либо делал, создавал не только полезные вещи, но и произведения искусства, и им доставляло удовольствие это делать. В чём бы я ни сомневался, в этом я не сомневаюсь». А обращаясь к сегодняшнему дню, он говорит: «В должным образом устроенном обществе каждому человеку, готовому работать, должно быть обеспечено: Во-первых, почетная и достойная работа; Во-вторых, здоровый и красивый дом; В-третьих, полный досуг для отдыха ума и тела». Как же далеки мы от этого сегодня! Выглядывая из окна на Хаммерсмит, он слышит «крики, вопли и все унижения, наложенные на славный язык Шекспира и Мильтона» и видит, как «проплывают мимо жестокие, безрассудные фигуры и лица». «Я знаю по собственным чувствам и желаниям, чего хотят эти люди, что спасло бы их от этой низшей пучины дикости: работа, которая способствовала бы их самоуважению и завоевывала бы похвалу и сочувствие окружающих, и жилище, куда они могли бы приходиться с удовольствием, обстановка, которая успокаивала бы и возвышала их; разумный труд, разумный отдых». Он не верит в чрезмерную специализацию — человек должен уметь приложить руку ко многим разным вещам. И удовольствие можно получить как от напряжения и усилий, так и от более тонкой и утонченной работы. «Вести из ниоткуда» содержат энергичный

описание группы мужчин, энергично занимающихся ремонтом дорог, и их удовольствия от этого дела, а также слова сожаления о том, что черновая работа становится все более редкой в наши утопические времена.

Ещё одной точкой соприкосновения Морриса с национал-социализмом является его страстное желание, чтобы народ докопался до своих корней. От начала до конца он был великим североевропейцем. Он мог спорить с настойчивостью Гитлера в вопросе расы, считая её чрезмерной, но он ненавидел космополитизм, порождавший эту настойчивость, и был глубоко нордическим в душе. Любя все элементы, составляющие основу английского характера и истории, он питал особую симпатию к северным. Таким образом, хотя как рассказчик он в полной мере отдавал должное классическим и кельтским корням, из которых мы также черпаем свою кровь и силу, пересказывая их саги с нежным энтузиазмом, именно вокруг северных саг он и питал наибольший энтузиазм, особенно вокруг исландской саги, о которой он так ярко и трогательно написал в «Стихах по дороге». Известные авторы нашли «заклинание, рассеивающее туман страха», и к ним Моррис обращался в тяготах своей жизни, оглядываясь назад и думая: «Вы помогли мне в моей нужде». То, что люди не знали этих историй, причиняло ему физическую боль, и, пересказывая их в своём «Сигурде Вёльсунге», он без остатка отдавал всю свою силу. Дважды он посещал Исландию и стал считать её своего рода Святой землёй нашего народа.

Наша ослабленная Англия сегодня могла бы с пользой для себя вдохнуть этот вдохновляющий, тонизирующий воздух.

Даже при таком беглом взгляде становится очевидно, что Моррис весьма близок к национал-социализму. Нетрудно представить себе его вероятные критические высказывания.

Он был великим поэтом, а в поэте всегда есть что-то анархистское. Наименее привлекательным для него в национал-социализме было бы то огромное значение, которое он обычно придаёт государству. В этом национал-социалисты, возможно, правы; по крайней мере, несомненно, что в период серьёзного кризиса и перехода, когда создаются и испытываются новые формы, сильное единство руководства необходимо для выживания. Но всегда существует опасность, что высокоцентрализованная организация, являясь необходимым средством общественного оздоровления в периоды стресса, может задержаться и стать самоцелью в дни, когда потребуется большая свобода. Национал-социализм способен справиться с этой опасностью, если и когда она возникнет. Между тем, не помешает напомнить такому ярому предшественнику, как Уильям Моррис, что при прочих равных условиях национал-социализм, как только созданные им новые формы прочно устоят и консолидируются, должен стремиться к меньшему, а не к большему вмешательству государства.

Еврейский миф от «Скептика»

А На ежегодном собрании Британской ассоциации в Ноттингеме в сентябре 1936 года г-н. Герберт Уэллс высказал историческую правду о роли евреев в религиозной мысли, которую, по его словам, сильно преувеличили. Когда мистер Уэллс произнес свою речь, евреи из всех слоёв общества выступили с ответом и убедили многих нееврейских общественных деятелей отвергнуть взгляды мистера Уэллса. Главный аргумент иудеев в их ответах, как и с самого начала, заключался в том, что еврейские пророки учили человечество монотеизму.

Основная проблема состоит в том, можно ли подтвердить это утверждение относительно еврейского происхождения, опираясь на клинописные документы и труды классических авторов, которые относятся к периоду зарождения еврейского народа и существования еврейского царства в Палестине.

Удивительно, что все упомянутые выше источники доказывают полную противоположность этим утверждениям.

Египетские документы Средней империи (1750–1350 гг. до н. э.) при двух Аменхотепах, несомненно, свидетельствуют о том, что около 1400 г. до н. э. Эхнатон и его двор совершили религиозную революцию, введя монотеизм в качестве государственной религии. Эти факты подробно описаны в Кембриджской книге «Древняя история».

Свидетельство латинского историка Юстина о происхождении евреев из Дамаска теперь более чем подтверждено письмами из Телль-Амарны. Эта переписка показывает, что на протяжении многих веков Ханаан был всего лишь пограничной провинцией Египта, владение которой часто оспаривалось хеттами. Язык переписки был вавилонским.

Письма из Телль-Амарны дополнительно проливают свет на хеттские архивы Богаз-Кея. В обоих текстах упоминается класс людей, называемых хабиру, класс рабов. Ученые еврейского происхождения во всех странах отрицают какую-либо связь хабиру с евреями. В письмах из Телль-Амарны есть интересные детали. Шесть писем, адресованных фараону Египта, принадлежат некоему Абди-Хибе, правителю Урусалима (Иерусалима). Я полагаю, что Абди-Хиба – это египетская транскрипция самого имени Авраам, в любом случае уроженца Сирии, тогда как Ветхий Завет называет Авраама выходцем из Ура Халдейского. Абди-Хиба испытывает сильное давление со стороны хабиру (около 1400 г. до н. э.). В каждом письме он просит у Египта военной помощи. «Королю, господину моему, солнцу. Абди-хиба, твой слуга, к ногам царя, господина моего, семь и семь раз я падаю ниц. Это клевета, то, что они возводят на меня. Смотрите, я не принц... Смотрите, ни отец мой, ни мать моя не утвердили меня на этом месте; рука могущественного царя позволила мне войти в дом моего отца».

В другом письме с просьбой о помощи он пишет фараону: «Хабиру захватывают крепости царя... все погибли. Пусть царь, мой господин, пошлёт помощь своей стране».

Ветхий Завет не знает ни одного из этих или последующих фактов, ничего о великой мировой войне между Рамсесом II (1292-1225 до н. э.) и хеттами Кадеша, где все организованные государства того времени присоединились к той или иной воюющей стороне.

Ни в одном источнике, кроме устного предания, нет ни слова о царе Давиде или Соломоне.

Ветхого Завета, записанного много веков спустя, вероятно, во время пленения в Вавилоне, то есть после 585 г. до н. э. Тот факт, что о них нет упоминаний ни в одном источнике, не обязательно исключает возможность их существования и приблизительную правдивость истории; тем более, что страна, наиболее заинтересованная в Сирии и Палестине, Ассирия, тогда находилась в упадке, то есть около 1000 г. до н. э.

Следующие клинописные свидетельства поднимают вопросы о происхождении имени Яхур-Иегова. Ветхозаветная традиция еврейского происхождения этого имени хорошо известна. Однако арамейские надписи, найденные в Зинджирли (средняя долина Евфрата), ясно показывают, что во время вторжения Тиглатпаласара III (740 г. до н. э.) в землю Самала существовало небольшое независимое царство Йеди, которое действительно является Йеуди. Эта династия Йеди, по-видимому, была основана в VIII в. до н. э. КрЛ; его преемником стал Парра I, оставивший надпись своему богу Хададу. Таким образом, царь Йеуди Азриан, которого до открытия этой арамейской надписи отождествляли с Азарией Иудейским (4 Царств, XV), оказывается, принадлежит к средней Йефрейской династии. Это открытие также вызвало большие помехи в истории Ветхого Завета.

На протяжении всего периода военного могущества Ассирии, от Ашшурнацирапала II (884–860 гг. до н. э.) и до конца её существования (612 г. до н. э.), ассирийцы упоминают одного царя Самарии и одного царя Иудеи. Странно, что Израиль и Ханаан не упоминаются. Это были небольшие княжества, всегда платившие дань Ассирии, а также более близкому Дамасскому царству. За 35 лет своего правления Шабунассар III (859–824 гг. до н. э.) четырнадцать раз вторгнулся в Сирию и Палестину. Он упоминает как минимум пять вторжений, во время которых он уводил палестинцев в Ассирию. Тиглатпаласар IV (745–728 до н. э.), Саргон II (722–705 до н. э.), Санхериб (705–682 до н. э.), Азархадон и другие по очереди вторгались в Сирию и Палестину, опустошая их, каждый по нескольку раз, и уводили людей в Ассирию и Вавилонию. Подобно Аменхотепу IV Египетскому, Зороастр пел гимны Солнцу и Ахурамазде, являя собой чистейшую форму монотеизма с начала VIII века до н. э.

Единый бог Ахурамазда, источник добра и чистоты, сохранился даже после мученической смерти самого Заратустры, а возможно, и благодаря ей. Доказательством служит то, что Ахемениды (с 548 г. до н. э.) приняли Ахурамазду своим единым богом. Теперь можно доказать, что Заратустра жил в первой половине VIII века до н. э. Народы Сирии и Палестины, рассеянные по всей Ассирийской империи в результате переселений, не могли быть полностью незнакомы с монотеистическим учением Заратустры.

В Ветхом Завете говорится, что Набу-кudur-уцури (Набукеднeзер), царь Вавилона, увёл еврейский народ в плен (около 555 г. до н. э.). В вавилонских текстах об этом нет никаких упоминаний. Но если предположить, что это правда (а это, скорее всего, так и есть), то еврейские пленники в Вавилоне, особенно после разрушения Иерусалимского храма, естественно, склонялись к более глубоким размышлениям. Зороастризм, должно быть, был там довольно распространён.

Есть доказательства того, что Западная Азия была глубоко взволнована полным падением Ассирии (612–606 гг. до н. э.) и возвышением арийских рас, в той или иной степени поклонявшихся Зороастру. Идея единобожия, должно быть, проникла даже в среду такого консервативного народа, как вавилоняне. Набонид (553–538 гг. до н. э.), последний царь Вавилона, осознавая нарастающую угрозу, пытался предотвратить её.

Под тем или иным предлогом он собрал в столице всех идолов из разных вавилонских городов, а также изображения местных богов. Это вызвало огромное недовольство местных жрецов и многочисленных их приспешников. Вероятно, это одна из причин, по которой вавилонская армия не оказала сопротивления, когда Кир тихо вошёл в город (538 г. до н. э.) и положил конец Вавилонской империи.

Ветхозаветное предание гласит, что Кир освободил еврейских пленников. Я думаю, что беззаботный перс совершенно не беспокоился о жителях города, лишь бы получал дань. Я считаю, что еврейский монотеизм был принесен в Палестину вавилонскими пленниками. Критический анализ первой главы книги Ездры и других глав Паралипоменон допускает такую интерпретацию. Расовое самосознание среди евреев, если оно вообще имело место до великого рассеяния в 71 году н. э., возросло в результате вавилонского плена. Опыт показал, что слишком много богов не спасло человечество. Поклонение одному всемогущему богу давало большую вероятность искупления.

Учёных крайне озадачивает тот факт, что на протяжении всего эллинистического периода общепринятым средством общения среди евреев был греческий язык. Конечно же, существовали Синедрион и священство. Основным языком среди семитских коренных народов, по-видимому, был арамейский диалект. Невозможно установить, говорили ли еврейские священники между собой на иврите.

Без сомнения, Цицерон – самый умный и справедливый государственный деятель Римской республики. В мире тотальной коррупции и вседозволенности он одинок с Катонем, которому не было предъявлено ни одного обвинения во взяточничестве или должностном проступке. Его труды свидетельствуют о широте его интеллектуальных возможностей и рассуждений. Среди сотен консулов и преторов он – единственный, вернувшийся из Киликии с безупречной репутацией. Цицерон – возвышенный политический мыслитель, справедливый и честный. Он очень объективен в отношении иностранных государств. Он писал о легкомыслии греков, о рабстве лидийцев, но никогда не называл никого из них врагами Борнео. Только евреев он снова и снова называет «нашими врагами». Sequitur auri ilia invidia Iudaici.

Следующее – это обвинение в отношении еврейского золота... Cum aurum Iudaeorum nomine quotannis ex Italia et ex omnibus nostris provinciis Hierosolymam Exportari Soleret. — Что касается золота, вывозимого в Иерусалим евреями из Италии и из всех наших провинций. . . . Huic autem barbarae superstitioni restare severibatis, multitudinem Iudaeorum flagrantem non numquam in contionibus prae re publica contemnere gravitatis summae fuit. — Но сопротивляться этому варварскому суеверию было актом достоинства, а осуждать множество евреев — актом величайшей мудрости, хотя зачастую они были наиболее неуправляемы на собраниях, проводимых в защиту интересов Республики. . . . Non enim Credo Religionem et Iudaeorum et Hostium Impedimenta. — Религиозное вероучение евреев, наших врагов, не было препятствием. . . и т. д. и т. д.

Эта речь Цицерона, пожалуй, одно из самых прекрасных и патриотических произведений на латыни; однако, по понятным причинам, последние пятьдесят лет её школьного издания для государственных школ и университетов нашей страны не существовало. По той же причине не было и «Историй» Тацита. Тацит (Annalium. II. 85) упоминает, что при императоре Тиберии сенат издал указ, запрещающий египетское и иудейское богослужение и высылающий 4000 еврейских вольноотпущенников из Рима на Сардинию, а остальным предписывающий немедленно покинуть Рим.

Тацит в одном отрывке фактически утверждает, что в период наибольшего расцвета еврейского царства (век до н. э. и до разрушения Иерусалима Титом в 70 г. н. э.) евреи поклонялись ослиной голове в своем храме. (Тацит: Historiarum V. 2-5).

Гораций и Ювенал много говорят о них. Константин, прозванный Великим, совершил ужасный поступок, допустив канонизацию Ветхого Завета на Первом Никейском соборе в 325 году н. э. Примерно за одно-два поколения евреи стали очень популярны в христианском мире как сыны пророков. Но не прошло и столетия (то есть с начала V века), как их массам было приказано покинуть Константинополь и Александрию.

Не может быть никаких сомнений в том, что, желая отомстить «христианскому миру», евреи

сыграл значительную роль в организации исламского движения. Однако весьма любопытно, что, несмотря на заслуги евреев, первые халифы навязали им ужасный фанатизм.

Будучи «народами Писания», арабы никогда не принуждали христиан принимать ислам, за исключением формального приглашения. Однако до халифов династии Аббасидов (850 г. н. э.) ислам не признавал евреев монотеистами.

Целые общины евреев в Леванте были принудительно обращены в ислам, а мужчины были отправлены в первые ряды армий ислама.

Мусульманский мир и Палестина А.

Юсуфа Али

ПВОЙНА В ОСТ. Британская политика в Палестине стала незаживающей раной в отношениях между Великобританией и мусульманским миром. Недопонимание, которое она породила, было достаточно сильным в 1920-х годах, а в 1930-х годах накал, вызванный ею, был настолько сильным, что существовала опасность взрыва. А в этом благодатном 1938 году ситуация в мире ухудшилась так быстро, что никто не может позволить себе игнорировать Палестину как важный фактор будущего мира во всем мире. Британские власти смутно осознали свое безвыходное положение и в течение двух лет направили две комиссии для помощи в решении проблемы. Чего они не осознали, так это силы мусульманских чувств и неопровержимых оснований, на которых эти чувства основаны.

Неверно, что только арабские страны интересуются этим вопросом. Каждую неделю газеты из Индии приносят новости о митингах в различных центрах страны, на которых выражается сочувствие арабам и звучат призывы к Великобритании изменить свою политику в Палестине.

Этот вопрос интересует не только мусульман, но и индуистов. Неоднократно отмечался День Палестины, в который произносились резкие речи. Хиджрат (добровольное изгнание) и отказ от сотрудничества с правительством предлагались в качестве средств давления на власти. Мусульмане Явы, находящиеся под голландским владычеством, проявили такой же острый интерес и доставили немало неудобств своему правительству. Во французских мусульманских колониях палестинские чувства существенно усугубляют и без того сложные проблемы, с которыми приходится сталкиваться французской колониальной политике. И вполне естественно, что в самих арабских странах чувство сочувствия к арабским братьям и возмущение репрессиями и несправедливостью, творимыми в Палестине, находят широкое выражение.

Принц Йеменский Сайфул Ислам во время коронационной делегации в 1937 году публично выразил свои глубокие чувства и чувства своего народа на встречах в Лондоне. Выступая на приеме, на котором присутствовали представители дипломатического корпуса, он заявил: «Все мусульмане мира сочувствуют арабам Палестины и не успокоятся, пока палестинский вопрос не будет решен без ущерба для гражданских прав арабов». И с тех пор Йемен не молчал, а предпринимал различные попытки предложить решение.

Ирак проявил ещё большую настойчивость. Нынешний премьер-министр Ирака сделал заявления, которые в некоторых кругах подверглись критике как «вопиющие неосторожности». Если это и были неосторожности, то, по крайней мере, они были продиктованы искренней тревогой о том, чтобы британское общественное мнение не было введено в заблуждение и не допустило новых ошибок в Палестине. Считается, что его недавний визит (осенью 1938 года) в Лондон был главным образом направлен на то, чтобы предложить разумное решение палестинского вопроса, и был ответом на весьма сильные настроения по этому вопросу, существующие среди его собственного народа в Багдаде. Трансиордания, как сосед и в некоторых отношениях часть того же географического региона, конечно же, глубоко заинтересована. Король Саудовской Аравии Абдель Азиз ибн Сауд до сих пор хранил дипломатическое молчание, но его подданные, пылкие икваны, пожалуй, относятся к числу наиболее влиятельных арабских групп, наблюдающих за событиями в Палестине с более чем платоническим интересом.

Сирия переживает родовые муки своей новой свободы как суверенного арабского государства, и арабский взгляд на Палестину нигде не стоит так остро, как в Дамаске. Исторически и географически Палестина является частью Сирии, и палестинское восстание пользуется самым искренним сочувствием и поддержкой в молодой Сирийской республике. Верховный муфтий Иерусалима является беженцем в одном из штатов Сирии — Дамаск был и остаётся одним из важнейших центров поддержки дела палестинских арабов. В Блудане (недалеко от Дамаска) состоялось не один международный мусульманский конгресс. Последний из таких конгрессов состоялся в Каире в октябре 1938 года. В нём приняли участие мусульмане, депутаты законодательных собраний из разных стран. Конгресс взял на себя обязательство защищать Палестину, создавать в стране национальное правительство и отказываться от неосуществимой идеи создания еврейского национального очага в Палестине. Сразу после парламентского конгресса в Каире под председательством г-жи Шарави прошла международная встреча женщин, поддерживающих арабское дело Палестины. Египтяне, как народ, так и религиозные и парламентские лидеры, всецело поддерживают это дело. А Египет – интеллектуальный центр арабоязычного мира.

Таким образом, мы имеем практически единодушное мнение мусульманского мира, противостоящего еврейским амбициям в Палестине. Христиане арабских стран также полностью солидарны со своими братьями-мусульманами в этом вопросе. Не будет преувеличением сказать, что весь Ближний Восток горячо обсуждает этот вопрос, и весь мусульманский мир сочувствует и поддерживает его.

Эти государства постепенно набирают силу и значение. Их стремление – сформировать компактный блок, и для достижения этой цели был заключен ряд договоров. Иран и Турция присоединились к некоторым из этих договоров. Стоит ли отчуждать столь важные слои населения Западной Азии и Северной Африки ради выполнения Декларации Бальфура, которая сама по себе противоречила обещаниям, данным арабам? Более того, если еврейские требования будут выполнены, это нарушит существенную часть самой Декларации Бальфура, поскольку письмо г-на Бальфура лорду Ротшильду, опубликованное 2 ноября 1917 года, содержало следующие слова, выделенные курсивом:

«Мы благосклонно относимся к созданию в Палестине национального очага для еврейского народа и приложим все усилия для содействия достижению этой цели, при этом четко осознавая, что не должно быть сделано ничего, что могло бы «нанести ущерб гражданским и религиозным правам существующих нееврейских общин в Палестине».

Декларация была двусмысленной и противоречила принципам добросовестности Великобритании по отношению к арабам. На практике она оказалась невыполнимой и нанесла большой ущерб престижу Великобритании в мусульманском мире. В настоящее время это гнойная рана мировой политики, которая, вероятно, станет причиной множества волнений и потрясений в будущем. Враги Англии находят здесь многообещающее поле для своей пропаганды и вряд ли упустят свои возможности в период кризиса или опасности. Несомненно, разумное и хорошо информированное мнение решительно выступит против такой нелепой политики.

До сих пор мы рассматривали только политические вопросы. Давайте рассмотрим этот вопрос с точки зрения справедливости. Иерусалим и Святая Земля священны не только для иудеев; они ещё более священны для христиан и мусульман. Ключевое событие в основании христианства произошло именно на этой земле. Урасджид аль-Акса прямо упоминается как святое место в Коране (XVII:1, 5 и 7). В течение 1868 лет, с момента разрушения Храма Титом в 70 году н. э., евреи были изгнаны из страны. В течение 2500 лет (со вавилонского пленения)

Евреи не обладали верховной властью в стране. На протяжении примерно шести веков (со времён Иисуса Навина, 1254 г. до н. э., до взятия Иерусалима Навуходоносором, 587 г. до н. э.) они пытались управлять смешанным государством.

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

населения, но были раздроблены между собой. Их реальная власть продлилась всего два поколения, а именно: в правление Давида и Соломона (1055–977 гг. до н. э.). Они никогда не составляли большинства населения, состоявшего из филистимлян (в честь которых и названа Палестина) и различных арабских племён, таких как идумеи, амаликитяне, моавитяне и т. д. Евреи присутствовали в этой стране лишь урывками и в меньшинстве.

Справедливо ли в этих обстоятельствах говорить о Палестине как о земле евреев? Правильнее было бы считать её частью Джазират-ут-Араб, Арабского острова, почти окружённого Средиземным, Красным и Аравийским морями, Персидским заливом и долиной Евфрата и Тигра.

В экономическом отношении Аравия, если она когда-либо обретёт самостоятельность, сможет прокормить себя только за счёт плодородных прибрежных земель, окружающих её песчаные пустыни. С юридической точки зрения, мандат, выданный Британией на Палестину, не делает её британской территорией и не даёт ей права распоряжаться землёй по своему усмотрению. Она является доверенным лицом «независимого государства», и её функция заключается в «оказании административных консультаций и помощи», а не в передаче части своей территории иностранцам или сохранении её за собой. В Уставе Лиги Наций (статья 22) в отношении Палестины и Сирии говорится: «Некоторые общины, ранее входившие в состав Турецкой империи, достигли такой стадии развития, когда их существование в качестве независимых государств может быть временно признано при условии предоставления административных консультаций и помощи со стороны мандатария до тех пор, пока они не смогут существовать самостоятельно. Желания этих общин должны быть главным фактором при выборе мандатария».

Большинство коренного населения Палестины, то есть почти все, за исключением недавно прибывших иммигрантов, единодушно желает, чтобы они были объявлены суверенным независимым государством. Они принесли огромные жертвы и щедро пролили свою кровь, борясь за эту цель. Поэтому единственный достойный путь, который остаётся у Великобритании, заключается в следующем:

Отказаться от мандата;

Передать территорию народу как суверенному государству с конституцией, разработанной сами люди;

Запретить любую будущую еврейскую иммиграцию;

Заключить договор с новым государством о разумной защите еврейского меньшинства, которое выбирает оставаться лояльными членами государства и подчиняться его законам, с такими гарантиями местной автономии, которые могут быть согласованы, на основании принципа, что *factum vale quod fieri non debuit*;

Предоставить свободный выбор выхода тем, кто не желает быть включенным в состав государства.

Такое соглашение будет способствовать будущему миру и развитию и, наконец, восстановит справедливость по отношению к угнетённым арабам. Это станет одним из последних вопиющих актов несправедливости, совершённых Версальским договором, которые будут исправлены на основе принципов справедливости, доброй совести и разумного признания реального положения дел.

Фашизм и диалектика А.

Рейвена Томсона

Т Непрерывное развитие фашизма в Европе, казалось бы, указывает на существование нового исторического процесса, который нельзя отрицать, но который движется к своему неизбежному завершению.

Марксисты, считавшие, что унаследовали от пророка Карла идеальное объяснение исторического прогресса, теперь совершенно не в состоянии объяснить эту неожиданную неудачу, которая разрушает их стратегический план в тот самый момент, когда победа казалась достижимой для пролетариата. Можно, конечно, назвать фашизм «организованным выражением решимости капиталистов не останавливаться ни перед чем ради сохранения власти», как это делает мистер Джон Стрейчи; но это не объясняет ни деспотичного обращения фашистских лидеров с крупнейшими капиталистами, ни их полного подчинения финансовой свободы национальному благосостоянию.

Давайте рассмотрим марксистскую систему «Материалистическое толкование истории», чтобы увидеть, в чём её ошибка. Прежде всего, нам нужно вернуться к Гегелю, ибо, как заметил Ленин, «Маркс непонятен без Гегеля». Гегель, конечно же, не был материалистом; напротив, он был идеалистом. Он считал, что вселенная — это сплошной дух, или, вернее, сплошной «идея». Это не привлекало еврея Карла Маркса; но, объясняя явления, Гегель создал систему под названием «Диалектика», которая чрезвычайно привлекала тонкий ум Маркса.

Гегелевская концепция «Вселенной» была колоссальным усилием человеческого интеллекта, возможно, величайшим умственным достижением человечества. Он увидел потрясающее зрелище всеобъемлющей «идеи», вовлеченной в бесконечный процесс самопознания. В этом процессе все явления, включая существование самого человечества, были частями обширной и сложной «диалектики», или аргументации, посредством которой «идея» спорила сама с собой в поисках высшей истины, или, вернее, «самопознания». Он понимал этот процесс как многократное постулирование некоего «тезиса», или аспекта истины, подобно тому, как учёный постулирует теорию для объяснения химических или физических фактов. Затем, поскольку этот тезис фактически не охватывает всей истины, он выдвигает «антитезис», или противоположную концепцию, которая затем вступает в «диалектическую» борьбу с неполным предположением «тезиса». Подобно тому, как противники научной теории выстраивают аргументы против неё.

В конце концов из этой диалектики возникнет «синтез», включающий аспекты как тезиса, так и антитезиса для более глубокого понимания истины. Поскольку этот синтез затем формировал новый, но всё ещё неполный тезис, он провоцировал дальнейшую диалектическую борьбу, дальнейший синтез и так далее в постепенном стремлении к высшему знанию. Снова напрашивается параллель с прогрессом научных исследований. Совершенно естественно, что Гегель высоко ценил человека, и особенно организованное, цивилизованное государство, как наиболее совершенный инструмент диалектического совершенства идеи. Отсюда и возникло довольно ошибочное мнение, будто Гегель проповедовал поклонение государству. На самом деле Гегель был пантеистом; возможно, самым ярким монотеистом, когда-либо известным человечеству.

МАРКС И ДИАЛЕКТИКА

У Маркса было мало интеллектуальных способностей Гегеля, чья система изложена лишь в самых грубых чертах.

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

В вышеприведенной форме он, однако, сосредоточился на диалектическом процессе как на объяснении и оправдании классовой борьбы. Разделяя уважение Гегеля к человеку и организованному государству, Маркс особенно интересовался развитием общества в рамках диалектического процесса. Рассматривая общество как орудие производства, а не как Гегель – как орудие познания, он считал «рабочих» единственной частью общества, заслуживающей уважения, и осуждал несовершенство общества, которое давало власть и престиж паразитам и производителям.

Марксистское «материалистическое толкование истории» основано на диалектической борьбе между классами общества, конечной целью которой является создание бесклассового общества, в котором все будут «трудиться», то есть все будут участвовать в процессе производства. Хотя эта марксистская схема далека от возвышенной универсальной концепции гегелевской философии, она, тем не менее, не может не вызывать сочувствия у всех реалистов, отвергающих как идеализм, так и материализм как целостные философии бытия. Мы можем не разделять марксистского предубеждения в пользу материальных производителей и всё же отдавать почётное место искателям Истины, будь то через Искусство, Науку или Религию, но мы восстаём против господства над обществом какого-либо узкого класса, особенно если этот класс не вносит ни вклада в познание Истины, ни в производство Богатства.

РАЗВЕРТЫВАЮЩАЯСЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Каким бы ни был наш взгляд на конечную истину гегелевской философии, нельзя отрицать, что гегелевская «триада» – тезис, антитезис и синтез – действительно образует фундаментальный ритм бытия как в природе, так и в обществе. От соединения протона и электрона в атом до соединения мужа и жены в семью – всё это имеет одну и ту же фундаментальную триадическую основу. В обществе тот же закон действует в непрерывном динамическом процессе, который, как Маркс, несомненно, справедливо, должен был завершиться в совершенном бесклассовом обществе. Проследим этот процесс через развитие европейской цивилизации.

Современная Европа ведёт своё отдалённое происхождение от натиска варварских орд на Римскую империю. Какой более совершенный пример диалектического процесса можно привести? Тезис о римской цивилизации, искусственной, материалистической и декадентской, был оспорен его антитезисом – германским варварством, естественным, идеалистическим и мужественным. Результатом стал почти идеальный синтез, достигнутый после ожесточённых диалектических сражений завоевания, реконквисты, порабощения и вандализма, когда на руинах Рима возникла феодальная система, возглавляемая варварскими вождями, которые, тем не менее, всё ещё носили традиционные титулы императорского Рима: *dux* (герцог), *comes* (граф), *imperator* (император) и так далее, правя крепостными, но недавно освобождёнными от службы в римских виллах.

Эта феодальная система целиком основывалась на военной силе защиты мечом в обмен на военную службу сюзерену. Совершенно естественно, в диалектическом процессе (полностью игнорируемом Марксом), военная сила провоцировала её полную противоположность – духовную силу. Власть феодального барона столкнулась с вызовом со стороны власти священника, и Средние века были отмечены великой борьбой церкви и государства, кульминацией которой стало соперничество папы и императора, завершившееся триумфом папства в Каноссе, и поразительным синтезом военной и духовной силы в Крестовых походах.

Однако папское господство, сосредоточенное в Италии, стало невыносимым для провинциальной знати, которая в конечном итоге сломала власть Рима в ходе Реформации и основала независимые государства Европы, разрушив прежнее единство христианского мира. Другой синтез последовал, когда дворяне и духовенство объединились для служения абсолютной монархии. Неважно,

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

Это было достигнуто благодаря безжалостным методам Генриха VIII или изяществу Людовика XIV, который сделал кардинала своим главным государственным министром: как в протестантских, так и в католических странах синтез монархии положил конец диалектической борьбе светской и духовной власти.

Монархия, однако, была лишь щитом и оправданием привилегий рождения и духовенства, той аристократической привилегии, которую Карл Маркс ошибочно называет «феодальной». Именно теперь мы наконец вступаем в тот короткий период истории, который интересует только марксистов, – период, когда материалистические мотивы начинают преобладать над идеалистическими, и классовое господство начинает ощущаться. Неизбежно, простой народ возмущался и восставал против аристократических притязаний, и Великое восстание, Французская революция, «безумный год» 1848 года были лишь эпизодами в масштабной диалектической борьбе, завершившейся ниспровержением аристократии. Однако беспощадная логика синтеза лишь положила конец одной привилегии, положив начало другой, ещё худшей, чем прежде. Гордые своим кошельком бюргеры сменили земельную аристократию. Привилегия рождения уступила место привилегии богатства. Аристократия уступила место плутократии.

КАПИТАЛИЗМ

Так появился капитализм и новая диалектика классовой борьбы между привилегированными собственниками и обездоленным пролетариатом рабочих и крестьян, орудующих символическими серпом и молотом. Подобно феодалу-землевладельцу, промышленный капиталист опирался на чистую силу для сохранения своего положения, и, подобно феодалу-землевладельцу, он столкнулся с призывом к праву со стороны своих рабочих, которые противостояли своему негативному сопротивлению его позитивной власти. Профсоюзы объединили рабочих и развили их право на забастовку и отказ от работы как мощное оружие защиты.

Организация была неотъемлемой частью этой операции, и во всех странах Западного мира возникли обширные профсоюзные движения.

Промышленные капиталисты ответили созданием собственных обширных трестов и объединений, которые вскоре вышли далеко за пределы национальных границ, образовав международные федерации, связанные верховными капиталистическими сюзеренами международных финансов. Тем временем рабочие также расширяли свои профсоюзы, стремясь к всё более крупным организациям, стремясь к международным связям и в конечном итоге устремляясь к Москве и Сталину в поисках лидера в мировой революции. Так выросли соперничающие организации «Международные финансы» и «Международный социализм», готовые, как наивно надеялись марксисты, к последней битве за социальное тысячелетие. Странная параллель, пожалуй, с международной организацией феодальной Европы под руководством императора и папы, которая в те времена воображала, что станет религиозным тысячелетием.

Почему же это тысячелетие невыносимо затягивается? Производственные мощности значительно возросли благодаря научным открытиям и техническому прогрессу последних лет, и всё же уровень жизни народных масс остаётся низким, а социальные условия — плачевными.

Между тем, повышение эффективности производства лишь приводит к появлению огромной армии безработных. Как это объяснить? Почему социальная революция замирает?

ПРИВИЛЕГИЯ ВЛАСТИ

Объяснение в том, что организация, стремящаяся к власти, порождает собственную коррупцию. Развитие гигантских профсоюзных организаций наделяет их лидеров огромной властью.

Затем они теряют желание рисковать своими организациями в кульминационный момент классовой войны ради создания бесклассового государства, в котором такие организации потеряют своё главное оправдание. Торговля

Боссы профсоюзов, командующие миллионами людей, так же как и капиталисты-монополисты, распоряжающиеся миллионами денег, кровно заинтересованы в сохранении системы, которая наделяет их огромной личной властью.

Итак, мы имеем новый, коррумпированный синтез. Финансисты и профсоюзные функционеры заключают перемирие, а позже даже вступают в союз для защиты системы, столь выгодной обеим сторонам. Первое предательство произошло, когда лидер профсоюзов Бен Тернер встретился с международным еврейским финансистом Альфредом Мондом (впоследствии лордом Мелчеттом) и подписал печально известное соглашение Монда-Тернера, отвергающее забастовку. Второе, более серьезное предательство произошло совсем недавно, когда боссы профсоюзов и финансисты мирового капитализма объединились, чтобы «защитить демократию» и «сохранить свободу». Интернационализм, изначально рассматривавшийся как средство расширенной организации для классовой войны, становится самоцелью, ради которой рабочие должны быть готовы пожертвовать заработной платой, условиями труда и самой жизнью. Так появляются призывы к Абиссинии и Чехословакии, Китаю и Испании, в то время как в самих странах растут безработица и нищета.

Что всё это, как не старая знакомая борьба за сохранение привилегий — на этот раз привилегии власти? Таков жалкий итог марксистской классовой войны в западном мире. Привилегии происхождения уступили место привилегиям богатства: и то, и другое теперь подчиняется привилегии власти, которой обладают хозяева людей и денег.

БЕСКЛАССОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Однако диалектический процесс на этом не заканчивается. Нельзя кричать «Стойте!» истории так же, как и течению. Тезис о монопольных привилегиях неизбежно порождает свой антитезис, и этим антитезисом становится массовое народное движение всех классов, страдающих от финансовой и профсоюзной тирании. Наконец, появляется надежда на подлинное «бесклассовое» государство, ибо антитезой «власти боссов» является «бесклассовая» революция. Все классовые привилегии теперь ликвидированы. Лишь немногие обладают властью, дарованной им миллионами рабочих или миллионами акций, и сегодня используют эту власть для поддержания системы, которая её предоставляет. Против этих людей поднимается волна бесклассовой революции.

Неудивительно, что эта новая революционная сила приняла национальную форму. Только патриотизм всегда был чувством, объединяющим все классы общества в общих действиях. Именно к патриотизму все классы обращаются, чтобы освободиться от тирании, осуществляемой либо самими чужаками (в основном евреями), либо людьми, приверженными интернационализму.

Таким образом, фашизм играет свою роль в диалектическом развитии общества. Революционное движение XX века является такой же неотъемлемой частью исторического процесса, какой всегда были демократическое движение XVIII века или пролетарское движение XIX века. Более того, следующий синтез уже ощущается. Безответственное использование власти спровоцировало народное восстание. Можно было бы ожидать, что это восстание примет анархическую форму в негодующем отрицании личной власти. Однако, в ответ на неизбежный закон синтеза, народное восстание цепляется за власть как за единственное средство победить тиранию. Принцип фашизма заключается в ответственном использовании власти народным национальным лидером, наделенным народом полномочиями действовать от его имени. Безответственная власть, брошенная вызовом национальному восстанию, создает истинный синтез национальной власти, ответственной за использование своей власти на благо нации.

КОНЕЦ БОРЬБЫ?

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

Остаётся лишь обсудить, завершает ли бесклассовая революция фашизма социальный процесс и совершенствует ли бесклассовое государство. В значительной степени это должно остаться вопросом будущего. Можно надеяться, что диалектика теперь выйдет за рамки нации и достигнет совершенства мирового порядка или поднимется над политической сферой в культурную. В любом случае, логично ожидать, что бесклассовая революция имеет гораздо больше шансов создать бесклассовое государство, чем целенаправленная классовая революция, подобная коммунистической, которая привела к появлению государства в Советской России, по-прежнему яростно озабоченного классовым соперничеством и быстро создающего собственную бюрократическую тиранию сильно репрессированного коммунистического меньшинства.

Также существенно, что каждое фашистское государство было всецело озабочено созданием органической структуры общества и подчинением всех искусственных классовых различий национальной службе. Это, безусловно, указывает на то, что бесклассовая революция ведёт к созданию бесклассового государства и, таким образом, к прекращению борьбы за классовые привилегии, которую осуждал Маркс. Вполне возможно, что Национальная революция достигнет того, чего не смогла добиться Международная революция марксизма.

В любом случае, ни один фашист не ищет иудейского «тысячелетнего царства», в котором борьба прекратится и наступит застой. С нас довольно того, что нам приходится бороться со злом нашего времени и участвовать в историческом процессе, который ещё возродит эпоху, погрязшую в грязном материализме. Классовая борьба — признак материального эгоизма. Средневековая Европа знала иные цели и более высокие идеалы. Покончим с классовой борьбой, чтобы западный человек мог обратить свой взор к более благородным вещам. Мы приветствуем эту будущую борьбу, эти более великие конфликты, которые ещё предстоит пережить.

«Лишенные наследства земли» Фрэнсиса Макэвоя

ТВОТ так много из нас, кто, как и вы, крестьяне Британии, родился и вырос в открытой стране, и кто, до того как губительная тирания современного капитализма вынудила их искать пропитание в бесплодных городах, знал радость пробуждения каждое утро на чистом воздухе под пение птиц или шум ветра в деревьях, под сияние солнца, жгучий мороз или мягкий шум дождя по траве. Мы любили природу во всех ее настроениях и временах года, ибо мы были ее частью. Мы жили жизнью величайшей простоты, а потому и глубочайшего удовлетворения. Лучший из всех даров Бога человечеству — крепкое здоровье и душевный покой — были нашими, ибо мы не нарушали ни человеческого, ни божественного закона. Мы просили от жизни так мало — лишь работать за скромную плату и тем самым зарабатывать достаточно, чтобы жить на земле наших отцов.

Но для сельскохозяйственных угодий настали чёрные дни. Нас уничтожила система, которая загоняет британцев в офисы и на фабрики, а сельское хозяйство оставляет иностранцам. Британцы производили продукты для импортного продовольствия.

Неважно, насколько сильно такая система вредит людям – физически, интеллектуально, морально или подвергает их опасности голода во время войны, для некоторых это «выгодное занятие».

И так мы пришли в большие города, в экономическое рабство. Мы стали клерками, фабричными рабочими, продавцами в сетевых магазинах, лишились загара и влачили тревожную, бездушную жизнь наёмных рабов. Нам говорили, что мы должны быть благодарны, а если понадобится, то и бороться за блага, дарованные нам демократией. Демократией, воплощающей жадность, материализм, мелочность и коммерческую эксплуатацию всех человеческих потребностей и инстинктов. Оупление человечества, доселе невиданное в истории за пределами Советской России. Да здравствует «маленький человек», стандартизированный, как серийный автомобиль, стоя «бэббитов» из служебных квартир и пригородов, пропагандируемых, эксплуатируемых и издеваемых в «этой нашей Англии»!

Правда, не все ещё покинули землю, но как долго ещё смогут измученные остатки продолжать борьбу против экономического порядка, который по сути своей враждебен и ведёт гражданскую войну фабрик против ферм? Йомены, крестьяне Англии, наша земля – рабыня экспортного капитализма, который делает основной упор на города, индустриализацию и урбанизацию.

Что он может вам предложить, кроме временных паллиативов, чтобы заглушить вопли ваших уменьшающихся рядов и получить дань ваших обманутых голосов? Вам сказали, что для вас что-то сделают; заверение, вероятно, столь же ценное, как презренный лозунг «дома, достойные героев». Когда вы докажете его тщетность, тогда, во имя вашей британской мужественности и традиций, пусть это будет в последний раз. Британский Союз проводит политику, которая спасёт вас и Британию и позволит всем желающим, а таких будет легион, вернуться на землю своих отцов. Вы, несомненно, слышали и читали многое, что дискредитирует нас, но неужели вы никогда не задумывались о том, что для этого может быть причина – что мы можем бросать вызов интересам, которые не принадлежат ни вам, ни нам, ни народным массам? Неужели вся эта кампания унижения настолько бескорыстна, как вы думаете? Неужели вам и дальше будут указывать, что вам нравится, а что нет, и ваши политические взгляды будут ограничиваться лишь ерундой «Старых банд»? Судите сами о нашей политике, насколько она вас затрагивает, без каких-либо вероломных подсказок дешевой прессы. *****Конвертер электронных книг DEMO Водяные знаки*****

Вы увидите, что мы – ярые националисты, всецело преданные благополучию британской земли. Промышленность также будет процветать, поскольку ей будут помогать деньги, которые сейчас идут на финансирование иностранцев, но не за счёт сельского хозяйства. Вместо нынешней однобокой антисоциальной экономики установится справедливое и здоровое равновесие.

Мы, изгнанники из деревни, любим землю так же сильно, как и любой из вас. Неверно утверждать, что мы Цель — тирания. Мы не смогли бы, даже если бы захотели, тиранить народ Британии.

Гибель деревни предвещает гибель нации, ибо из земли берёт начало вся жизнь, физическая и духовная. Вы, инстинктивно понимающие эти истины, должны знать, что мы не заблуждаемся, изображая их на наших знаменах.

Корпоративная экономика А. Рейвена Томсона

А Крах нынешней экономической системы создал для современного мира ОГРОМНУЮ проблему. Мы больше не можем терпеть систему, которая обрекает большинство из нас на нищету среди величайшего изобилия, когда-либо известного человечеству, которая лишает миллионы людей права зарабатывать себе на жизнь и всё больше приближает опасность войны в международной борьбе за сужение мировых рынков. В чём причина этого всеобщего краха? Где мы допустили ошибку?

Прежде чем мы сможем полностью оценить причину проблемы, мы должны рассмотреть тройственную природу организованного общества следующим образом:

- Центральное правительство, наделенное полномочиями планировать и направлять жизнь страны.
- Ряд социальных групп с различными целями и интересами.
- Масса личностей, наделенных способностью инициативы и предприимчивости.

Классическая экономическая теория XIX века была почти полностью сосредоточена на третьем, наименее организованном аспекте общества, отвергая вмешательство государства или групп в экономические дела. В более ранние времена относительного дефицита ресурсов такая точка зрения, возможно, имела некоторое обоснование, поскольку инициатива и предприимчивость индивида имели жизненно важное значение для развития скрытых производственных возможностей и развития технических изобретений. Очевидно, что индивид будет развивать свои инициативу и предприимчивость наилучшим образом, если ему будет предоставлена максимально возможная экономическая свобода, и именно этого требовали экономисты Манчестерской школы, выступая за принцип невмешательства (*laissez faire*) и свободную торговлю.

Однако, какими бы ни были преимущества экономической свободы в решении проблемы дефицита, в наступающую эпоху изобилия она превратилась в реальную угрозу общественному благосостоянию. Нет необходимости осуждать классическую экономическую теорию как таковую, но мы должны осознать, что не может быть абсолютных «законов» экономики, независимых от социальной организации. Несомненно, индивидуалистическая система была крайне необходима в эпоху дефицита, и мы должны поблагодарить Манчестерскую школу за решение проблемы производства, но теперь настало время для новой экономической системы, отвечающей потребностям новой эпохи. Индивидуальное предпринимательство, поощряемое полной свободой эксплуатации, положило конец дефициту, но совершенно неспособно распределять созданное им изобилие среди всего народа. Производство по своей природе является индивидуальным или, в лучшем случае, групповым процессом; распределение же, напротив, основано на потребностях всего общества и, очевидно, не может быть успешным без значительной доли сознательного социального планирования.

СОЦИАЛИЗМ И КЛАССОВАЯ ВОЙНА

Поскольку индивидуализм уже миновал свой период полезности и стал реальной угрозой экономическому прогрессу, пришло время обратить внимание на социальную группу, если не на нацию в целом. До сих пор те, кто наиболее решительно критиковал существующую систему и использовал такие собирательные термины, как «социалист» или «коммунист», никогда по-настоящему не

возвысились над групповыми соображениями. Несмотря на их высокопарные заявления о «национализации» средств производства, сама основа привлекательности социалистов и коммунистов заключается в преувеличении классовой дифференциации и настойчивом требовании «классовой борьбы». Очевидно, что такая классовая доктрина принадлежит сфере социальной группы и не способна оценить всё общество как живое органическое целое. Действительно, акцент, который социалист делает на интернационализме, и его отрицание патриотизма подтверждают его неспособность постичь все значение социальной организации, которая должна возвышаться над классовыми соображениями, стремясь к достижению национальной цели. Крайняя степень «сведения к абсурду» достигается, когда советский режим в России заявляет, что он является «диктатурой пролетариата», поскольку это означало бы постоянное и осознанное господство группы над жизнью страны.

В эпоху изобилия классовая война становится полным абсурдом, ибо какой смысл в борьбе между классами, когда всего в достатке? Классовая война — это не что иное, как отвратительный пережиток эпохи дефицита, который может существовать и по сей день лишь из-за неэффективности нашей экономической системы. Решите проблему распределения, и классовая война закончится. В любом случае, разделение общества на враждующие классы — во многом искусственное изобретение Карла Маркса, поскольку различие имущих и эксплуатируемых классов становится всё более затруднительным по мере того, как современная жизнь становится всё более сложной.

Карл Маркс не имел представления о крупных акционерных компаниях, которые распределяют собственность среди огромного числа людей, обычно зарабатывающих себе на жизнь в промышленности; он также не предвидел появления большого числа организаторов и инженеров, экспертов и техников, которые в результате развития современной промышленности станут посредниками между работодателями и рабочими.

Однако даже если мы примем разделение общества на работодателей и рабочих, это не обязательно означает, что их интересы противоположны. Верно, что и работодатели, и рабочие считают себя противоборствующими армиями с противоречивыми интересами, но это проистекает из неспособности понять выгоду коллективной организации для обеих сторон. В случае любого отдельно взятого предприятия очевидно, что интересы работодателя и рабочих противоположны: если рабочие требуют слишком высокую заработную плату, у работодателя не останется прибыли, в то время как если работодатель сможет снизить заработную плату, он получит большую прибыль. Однако из этого не следует, что работодатели и рабочие в целом могут извлекать выгоду для своего класса за счет другого. В действительности, в эпоху изобилия, как сейчас, интересы рабочих и работодателей идут рука об руку. Очевидно, что современная промышленность нуждается в обширных и расширяющихся рынках сбыта. Попытки найти их в иллюзорной международной торговле в последние годы с треском провалились, в результате чего промышленники все больше обращаются к внутреннему рынку.

Однако очевидно, что покупательная способность внутреннего рынка будет в значительной степени определяться ставками заработной платы, так что фактически работодатель заинтересован в том, чтобы рабочие получали более высокую заработную плату, чтобы они могли покупать продукцию современной промышленности.

Конечно же, рабочие-социалисты не распространят свою веру в классовую войну до такой степени, чтобы отказаться от повышения заработной платы, потому что это принесет пользу работодателям!

КОРПОРАТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Итак, мы видим, что нынешняя экономическая система потерпела крах, поскольку слишком большое внимание уделялось интересам личности, но социалистическая и коммунистическая доктрины в равной степени погрешны, поскольку возвеличивают социальную группу за счёт общества в целом. Фашизм обращается к третьей альтернативе и настаивает на том, чтобы рассматривать общество как единое организованное корпоративное государство, контролируемое и планируемое центральным правительством, наделённым достаточными полномочиями. *****Конвертер электронных книг DEMO Водяные знаки*****

Власть над личностью и группой для защиты общего благосостояния и достижения национальных целей. Это корпоративная концепция нации как организма более высокого порядка, но по сути схожего с человеческим телом, чьи органы и функции служат коллективной цели.

Это существенная основа организации фашистского режима в Италии, которая регулирует отношения итальянских работодателей и трудящихся на основе общих интересов в соответствии с положениями знаменитой Хартии труда.

Такая система, основанная на совершенно новой концепции экономического назначения, потребует столь же новой науки экономического приспособления к социальным потребностям. Я убеждён, что эта новая экономическая наука будет разработана в нашей стране, которая так долго была торговым центром мира. Было бы глупо игнорировать тот факт, что и Италия, и Германия, первые страны, принявшие фашистскую политическую конституцию, столкнулись с наибольшими трудностями в развитии экономической стороны своего режима, хотя обе они гораздо лучше, чем демократические страны, отреагировали на напряжённость мировой депрессии. Мы должны помнить, что, хотя демократия и либеральные принципы впервые появились во Франции и на континенте, именно в Великобритании экономические последствия либерализма были разработаны манчестерской школой индивидуалистов. Поскольку именно Британия подарила миру эту опасную, почти катастрофическую экономическую теорию, очевидно, что долг Британии – применить новые принципы фашизма к экономической сфере и создать коммерческую структуру будущего, которая заменит дискредитированные остатки либеральной свободной торговли.

КОРПОРАТИВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

В рамках настоящего обсуждения не может быть изложения основ такой науки, но некоторые принципы корпоративной экономики сразу же напрашиваются сами собой, в отличие от нынешнего индивидуализма. Вместо «экономического человека», чьё личное эгоизм было основополагающим принципом старой школы, у нас будет «экономическое сообщество», в интересах которого индивид будет служить патриоту. Вместо классов людей, объединяющихся для защиты своих общих «интересов», у нас будут профессиональные группы, объединяющиеся для функционального служения обществу в целом. Вместо конкуренции индивидов, борющихся за выживание, каждый против всех и чёрт возьми, у нас будет сотрудничество индивидов ради их общего блага.

Как эти принципы будут реализованы? Прежде всего, несомненно, посредством применения власти. Необходимо ввести дисциплину и контроль в хаос нынешних экономических событий. Ужасы нынешней системы, разжигающие огонь классовой борьбы и дающие социалистическим агитаторам повод для нападок на «капитализм», в значительной степени проистекают из неправомерного использования экономической власти влиятельным лицом, накопившим достаточно собственности или капитала, чтобы оказывать заметное влияние на коммерческие дела и тем самым продвигать свои интересы нечестными методами. При фашизме ни одному лицу не будет позволено использовать свою собственность в этом смысле как средство проявления власти в личных интересах. «Власть» — это монополия правительства.

Вот полный ответ социалисту, требующему отмены частного капитала и национализации средств производства. Верно, что частный капиталист в прошлом злоупотреблял своим контролем над капиталом в своих интересах, но это не оправдывает отмену частной собственности, а скорее контроль над её использованием для предотвращения антиобщественных действий. Правда в том, что социалист — всего лишь недовольный буржуа, завидующий богатству и власти капиталиста. Подразумевается, что он принимает буржуазный принцип, согласно которому собственник может делать всё, что угодно.

Он распоряжается своим, и поэтому не видит альтернативы капиталистической эксплуатации, кроме тотальной конфискации, которая обрушивается на хорошего капиталиста зло. Фашизм признаёт, что капитал и деньги наделили людей властью, которой они злоупотребляли в прошлом, и требует от электората достаточных полномочий и средств воздействия для борьбы с самыми могущественными корыстными интересами в стране. Как совершенно ясно выразился Освальд Мосли: «При капитализме Капитал использует Nation в своих целях: При фашизме Nation использует Капитал в своих целях».

Очевидно, что правительству, каким бы могущественным и эффективным оно ни было, нецелесообразно пытаться детально планировать экономические дела всей страны. Это означало бы отрицание любой групповой организации, которая является неотъемлемой частью здорового политического организма, и привело бы к сохранению и усугублению нынешней угрозы бюрократии, которая быстро социализирует эту страну. Социалисты и консерваторы одинаково соревнуются в усилении власти и влияния Уайтхолла, который стремительно превращается в «новый деспотизм», предсказанный лордом-главным судьей Хьюартом. При фашизме значительная часть этого бюрократического контроля будет вновь передана по новым принципам функциональной организации корпорациям, контролирующим основные отрасли и группы отраслей страны. Корпорации сельского хозяйства, рыболовства, транспорта, горнодобывающей промышленности и медицины займут место министерств в Уайтхолле и будут укомплектованы людьми, прошедшими путь в своей отрасли и профессии, и будут гораздо лучше приспособлены для управления, чем любой постоянный государственный служащий. Эти новые институты промышленного самоуправления заменят местное самоуправление, которое быстро устаревает в условиях стремительного развития современных коммуникаций и более широкого планирования общественных предприятий. Благодаря этому групповая организация перейдет от более жесткой структурной основы прошлого к более гибкой функциональной основе будущего.

Корпорациям будет предоставлена широкая степень самоуправления для решения всех внутренних вопросов, касающихся контролируемых ими отраслей. Работодатели, работники и потребители будут представлены в совете Корпорации. Работодатели будут представлены через федерацию работодателей, а работники – через профсоюз. Правительство будет назначать представителей потребителей для защиты интересов широкой общественности и интересов других корпораций, особенно заинтересованных в данной продукции. Корпорация будет обязана устанавливать стандарты заработной платы и условий труда в отрасли для работодателей и работников, а также цены и условия конкуренции между работодателями и потребителями. Все заключенные соглашения будут иметь юридическую силу для всей отрасли, и любой работодатель или работник, нарушивший фактический устав Корпорации, будет признан виновным в правонарушении, за которое он может быть привлечен к ответственности в суде. Фактически, федерация работодателей и профсоюз будут обязаны поддерживать дисциплину среди своих членов, которые будут составлять 100% соответствующей отрасли. При наличии таких адекватных средств арбитража забастовки и локауты, конечно, будут запрещены, но работодатели, рабочие или потребители смогут обратиться к министру корпораций, заседающему в совете с представителями всех промышленных корпораций, с просьбой о вынесении справедливого решения, соответствующего общепринятой промышленной практике и национальному благосостоянию. Очевидно, что благодаря передаче полномочий и самоуправления корпорациям центральный законодательный орган будет освобожден от значительной части детального законодательства, которое в настоящее время затрудняет работу парламента.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

До сих пор новая экономика может показаться интересной новой концепцией, но сомнительной с практической точки зрения *****электронный конвертер DEMO Водяные знаки*****

Стоимость, компенсирующая их значительную сложность. Однако такая система не является просто интеллектуальным упражнением, а обладает огромными преимуществами именно там, где существующая система особенно слаба. Возьмём, к примеру, самую серьёзную проблему – бедность среди изобилия, возникающую из-за того, что консерваторы называли «перепроизводством», но что гораздо лучше было бы назвать «недопотреблением». Очевидно, что этот недостаток существующей системы может быть исправлен только путём значительного повышения уровня жизни, когда люди смогут потреблять огромные объёмы продукции современной науки и техники. К сожалению, индивидуалистическая система снижает покупательную способность – будь то заработная плата или прибыль – в период изобилия из-за острой конкуренции за продажу товаров на уже переполненном рынке, что вынуждает производителей снижать цены в беспощадной борьбе за его захват. При фашизме же цены и условия конкуренции будут контролироваться, и ни одному производителю не будет позволено изнурять своих рабочих, нарушая правила своей корпорации, чтобы обойти конкурентов. Эти средства не только сдержат падение покупательной способности, но и позволят навсегда повысить всю систему заработной платы согласованными действиями во всей отрасли. Очевидно, что такие действия совершенно разумны и поддерживались несколькими общественными деятелями последних лет, но, к сожалению, они невозможны в рамках нынешней индивидуалистической системы, поскольку, если бы какой-либо работодатель оказался настолько глуп, чтобы попытаться повысить заработную плату своим рабочим ради национального возрождения, он бы вскоре нашёл множество непатриотичных конкурентов, которые бы сократили им зарплату и вытеснили его с рынка. Только под дисциплиной и контролем организованного фашистского режима такая политика может быть успешно реализована.

Теми же средствами можно излечить и такое великое бедствие, как безработица, ибо очевидно, что это всего лишь результат полной неорганизованности нашей нынешней национальной экономики. В любой момент времени в этой стране должен быть определенный объем работы, исчисляемый в человеко-часах, который необходимо выполнить, и определенное количество работников, желающих и стремящихся выполнять эту работу. Конечно, работу можно распределить на всех работников путём корректировки рабочего времени, как это сейчас делается в Италии, где вводится 40-часовая рабочая неделя. На самом деле фашистское правительство в этой стране скорее предпочло бы искать более выгодное решение, направленное на повышение уровня жизни народа, чем на сокращение рабочего времени, но в любом случае проблема безработицы становится полностью и навсегда разрешимой при организации планового корпоративного государства.

ФУНКЦИЯ ФИНАНСОВ

Одним из главных недостатков нынешней системы является её неспособность вселить в различные профессии и виды деятельности общества осознание их функционального назначения – служения целому. Это привело к наихудшим результатам в сфере финансов, где власть денег бесчестно эксплуатировалась банкирами и финансистами в своих корыстных целях. Действительно, не будет преувеличением сказать, что в этой стране, как и во многих других, господствует диктатура крупных финансовых кругов, гораздо больше заинтересованная в прибылях от иностранных облигаций, чем в благополучии британского народа. Первой и самой неотложной задачей фашистского правительства будет сломить эту нынешнюю диктатуру международных финансов и заменить её авторитарным режимом, уполномоченным нацией навязывать функциональные и социальные цели даже самым влиятельным группам населения страны.

Функция денег, о которой в настоящее время слишком часто забывают, — это содействие обмену товарами и услугами. Именно поэтому нам так сложно обмениваться товарами *****Электронный конвертер DEMO Водяные знаки*****

и услуг сегодня является явным свидетельством неспособности финансовой системы выполнять свою первостепенную задачу перед обществом. Какими бы искусными и изобретательными ни были наши специалисты и изобретатели, уровень жизни людей не может быть поднят на более высокий уровень, если не будет выпущено в обращение достаточное количество денег и других средств обмена. В противном случае единственным результатом изобретений и рационализации промышленности станет всё большее и большее число безработных. В настоящее время мы страдаем от очень серьёзного ограничения денежного обращения, проводимого банками в рамках политики дефляции. Причина этой политики двояка. Во-первых, существует определённый врождённый консерватизм, который всё ещё цепляется за золотой стандарт валюты как за последний пережиток эпохи бартера.

Во-вторых, финансисты понимают, что ограничение количества товара, которым они торгуют, делает его более ценным, а их самих – более могущественными. По этим двум причинам количество денег в обращении не соответствует, как следовало бы, объёму потенциального производства в стране, а ограничено определённой долей запасов драгоценного металла – золота – в хранилищах Центрального банка. Очевидно, что имеющиеся запасы этого металла совершенно не соответствуют проблеме распределения, которую должны решать финансы, и, по сути, количество золота во всём мире катастрофически недостаточно для финансирования колоссальных производственных мощностей современной промышленности. Однако вместо того, чтобы расширять денежное обращение и кредитование для удовлетворения потребностей промышленного развития, наши финансовые хозяева пытаются вернуться к золотому стандарту, ограничивая производство пределами, определяемыми мировыми запасами золота. Несомненно, таким образом международные финансисты сохраняют и расширяют свой контроль над мировыми делами, но лишь ценой обречения большей части мира на нищету среди изобилия.

Фашистское правительство будет настаивать на отмене этого противоестественного господства финансов над промышленностью. Необходимо совершенно ясно дать понять, что финансы выполняют функцию обслуживания промышленности и никоим образом не подходят для управления промышленностью, которое они узурпировали. Необходимо не только положить конец поощрению иностранного производства, конкурирующего с нашим, посредством размещения иностранных акций лондонским Сити, но и заставить наших финансистов и банкиров столкнуться с проблемой распределения, которую они так последовательно игнорировали в прошлом. Мы уже указывали, что будущее нашей торговли заключается в возрождении внутреннего рынка, и теперь финансисты должны обратить внимание на средства, способствующие этому возрождению, повышая покупательную способность населения.

Это влечет за собой колоссальный и революционный разрыв со всеми самыми священными традициями банковского дела, поскольку суть проблемы заключается в финансировании потребления. До сих пор банкиры ограничивали свои операции исключительно финансированием производства в коммерческой сфере, поскольку операции с рассрочкой платежа фактически не финансируют потребление, а лишь закладывают будущую покупательную способность ради немедленной продажи. Мы должны найти способ финансирования более высокой шкалы заработной платы, чтобы высвободить производительные силы. В настоящее время, конечно, в индивидуалистической системе, где царит острая конкуренция, такой подход невозможен, и любой работодатель, обратившийся в свой банк с просьбой овердрафта для выплаты более высокой заработной платы, был бы справедливо объявлен безумцем, поскольку он не мог бы гарантировать, что его конкуренты поступят так же или не снизят заработную плату, чтобы отнять у него рынок. Лорд Бивербрук, часто выступавший за повышение заработной платы, так и не смог преодолеть эту существенную трудность.

Корпоративная экономика, однако, предлагает немедленное решение, для самой цели Корпорации должны контролировать и регулировать ставки заработной платы и условия труда, так что если фашистское Правительство проводило политику повышения заработной платы, не было бы и речи о том, чтобы непатриотичные или контролируемые иностранцами фирмы откладывали попытки воспользоваться преимуществами своих конкурентов; все было бы

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

вынуждены соответствовать тем же стандартам. Если бы работодатель обратился в свой банк и попросил овердрафт для реализации своей части программы, банкир без труда удовлетворил бы его просьбу, поскольку знал бы, что рост покупательной способности всего сообщества приведёт к увеличению заказов и процветанию конкретной фирмы, с которой он ведёт дела. Именно таким образом фашизм повысит уровень жизни народа и введёт в обращение больший объём денег и кредита, необходимый для финансирования возросшей производительности промышленности.

Очевидно, что эта политика денежной экспансии должна включать полный разрыв с золотым стандартом, и более консервативные критики могут опасаться за стабильность валюты в результате этого. Фашизм, однако, указывает на то, что деньги на самом деле являются требованием на товары и услуги, и что ни один человек в здравом уме не пойдёт в банк и не потребует золотые слитки за свои банкноты: он будет вполне удовлетворен, если сможет обменять свои деньги на те товары и услуги, в которых он нуждается. Очевидно, что в настоящее время в этой стране доступно множество товаров и услуг: склады фактически заполнены товарами, и более двух миллионов наших соотечественников, мужчин и женщин, предлагающих свои услуги напрасно. Пока мы не будем выпускать банкноты, которые не покрываются имеющимися товарами и услугами, не может быть никакой опасности инфляции; поэтому фашизм будет основывать валюту на широкой основе всех производительных ресурсов страны, а не на узком шатком фундаменте золота в Банке Англии.

ИМПЕРСКАЯ АВТАРХИЯ

Единственный обоснованный аргумент против этой политики корпоративной организации промышленности, повышающей уровень жизни всего народа, заключается в том, что наша страна в значительной степени зависит от внешней торговли и поэтому не может позволить себе более высокий уровень жизни, чем её конкуренты на мировых рынках. Однако этот аргумент можно опровергнуть примером Генри Форда, который производил самый дешёвый в мире автомобиль, платя при этом самую высокую заработную плату. Ему это удалось благодаря огромному внутреннему рынку в Америке, который позволил ему внедрить методы массового производства и успешно конкурировать на рынках стран с гораздо более низким уровнем жизни. На самом деле мы теряем зарубежные рынки не потому, что наши товары дороже, чем у конкурентов, а потому, что эти рынки закрываются для нас непреодолимыми таможенными барьерами, за которыми стремительно развивается местная промышленность. Как бы ни были дешевы наши товары, мы не можем ожидать, что другие страны разрушат свою промышленность и лишат работы своих граждан, чтобы их покупать. В любом случае восточные народы, такие как японцы, могут безнадежно перебить нас, если принять во внимание вопрос ставок заработной платы.

Экспортная торговля ни в коем случае не является необходимым условием благосостояния страны, поскольку она подразумевает отправку товаров из страны для потребления иностранцами, а не их хранение внутри страны для повышения уровня жизни местного населения. Только финансовые магнаты лондонского Сити могут в долгосрочной перспективе выиграть от избытка экспорта, поскольку именно на основе этого излишка они размещают крупные иностранные займы, с которых получают столь щедрые комиссионные. Экспорт оправдан только для оплаты импорта товаров первой необходимости, а импорт в нашу страну можно было бы значительно сократить, исключив все импортные товары, которые мы можем производить внутри страны. Возмутительно, что в нашу страну ввозится огромное количество промышленных товаров, которые мы могли бы прекрасно производить здесь, и нет оправдания нашему пренебрежению отечественным сельским хозяйством только потому, что наших ресурсов недостаточно, чтобы прокормить всё население; мы должны производить хотя бы максимум отечественной продукции, прежде чем *****ebook converter DEMO Watermarks*****

за границей на оставшуюся часть.

Даже после того, как мы произведем максимальное разнообразие товаров в этой стране, было бы бессмысленно отрицать, что мы не сможем стать полностью самодостаточными, но, с другой стороны, существует очень мало товаров, которые нам нужны и которые нельзя найти где-то в Британской империи.

Фашизм – это не узкая политика «маленькой Англии», а грандиозный имперский план автаркического развития, который он может предложить всей империи. Доминионам будет предложена гораздо большая доля расширяющегося внутреннего рынка, чем была предложена в Оттаве, поскольку иностранная конкуренция будет полностью исключена. Нет никаких сомнений в том, что вся Империя будет полностью готова сотрудничать в такой экономической системе, которая сформирует полностью самодостаточную империю, защищенную от последствий мировых кризисов и депрессий и способную достичь более высокого уровня жизни, чем тот, который был известен до сих пор.

Наконец, мы должны представить себе корпоративные принципы фашизма, применяемые к международной торговле. Импортеру больше не будет разрешено покупать на любом рынке, который он сочтет подходящим, но он будет обязан действовать через Совет по внешней торговле, который будет использовать покупательную способность страны для завоевания экспортных рынков. С самого начала фашизм будет придерживаться политики, согласно которой Британия покупает у тех, кто покупает у Британии, и если какая-либо страна захочет продать нам товары, которых нам не хватает, она будет обязана принять наши товары взамен. По мере того, как другие страны будут перенимать аналогичные методы, мы в конечном итоге придём к общей системе организованного бартера между странами, которая является единственным практическим способом плановой международной торговли, свободной от махинаций международных финансов и оков международного ростовщичества.

КОРПОРАТИВНЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Не следует полагать, что фашизм полностью эгоцентричен в национальном смысле. Конечно, важнейшей чертой фашистской философии является ставка на собственную страну, но было бы опрометчиво полагать на этом основании, что фашизм подразумевает национальное соперничество и может привести к войне по экономическим причинам. Напротив, серьёзнейшая опасность нынешней системы заключается в том, что постоянно растущая борьба за мировые рынки может привести к войне. Действительно, на Дальнем Востоке войны за рынки уже имели место, и лишь с большим трудом европейские державы избежали вовлечения в эту борьбу. Фактически, корпоративная система экономического планирования минимизирует опасность войны, поскольку она возьмёт экономические причины войны под сознательный человеческий контроль. Речь больше не будет идти о том, чтобы каждая страна вываливала максимальный объём экспорта на своих соседей, а о том, чтобы авторитетные правительства, полностью контролирующие свои национальные экономические дела, встречались для совместного обмена и обмена необходимым сырьем, необходимым для их промышленного развития. Поскольку в этих сырьевых продуктах нет недостатка и поскольку их производство фактически было резко сокращено, чтобы предотвратить переполнение рынка, не должно возникнуть никаких трудностей в достижении дружественного решения этой сравнительно простой проблемы, как только нации откажутся от нелепой идеи, что они могут извлечь выгоду, разоряя друг друга.

В мире будущего, безусловно, будет соперничество, но соперничество в достижениях, а не в соревновании. Только посредством корпоративной организации общества и экономической жизни мы сможем достичь мира и процветания в упорядоченном мире. Давайте внесем свой вклад, наведя порядок в наших собственных национальных делах и побуждая другие страны делать то же самое.

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

Нацистское движение в перспективе Джеймса Дреннана

Т Итальянские фашисты никогда не пытались придать итальянскому национализму, созданному герром Гитлером в качестве интеллектуального вдохновителя «Третьего рейха», тот колоссальный расовый подтекст. Если у кого-то и возникал соблазн основывать современную политику на претензиях прошлого, то это могли быть властители Рима, но синьор Муссолини, похоже, стремится к окончательному общеевропейскому объединению, основанному на концепциях фашизма, а не к буквальному возрождению римской территориальной славы. Герр Гитлер, с другой стороны, разработал идеал немецкой (или арийской) расовой исключительности, имеющий глубокие корни в немецкой истории. Однако эта немецкая концепция, если её правильно понимать, никоим образом не противоречит итальянскому пониманию фашизма как вероучения, призванного стать духовной основой возрождения Запада. Она также не должна противоречить возвышенной концепции Британской империи, вдохновляющей фашизм в Великобритании, поскольку ни в какой момент не возникает никакого столкновения интересов. Напротив, все разнообразные вклады в теорию мирового фашизма могут быть скорее взаимодополняющими, чем разрушающими.

Чтобы понять, почему нацисты приняли расовую интерпретацию истории, впервые сформулированную в прошлом веке такими ненемецкими авторами, как француз Гобино и англичанин Хьюстон Стюарт Чемберлен, и взятую нацистскими лидерами за основу революционного идеала, принятого немецкими массами, и за движущую силу нынешней государственной политики Германского рейха, необходимо рассмотреть некоторые условия и тенденции немецкой истории на протяжении всего периода последнего тысячелетия. Только путём такого исследования мы можем докопаться до основ верований современного немецкого народа и понять, в каком направлении хозяева Германии, вероятно, поведут народ, свято убеждённый в истинности своих убеждений.

Именно германские племена в VIII веке фактически унаследовали имперские концепции Древнего Рима. Империя Карла Великого, провозглашённого императором Запада, была этнически скорее немецкой, чем французской, и только после его смерти франко-голландские элементы стали различаться от германских, когда наследники различных частей его владений приносили присягу соответственно на французском и немецком диалектах. Вплоть до XIII века императоры Гогенштауфены продолжали считать всю Италию и значительную часть территории современной Франции провинциями Германской империи. Стоит отметить, что, хотя в то время Германия едва ли простиралась к востоку от Эльбы, Нидерланды, Бургундия и части Савойи и Франш-Конте в разной степени и в разное время были включены в состав имперских владений.

Один из недостатков преподавания истории в нашей стране заключается в том, что нам редко удаётся увидеть нашу собственную историю в перспективе и в связи с историей остальной Европы. В течение четырёх столетий между восшествием на престол Людовика Немцкого в 825 году и смертью Фридриха II в 1250 году – примерно в период нашей собственной истории между правлениями Альфреда Великого и Генриха III – история Европы в значительной степени была историей Германии. В период, когда наша собственная история была крайне провинциальной – когда её события были так же далеки от основного течения европейской истории, как, например, история современной Норвегии от истории современной Европы – Германия была ареной великих сражений, которые привели к рождению

Средневековая европейская культура и её императоры, такие как Генрих Птицелов, Оттон Великий и Фридрих Барбаросса, стали арбитрами Западной Европы и хозяевами событий от Ютландии до Сицилии, от Бургундии до Венгрии. Необходимо оценить значение этого периода для сознания современных немцев, чтобы понять их необычайную гордость за свою историю и чувство разочарования и ограниченности в территориальных условиях послевоенной Европы.

Оттон Великий, умерший в 973 году, почти тысячу лет назад, за последние несколько лет стал главной фигурой нацистского пантеона, и его портреты можно увидеть в немецких книжных магазинах почти так же часто, как портреты Гитлера и Геринга. Весь ход истории Германии, по сути, является примером феномена «задержки развития», а специфические проявления, которые мы связываем с современной немецкой национальной психологией, проистекают из «комплекса фрустрации», который является его неизбежным производным. Сам размах и размах власти Гогенштауфенов погубили немецкий народ. Блистательные императоры этой династии были очарованы мечтой о панъевропейской империи Карла Великого и более века растрачивали силы немцев на удовлетворение своих итальянских амбиций. Ранняя политика Оттона Великого заключалась в объединении великого германского государства. Гогенштауфенов привлекали панъевропейские концепции, наследниками которых стали Габсбурги. Крушение Гогенштауфенов ослабило Германию и лишило её центральной силы в тот момент, когда Англия и Франция были на пороге развития к той национальной государственности, которая в конечном итоге была достигнута при Тюдорах и Валуа. Ошибки политики Гогенштауфенов кажутся ещё более трагичными с немецкой точки зрения, если вспомнить, что великое наступление немцев через Эльбу и вдоль берегов Балтики было предпринято Тевтонским орденом во время правления Фридриха II, и что это наступление в конечном итоге было прервано в своих более широких возможностях ослаблением импульса со стороны германского центра.

Между смертью Фридриха II в 1250 году и смертью Мартина Лютера в 1546 году прошло почти ровно три столетия, и хотя это довольно условное деление, оно допустимо для обобщения. Этот трёхвековой период стал свидетелем полной трансформации как перспектив, так и характера немецкого народа. Существуют три основных исторических течения, оказавших основополагающее влияние на последующее развитие немецкой исторической жизни.

Во-первых, как немецкие, так и североитальянские города утратили экономическое превосходство, которым они обладали в Средние века, когда они росли вдоль главного восточно-западного торгового пути между Европой и византийско-сарацинским Востоком. Взятие Константинополя турками в значительной степени уничтожило процветание всех регионов вдоль этого пути, а открытие Америки и открытие пути через Капскую мыс переместили центр экономического могущества в страны атлантического побережья – Испанию и Португалию, Англию, Францию и Голландию. В самом деле, не будет преувеличением сказать, что и Реформация в Германии, и Тридцатилетняя война в XVII веке были обусловлены масштабным процессом экономической разрухи, который, должно быть, последовал за этим перемещением основных торговых центров.

Вторым важным историческим течением этого периода стало возвышение Габсбургов, пришедших на смену Гогенштауфенам. Габсбурги были немецкими князьями с обширными личными владениями на немецких землях, но само их положение в Австрии — Эстермарке — на восточных границах Германии делало их по сути негерманскими по своим интересам. Традиционная политика Габсбургов достаточно легко объясняет необычайную ненависть, которую пангерманисты и

В частности, нацисты, ратовали за всю «австрийскую теорию». Габсбурги, как и ранние Гогенштауфены, считали себя наследниками Римской империи и претендовали на мировое господство или, по крайней мере, в практической политике, на панъевропейское господство. Эта удивительная династия в разные периоды своей истории была итальянской, испанской и южноамериканской, славянской, державой, державой, претендовавшей на Азию и даже на Африку, но она никогда сознательно не позволяла чисто германским интересам преобладать.

¹ Габсбурги сыграли важную роль в течение четырёх столетий после завоевания Константинополя турками. Они сдерживали военное продвижение турок на запад и стали преемниками византийских императоров в качестве главных проводников цивилизации во всей Юго-Восточной Европе. Но их роль была столь же ценной для Европы, сколь губительной для концепции немецкой национальности.

Их озабоченность проблемами Средиземноморья отсрочила на неопределенный срок любой процесс объединения Германии, а их династическая политика на практике привела к тому, что фактически привело к разделу немецкоязычных земель.

Третьим важным фактором, повлиявшим на развитие немецкой истории, был раздел немецкоязычных земель и трансформация всего расового характера населения, называвшего себя немцами, происходившая в период 1250–1550 годов. Это явление имело первостепенное значение, особенно если вспомнить, что именно в этот период возникли и консолидировались такие нации, как англичане, французы и испанцы, а также венгры, чехи и поляки, и Европа начала приобретать те формы, с которыми мы знакомы в настоящее время.

Во времена Карла Великого различия между тевтонами и франками были не столь чётко обозначены. Англия под саксонской гегемонией была преимущественно германским королевством, то же самое можно сказать и о Северной Италии под лангобардским владычеством. В первую очередь, произошло поглощение немецких элементов в Англии, Восточной Франции и Северной Италии. Этот процесс фактически завершился задолго до смерти Фридриха II в 1250 году. В течение следующих трёхсот лет западные границы Германии были отодвинуты к Рейну. Такие регионы, как Бургундия и Франш-Конте, становились всё более французскими и всё менее немецкими. Нидерланды окончательно перестали быть немецкими. Оформилась Швейцария, и значительное количество немецкого населения прониклось швейцарской идеей. Важные немецкие пограничные территории в Австрии стали неотъемлемой частью империи Габсбургов, состоявшей преимущественно из негерманских народов. Результаты этих отделений до сих пор имеют значение в современной европейской истории. Они объясняют австрийский вопрос.

Они объясняют эльзасско-лотарингский вопрос — вражду из-за региона, который никогда полностью не переставал быть немецким и никогда не становился полностью французским. Они также объясняют попытки нацистов возродить пангерманское сознание не только в Австрии и Чехословакии, но и, в меньшей степени, в Голландии и Дании, Швейцарии и Бельгии.

Но в то же время, когда германские языковые границы отодвигались к Рейну, а население с наиболее аутентичными немецкими корнями преобразовывалось в швейцарцев, французов и голландцев, немецкий язык и немецкая культура быстро распространялись на восток, и коренное ненемецкое население Северо-Восточной Европы училось считать себя немцами. Немецкая колонизация на востоке была делом Тевтонского ордена, покорившего и обратившего в свою веру славянские и финские племена к востоку от Эльбы, а позднее и за Одером, а также немецких ганзейских городов, основавших торговые центры по всему побережью Балтийского моря. В конечном итоге, немецкое продвижение в этом направлении было остановлено военной мощью Польши, соперничеством скандинавских государств и, конечно же, позднее, становлением России как великой державы в начале XIX века.

XVIII века. Но это было великое достижение, особенно если учесть, что это стремление достигло своего апогея в период между XIII и XV веками, когда центральногерманское влияние было слабым, а зачастую и вовсе отсутствовало. Роль ганзейских городов и Тевтонского ордена на Балтике во многом соответствовала роли Итальянских республик и латинских рыцарских орденов в Средиземноморье, которым удавалось проводить агрессивную итальянскую политику на Востоке в то время, когда центральногерманской власти не существовало.

В полупровале средневекового «натиска на Восток» можно обнаружить второй элемент «комплекса фрустрации», лежащего в основе интерпретации истории своей страны современными немцами. Нацисты, особенно представители так называемой «прусской школы», к которой принадлежат генерал Геринг и герр Розенберг, постоянно стремятся к возрождению немецкого проникновения и колонизации прибалтийских земель как к компенсации за ограничение немецких устремлений на Западе.

Важнейшим результатом средневекового «натиска на Восток» стало основание прусского государства. Автохтонное население Пруссии состояло преимущественно из славян и финнов – наиболее примитивных групп Северной Европы – и смешалось с воинственными и нуждающимися элементами, мигрировавшим на восток из древних очагов немецкой культуры. Пруссы были выкованы как народ в результате двух столетий самых кровавых войн Средневековья.

Реформацию в Германии, охватывающую большую часть XVI и XVII веков, можно в определённых аспектах рассматривать как во многом бессознательное движение разочарованного немецкого национализма против пангерманских, римско-католических концепций Габсбургов. Реформация достигла своего апогея в Тридцатилетней войне, которая разорила Германию почти на столетие и серьёзно подорвала могущество Габсбургов. Восстановление турецкого могущества, продемонстрированное при осаде Вены в 1683 году, стало одним из результатов ослабления Габсбургов, а Тридцатилетняя война, вероятно, привела к продлению турецкого владычества в Юго-Восточной Европе более чем на два столетия.

Возвышение французской монархии представляло собой серьёзную и долгосрочную угрозу для укрепления германского единства. Франциск I сотрудничал с турками против Габсбургов, и именно Валуа первыми начали играть на польском баррикаде против Германии на Востоке. В следующем столетии именно Ришелье фактически передвигал немецкие пешки во время Тридцатилетней войны. Результатом его политики стало то, что Германия на столетие оказалась во власти монархии Бурбонов, пока возникновение Пруссии при Фридрихе Великом не внесло совершенно новую силу в германскую политику.

С появлением Фридриха Великого мы приближаемся к современной фазе германской истории – к той борьбе между Гогенцоллерном и Габсбургом, между протестантской, полунемецкой Пруссией, стремившейся стать немецкой, и немецкой Австрией, стремившейся быть негерманской и – в династических рамках – общеевропейской, что стало одной из главных, хотя и косвенных, причин последней войны. Реформация в определённых немецких рамках была пангерманским движением, и её можно также рассматривать как реакцию на экономическую отсталость, в которую Германия впала в результате смещения торговых путей в XV веке. Валленштейн, несомненно, величайший немец своего века, имел широкие, хотя и смутные представления о пангерманском единстве и встретил свою смерть в результате интриг с северогерманскими князьями против интересов дома Габсбургов. Фридрих Великий бросил серьёзный вызов гегемонии Габсбургов в Центральной Европе и воспользовался слабостью Франции в предреволюционный период, чтобы прорвать польскую оборону против Пруссии на Востоке. Наполеоновские войны были лишь неприятным эпизодом в этом соперничестве. *****Конвертер электронных книг DEMO Водяные знаки*****

между двумя германскими державами. Их результатом стало значительное укрепление позиций Пруссии, поскольку они ослабили независимые княжеские дома в Германии и позволили Пруссии в первой половине XIX века принудить малые государства к заключению таможенных союзов. Фридрих Великий завоевал Силезию. Вынужденное участие его преемников в континентальной блокаде во время Наполеоновских войн заложило основу немецкой обрабатывающей промышленности, призванной восполнить дефицит, образовавшийся в результате исключения британских товаров. Таможенные союзы объединили с Пруссией старые ганзейские города, и модернизированная Северная Германия столкнулась с Австрийской империей, которая, по сути, была пережитком эпохи Возрождения.

В 1866 году Австрия была вытеснена из Германского союза и перестала быть германской державой. Примерно в то же время она была вытеснена из Италии, где фактически доминировала до первой половины XIX века, и теперь перестала быть итальянской державой. Но здесь можно увидеть удивительную политическую гибкость династии Габсбургов.

Во второй половине XIX века Австрия быстро становилась славянской державой, управляя меньшинством немецких подданных, проживавших в Австрии и Богемии. Возможно, Австрия сохранилась бы как мадьярско-славянская конфедерация, если бы Франц Иосиф умер раньше, а Франц Фердинанд прожил дольше. Но старый император, как он сказал королю Эдуарду, «никогда не мог забыть, что он был немецким принцем».

В течение двадцати лет, предшествовавших войне, в Австрии разрослось мощное пангерманское движение под руководством Карла Лёйгера – популярного венского бургомистра, – которое желало положить конец империи и монархии Габсбургов и объединить германские части империи в рамках Великой Германии. Если бы был достигнут пангерманский или «федеративный» (славянский) вариант эрцгерцога Франца Фердинанда, история Европы, возможно, получила бы иной импульс. Однако Гогенцоллерны фактически заняли место Гогенштауфенов и Габсбургов. Последние фактически были вытеснены в положение вассальных князей, а с развитием политики Тройственного союза Гогенцоллерны лишь придали новую силу и новое направление общеевропейской политике императоров Священной Римской империи.

Адольф Гитлер вырос в атмосфере пангерманской пропаганды довоенной Вены и в своих послевоенных сочинениях яростно осуждает то, что он считает антигерманской, чисто династической и капиталистически-монополистической политикой, которую он приписывал Гогенцоллернам. Он также выступал против политики колониальной экспансии, начатой Гогенцоллернами и которой до сих пор придерживаются такие политики-националисты старшего поколения, как Гугенбург и Шахт. Поэтому необходимо учитывать эти две важные тенденции, определяющие практическую политику национал-социалистов. Во-первых, нацистская политика по своей сути национальна, поскольку является реакцией на пагубную панъевропейскую политику Габсбургов и Гогенцоллернов. В духе Бисмарка, провозгласившего, что «весь Восточный вопрос не стоит костей одного померанского гренадера», она отвергает любые амбиции по подчинению негерманских территорий немецкому господству. С другой стороны, он бросает вызов устоявшейся государственной системе Европы, поскольку подчеркивает необходимость включения всех территорий, населенных немецкоязычным населением, в структуру «Второго рейха».

При поверхностном рассмотрении пангерманские претензии нацистских идеалистов кажутся несовместимыми с сохранением мира в Европе. Но, по сути, герр Гитлер, по всей видимости, стремится признать тот факт, что Германия должна рассматриваться не только как равноправная сторона среди великих держав, но и что эти державы должны допускать законное расширение Германии и, при необходимости, находить пути для её расширения.

В амбициозной территориальной политике Германии нет ничего особенно безнравственного. В течение последних пятнадцати лет мы терпели монополярную и непримиримую континентальную политику французской демократии, а Лига Наций в значительной степени использовалась для содействия развитию новой славянской группы в Восточной Европе. Необходимо помнить, что европейские границы всегда были крайне изменчивыми, и нет никаких исторических оснований считать их особенно постоянными в настоящий момент европейской истории.

В Восточной Европе славянская группа – поляки, чехи и балканские славяне, в отличие от русских, – должна рассматриваться как довольно устойчивый элемент европейской истории. И Польша, и Богемия были государствами, по сути, более древними, чем Пруссия. С другой стороны, Россия – сравнительно недавнее явление, ставшее европейской державой лишь в начале XVIII века. Это было делом двух великих правителей – Петра Великого и Екатерины Великой. Последняя война свела на нет труды Екатерины, и российские границы были отодвинуты за Припятские болота. Большевики многое сделали для подрыва как культурной, так и национальной основы бывшей Российской империи. Устойчивые институты и идеи были разрушены, и многие народы, составляющие Советский Союз, развивают дезинтеграционные тенденции со скоростью, которую большинство не осознаёт. Россия превращается в политическую ничейную землю – факт, который, похоже, очень ценят японцы на Крайнем Востоке.

В этой связи недавний германо-польский пакт приобретает особое значение и указывает на возможность совершенно нового курса в политике стран Балтии. И Германия, и Польша нуждаются в том, что можно назвать пространством для «крестьянской экспансии». Герр Гитлер и другие сторонники нацистской идеологии, такие как Дарре и Розенберг, подчёркивали, что нацистская Германия стремится к пустым территориям, где немецкий крестьянин может возделывать свою землю, а немецкие общины – строить свою жизнь как неотъемлемая часть Германии. Это совершенно иная концепция, нежели «колониальный империализм» Гогенцоллернов и современных консерваторов-националистов, таких как Шахт и Гугенбург. Успешная война против Польши не решила бы германскую проблему «крестьянской экспансии», поскольку сама Польша густо заселена и её население растёт. Однако обе страны имеют амбиции на Востоке, которые были ограничены в XVII-XVIII веках шведской интервенцией и возвышением империи Романовых. Они вспомнили о возможностях осуществления этих амбиций, когда во время войны немцы оккупировали Прибалтику, а в 1920 году поляки оккупировали Украину.

Украинские националисты, стремящиеся к отделению от России, имеют очень важные связи с Берлином и Варшавой, и вполне возможно, что эти элементы могут сыграть важную роль в формировании основ общей германо-польской политики в «дальневосточной» Европе. Любые перспективы войны, естественно, тревожны, но, по-видимому, самый прямой способ сделать будущую войну в Западной Европе неизбежной — это игнорировать не только немецкие устремления, но и немецкие потребности. И высвобождение немецкой энергии на Востоке представляется бесконечно предпочтительнее, чем «затор» на Рейне и в Австрии, что является единственной конечной альтернативой.

В нацистской Германии наблюдается поразительно мало враждебных настроений по отношению к Великобритании, и, по всей видимости, не наблюдается никакой тенденции к прямой официальной пропаганде против Великобритании, несмотря на крайне провокационную позицию, занятую некоторыми частями британской прессы, а также некоторыми политическими группами после прихода нацистов к власти. Конечно, существует агитационное движение за возвращение африканских колоний Германии, но вдохновителем этой агитации в основном являются ныне не столь влиятельные консервативно-националистические круги. Мнения могут расходиться относительно ценности этих колоний как для нас, так и для немцев, но сам герр Гитлер открыто заявляет о презрении к «колониальному империализму», вдохновляющему национ...

Конечно, политика, основанная на «экспортном капитализме» – а именно эта политика требует колоний – противоречит экономической теории «автаркического государства», и можно с уверенностью сказать, что нацисты – по крайней мере, на нынешнем этапе – не желают возвращаться на африканское поле. Весь акцент их пропаганды делается на восстановлении крестьянской жизни как основы автаркического государства и на необходимости новых земель, географически прилегающих к Германии, где немецкие крестьянские общины могли бы расселиться и развить ту немецкую корпоративную жизнь, в которой нацисты видят начало и конец всего сущего. Если такая политика вступает в конфликт с державами и интересами, не являющимися британскими, то едва ли дело Британии вести крестовый поход за сохранение неприкосновенности самой развращающей тирании, когда-либо осквернявшей историю человечества.

¹ За исключением, возможно, короткого правления императора Иосифа II.

Социал-демократия в упадке Джона Беккета

А Анализ результатов дополнительных выборов после последних всеобщих выборов показывает, что средний рейтинг Лейбористской партии увеличился почти на 15 процентов по сравнению с 1929 годом. В 1929 году она получила 289 мест и, при поддержке пяти независимых членов, имела лоббистскую силу в 294 человека. Еще тринадцать побед обеспечили бы ей власть. По данным 1929 года, темп роста рейтинга, равный темпу роста на дополнительных выборах, был бы достаточен, чтобы обеспечить партии явное парламентское большинство. При отсутствии значительного поворота в сторону фашизма в ее первом избирательном состязании, можно окончательно заключить, что нет других факторов, способных предотвратить такой ход событий. Произойдет очередной качок маятника, и две стороны Палаты представителей будут меняться местами, как футбольные команды в перерыве.

Ничто не было бы более забавным, если бы не трагичным, чем изучать различные мнения, высказываемые нашими «национальными лидерами» и прессой относительно вероятного развития событий, когда парламент окажется под контролем лейбористов. Они варьируются от представлений о Британии, идущей по чисто-красному пути, с сэром Стаффордом в роли водителя, до нежных утешений мистера Гринвуда и доктора Далтона, рисующих нам картину Британии неизменной, за исключением процветания, с передовой скамьей невероятно «джентльменских» суперменов, увеличивающих арендную плату за Мейфэр так же неуклонно, как они сглаживают трущобы с прекрасного лица нашей страны.

Последовательно предсказываются и глубокая трагедия, и кровавый крах, и благотворная эффективность. Удивительно, что ни один из пророков не удосужился тщательно изучить принципы социал-демократии, на которых основана Лейбористская партия, и судьбу этих принципов (или их отсутствия) в каждой стране, где они были опробованы. Это исследование, подкрепленное обзором истории Лейбористской партии и беспристрастным изучением характера и деятельности её лидеров, неизбежно приводит к выводам менее драматичным, но гораздо более ужасающим, чем любые из рассмотренных нами ранее.

Моя цель – показать, что лейбористское правительство не означает ни революции, ни эволюции. Оно означает бесхребетное правление ничтожеств без каких-либо руководящих принципов; оно означает бесцельное дрейфование в потоке лъстивой неискренности; оно означает невысказанную тревогу на фоне экономической нестабильности и финансовой паники, раздуваемой нервными и неопытными министрами.

Не принося пользы слабым, лейбористы, вероятно, будут лаять на верхушку и тревожить её. Результатом станет не внезапная катастрофа, с которой можно было бы легко справиться, а подрыв жизнеспособности нации и ускорение распада до такой скорости, что остановить его будет невозможно. Теория социал-демократии, по сути, воплощена в официальной апологии Лейбористской партии за 1933 год: «Возможно, мы были неэффективны, но мы всё это время были на верном пути».

Перед лицом изменившихся экономических условий, вызванных огромным ростом производительной силы благодаря современной технике и науке, три основные идеи — фашизм, коммунизм и социал-демократия — боролись за господство в умах цивилизованного мира с 1918 года.

На первый взгляд, социал-демократия – самая привлекательная. Коммунизм требует невозможного.

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

Смятение и жертвы ради достижения крайне противоречивых результатов. Фашизм взывает к высшей, самоотверженной стороне человеческой сущности. Обычный человек ленив и самовлюблён. Он не желает работать и подчиняться дисциплине; прежде всего, он не желает думать и приносить жертвы ради блага расы. Социал-демократия обещает удовольствие без боли, идеализм без усилий, процветание и справедливость без планирования. Более эффективного наркотика для масс придумать невозможно, и неудивительно, что в России, Италии и Германии, где в полной мере ощутили на себе последствия военного ураганного потопа, эти народы обратились к социал-демократам за спасением.

Место не позволяет подробно, с цитатами, рассматривать провал социал-демократии в этих странах. Она не только не смогла осуществить мирный переход от хищного капитализма к социализму, как обещала, но и не смогла ни малейшего сдерживания грабителя, с которым, по крайней мере, в Германии, она заключила быстрый и прочный союз. Во всех трёх странах рабочие оказались в гораздо худшем положении, чем до прихода социал-демократии к власти, и во всех трёх странах этот урок оказался достаточным, чтобы отвернуться от подобных форм демократии и попытаться восстановить свой престиж и эффективность под национальным руководством. Россия, менее развитая страна, приняла ныне быстро исчезающую форму коммунизма, в то время как Италия и Германия, обладавшие более высоким уровнем цивилизации, обратились к фашизму в поисках спасения.

Достаточно самого поверхностного изучения социал-демократической теории, чтобы показать, что произошедшее в этих трех странах было неизбежным и должно произойти везде, где будет опробована его политика.

Социал-демократ — рационализатор демагогии, в то время как его партия неизменно одержима тенденцией к лоббированию, её высокие посты заняты людьми, которые, возможно, ничем не могут похвастаться, кроме силы лёгкой речи. Её высшие должности открыты для демагога, и только для него. Подобно тому, как её принципы расплывчаты, а принципы её оппонентов определённы, её лидерам недостаёт фанатизма коммуниста или суровости фашиста. Добейтесь власти путём голосования — не власти делать что-то, а власти занимать должности. Обещайте и богатым, и бедным, что вы будете их другом. Уничтожьте трущобы и обедайте с их владельцами. Повышайте зарплаты, но давайте плохим работодателям титулы.

Национализируйте банки, но подчиняйтесь банкиру. Победите международный капитал приветственным поцелуем. Сократите вооружения, вмешиваясь в дела всех остальных стран. Вот несколько наиболее подходящих лозунгов для кандидатов от Лейбористской партии. Неудивительно, что в мире суровой реальности эта смесь оппортунизма, идеализма и откровенной слабости характера рушилась всякий раз, когда на неё возлагалась ответственность.

Изучение истории Лейбористской партии показывает, насколько точно эти тенденции реализуются на практике; и, учитывая более глубокую стадию упадка в упомянутых континентальных странах, нет ничего более поразительного, чем сравнение их недавней истории с нашим собственным опытом. Социальные и экономические трудности привели к широкому признанию необходимости изменений в структуре нации. Был испробован, казалось бы, лёгкий путь социал-демократии; за ним последовали хаос и коррупция; и пришлось прибегнуть к лидерству, ошибочно именуемому диктатурой.

Изучение нашей Лейбористской партии показывает те же тенденции, что и у уже упомянутых социал-демократических партий. Может ли её самый оптимистичный сторонник действительно утверждать, что во всех убеждениях и политике партии прослеживаются две последовательные ноты? Даже если бы у нас не было данных о предыдущих периодах их правления, чтобы это доказать, речи их лидеров и статьи в «Дейли Геральд» содержат всевозможные противоречия. Социалистическая лига и самый степенный лидер профсоюзов едины в своём стремлении к победе на выборах, но невозможно найти ни одного *****ebook converter DEMO Watermarks*****

Единство, объединяющее их планы по формированию правительства после победы. Посетите любое собрание лейбористов, где выступает больше одного оратора, и если ораторы перейдут от возвышенных устремлений к практической политике, сразу же обнаружатся самые разительные различия.

Первая по-настоящему крупная парламентская Лейбористская партия вернулась в 1922 году. Никогда, даже в «разрозненном парламенте» 1906 года, в Вестминстер не прибывало столь странное собрание чудаков. Лучшего описания им, чем у Скэнлона в его книге «Упадок и падение Лейбористской партии», не найти :

«Политика, однако, как и невзгоды, создает странных товарищей, но можно с уверенностью сказать, что никогда даже самые худшие формы невзгод не удавались в объединении столь странных, разнородных типов, которые оказались зажаты бок о бок в нашем лейбористском ложе в парламенте 1922 года. Все, у кого были претензии, вступали в Лейбористскую партию, веря, что она существует исключительно для исправления индивидуальных несправедливостей; и когда какой-либо богатый человек вступал в партию, он или она сразу же чувствовали, что их следует принять в парламент, чтобы с их претензиями можно было разобраться должным образом... вспомните слова г-на Эгертона Уэйка, я национального организатора лейбористов, чьей работой было продвижение кандидатов, о том, что величайшей бедой партии является избыток недовольных генералов.

В целом, в Лейбористскую партию попало несколько странных экземпляров... у каждого была навязчивая идея: одни сосредоточились на изнурённых лошадях, другие – на угнетённых меньшинствах, при условии, что меньшинства не находились слишком близко. Были генералы, которых не замечали во время войны и которые хотели изменить всю систему продвижения по службе. Другие (не генералы) были готовы посвятить своё время и силы соблюдению святости дня субботнего; другие могли спокойно смотреть на тяжёлые условия жизни безработных, но охотно развалили бы партию, если бы она предложила добавить в этот список хотя бы один рабочий клуб. Были и те, кто верил, что групповые встречи для ежедневного молитвенного обращения к Богу решат проблему бедности, а были и те, у кого не было чётких взглядов ни на что.

В 1906 году, когда некоторые депутаты-лейбористы открыто заявили миру о важных вопросах, которым они надеялись посвятить свою парламентскую жизнь, мистер Бернард Шоу извинился перед вселенной за то, что когда-либо был связан с ними. Сведений о том, что он сказал в 1922 году, не сохранилось.

Менее чем через год это разношерстное собрание стало официальным правительством страны. После нескольких месяцев правления он был в срочном порядке распущен страной. Пять лет правления г-на Болдуин подготовил национальное сознание к любой альтернативе, и в 1929 году лейбористское правительство, которому не хватало лишь немного голосов для большинства, но которое почти всегда имело фактическое физическое большинство в Палате представителей, правило с дискомфортом и позором в течение двух с половиной лет, пока кризис 1931 года не привел к временному прекращению его избирательной деятельности.

В России Керенский призывал к осторожности вплоть до того момента, когда бежал от возмущённого и разочарованного народа, который обратился к большевикам за руководством, на которое у него никогда не хватало смелости. В Италии социал-демократы захватили заводы и, не имея планов управления ими, покорно позволили фашистам вытеснить себя и уничтожить, предложив итальянцам планы вместо речей и действия вместо интриг. В Германии социалисты в 1919 году держали в своих руках всю власть, но в ужасе бежали за помощью к юнкерам ; двенадцать лет они раболепствовали перед Веймарской конституцией; а в 1933 году, почти не издав ни звука протеста, уступили место Гитлеру и дисциплинированному руководству штурмовых отрядов.

Неудивительно, что мы видим, как бывший английский депутат-социалист пишет, что существование социал-демократии зависит от того, не достигнет ли она власти. Эта статья начиналась с предупреждения о том, что

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

Если судить по результатам дополнительных выборов, Лейбористская партия должна снова получить власть на следующих выборах. Читатель вправе задаться вопросом, как, учитывая вышеизложенные факты, миллионы избирателей могут снова проголосовать за лейбористов. Ответ кроется в благовидном оправдании, которое звучит в каждой предвыборной программе лейбористов: «У нас никогда не было большинства».

Как ни удивительно, подавляющее большинство электората, похоже, искренне верит, что если бы в 1929 году в парламент вернулись ещё двадцать профсоюзных лидеров или представителей интеллигенции среднего класса, лейбористское правительство успешно выполнило бы многочисленные и разнообразные утопические обещания, данные им в ходе предвыборной кампании. Как отсутствие большинства объясняет рабочим внесение и проталкивание через Палату общин, зачастую вопреки голосам некоторых либералов и консерваторов, таких явно антирабочих законов, как Закон об аномалиях и Закон об угольных шахтах, я не берусь понять. Как проповедь классовой ненависти и сплочение масс для разгрома капитализма могут превратиться в безудержный снобизм и пресмыкающееся раболепие перед лондонским Сити из-за того, что в парламенте 294 депутата вместо 307, — загадка, которая так и не находит объяснения.

Что бы ни было не так с Лейбористской партией, она проделала большую работу по решению проблемы неудобных вопросов. Она обнаружила, что лучший способ — отвернуться от них. Объяснения сменяются обличениями, разоблачения — гневными тирадами, а невыполнение прошлых обещаний, похоже, с лихвой компенсируется в глазах электората чрезмерной щедростью обещаний на будущее.

Главное доказательство неспособности лейбористов управлять кроется не в их провале, каким бы постыдным он ни был в прошлом, а в психологии их руководства и доверчивости рядовых членов партии. Необычайная снисходительность, всегда проявляемая в Британии к тем, кто, как принято считать, сам достиг высоких постов, вероятно, объясняет странный способ, которым те, кто обладает полномочиями знать правду, позволяют елейным претензиям лидеров лейбористов на необычайную праведность не подвергаться сомнению.

Г-н Макдональд, лидер национального правительства, сегодня следует той же политике, что и в бытность его уважаемым и любимым лидером лейбористского правительства. Разница лишь в том, что эта политика более успешна, поскольку его окружают способные, а не некомпетентные люди. Однако мы видим, как лидеры лейбористов, гордившиеся тем, что следовали за ним до 1931 года, теперь поносят и осуждают его за те же самые методы, против которых они осуждали других, когда он их применял. Уровень честности настолько низок, что депутаты-лейбористы прошлого и настоящего, которые раньше толпились у его двери в надежде открыть её и сказать «Доброе утро», теперь возлагают вину за все преступления прошлого на Макдональда, Томаса и Сноудена. В одно мгновение они заявляют, что являются демократической партией, а в следующее — что в парламентской фракции, насчитывающей почти 300 человек, трое были ответственны за то, что они теперь осуждают как злодейское поведение.

Типичным примером этой нечестной пропаганды можно считать неизменное заявление в платформах лейбористов о том, что они — единственная партия, публикующая баланс, и их осуждение старых партий за коррупцию, связанную с продажей почестей и сокрытием тайных источников дохода. Многие члены партии, несомненно, верят этим заявлениям. С другой стороны, многим должно быть известно, что в течение ряда лет лидеры получали крупные частные пожертвования и использовали их по своему усмотрению — пожертвования, которые никогда не отражались ни в одном из когда-либо опубликованных заявлений. Лейбористская партия всегда осуждала пустую помпезность титулов, но изучение списков почетных званий в период её правления не указывает на какие-либо изменения в традиционном способе составления этих списков. *****Электронный конвертер DEMO Водяные знаки*****

Большая часть руководства лейбористов сознательно лицемерит в этих вопросах, рядовые члены партии настолько невероятно доверчивы, что трудно не утверждать, что они заслуживают того руководства, которое у них есть.

Что же станет концом демократии? Начав с изучения истории социал-демократии в других странах, наше исследование Лейбористской партии в Великобритании должно привести нас к убеждению, что, подобно тому, как она демонстрирует все характерные черты континентальных движений, её развитие неизбежно должно развиваться в том же направлении. Вполне возможно, что эта мысль не слишком обнадеживает. Если только нация не образумится в самое ближайшее время и не получит действенную и практичную альтернативу, негативные качества одержимой финансами Консервативной партии неизбежно приведут нас к лейбористскому большинству в Вестминстере. Тори неизбежно сохранят лейбористское правительство у власти как минимум двенадцать месяцев. Избиратели не поймут, насколько плохи были лейбористы, и не забудут, насколько плох был консерватизм в то время.

Поэтому фашизму крайне важно безотлагательно представить эту альтернативу. Нельзя допустить, чтобы трагическая история других стран проявилась здесь. Они обратились к конструктивному планированию и авторитарному руководству как к последнему средству, когда неконструктивная реакция и робкий социализм поставили их на грань катастрофы.

Лейбористское правительство, пообещавшее улучшить положение масс, придя к власти, обнаружит, что шкаф пуст. Прошли те времена, когда из избытка можно было найти несколько миллионов, чтобы подкупить рабочих. Озлобленные полным нежеланием лейбористского правительства помочь им и разъярённые безрассудным характером его пропаганды, рабочие обратятся к бунтам и коммунизму как к выходу. Встревоженные неистовыми речами, произносимыми ради достижения власти, класс инвесторов загнётся, что приведёт к катастрофическим последствиям для нашего экономического положения. Социал-демократия столкнётся со своей исторической проблемой: как удовлетворить своих сторонников, не нападая на противников. В социалистическом кредо нет решения. Меньше чем через три года мы столкнёмся с настоящим кризисом, по сравнению с которым кризис 1931 года покажется просто ничтожным.

Можно ли поверить, что демократия, какой мы её знаем сейчас, переживёт это неуклонное движение к катастрофе? Фашизм должен стремиться убедить нацию в своих планах сейчас, а не тогда, когда катастрофа уже надвигается.

Лейбористы не могут управлять, и если корпоративное государство будет отложено до тех пор, пока социал-демократия не пожинает плоды хаоса, спасение нации все равно будет заключаться в том, что умы людей будут подготовлены, а движение чернорубашечников консолидировано.

Фашизм и война.

Генерал-майор Дж. Ф. К. Фуллер

Т Взгляд фашизма на войну основан на здравом смысле, ибо фашист — реалист. Для него бесполезно обливаться проблемой войны словами и анафемами, как это часто делают те, кому удалось избежать последнего, ибо эмоциональность — антитеза реализма. Он готов исследовать проблему, как врач исследует пациента, но отказывается отвлекаться на «славу» с одной стороны или на «ужас» с другой.

Если проблема разрешима, она будет решена научным путем, то есть путем поиска истины, отстаивания беспристрастный ум и упорядоченная работа. Истерия точно не решит эту проблему.

Изучив войну с исторической и психологической точки зрения, фашист приходит к выводу, что в одних обстоятельствах войны необходимы, а в других — нет. Поэтому он приходит к выводу, что обстоятельства — главный фактор, что именно они порождают войны, и что, следовательно, сама война — не болезнь, а кульминация болезненного состояния миролюбия. Дело не в микробе, а в лихорадке, вызванной микробом. Без этой лихорадки пациент легко мог бы умереть от внутреннего отравления, но если температура поднимется выше определённого уровня, он непременно рухнет; в любом случае, когда болезнь закончится, он, скорее всего, будет физически истощен. Винить следует не лихорадку, а её причину. Фашист, следовательно, говорит: «Я займусь этой проблемой причинно-следственной связью, и пока её причина или причины не будут устранены, я буду держать под рукой запас хирургических инструментов и лекарств, свои флоты, армии и воздушные флоты, потому что не вижу причин полагаться на лечение верой и прочее шарлатанство. Следовательно, я не буду иметь ничего общего с пацифистским колдовством, которое возлагает надежды на заклинания, заклинания и пакты». Именно по этой причине он отказывается сбиваться с толку в своих поисках истины разоружением и подобными отвлекающими манёврами, ибо оружие само по себе не может создавать войн, так же как щипцы и скальпели сами по себе не могут создавать болезни.

«Поэтому, — говорит фашист, — давайте исследуем мир, ибо в недовольстве миром будут обнаружены причины войны, и пока они не будут устранены, я не собираюсь выбрасывать свои хирургические инструменты. На самом деле, чем больше истерят сторонники мира, тем больше я уверен, что война вернётся, поэтому я позабочусь о том, чтобы мои инструменты и лекарства были наиболее доступными».

Затем фашист обращается к эпохе, в которой мы живём, ибо именно из неё родится следующая война, и, беспристрастно изучив её, приходит к выводу, что сегодня существуют две основные причины войны: перенаселение и фискально-экономическая анархия. Именно они порождают военные причины — необходимость завоёвывать, терроризировать и устанавливать неприступные границы.

Первую из этих двух основных причин он рассматривает следующим образом: как бы ни было это прискорбно и досадно, факт заключается в том, что голодающий человек предпочитает нарушить закон, ворую еду, чем умереть от голода. В каждой цивилизованной и нецивилизованной стране принято считать, что человек имеет право защищать свою жизнь; так почему же этот человек должен умирать от голода, если он может сохранить свою жизнь, воровством? Следовательно, когда страна перенаселена, у неё есть два пути: она может покончить жизнь самоубийством в гражданской войне или оккупировать соседнюю территорию, что означает войну, если она не заселена.

пацифистов, одурманенных пактом. Это факты, которые невозможно опровергнуть. Учитывая перенаселенность Японии, Лиге Наций бессмысленно возражать против японской экспансии. Гораздо разумнее было бы ежегодно поставлять в эту страну несколько тысяч тонн контрацептивов.

Та же проблема стоит и перед Индией: есть «Белая книга» или нет, если индийцы продолжают размножаться такими же темпами, и экспансия станет возможной, до конца этого столетия Индия должна взорваться. В 1921 году её население составляло 320 миллионов, а в 1931 году — 350 миллионов. При таких темпах роста к 2001 году оно составит около 700 миллионов, и если Мэри Стоупс не возьмётся за дело или на каждом стебле кукурузы не вырастет по два колоса, катаклизм неизбежен. Это факт, который не могут стереть ни перо, ни чернила, ни благочестивые слова; поэтому фашист работает с фактами — он реалист.

Обращаясь ко второй из двух основных причин, фашист сразу же сталкивается с тем, что провозглашается «экономическим национализмом», в котором, как полагают многие, обитает дьявол забастовки. Не будучи зачарованным словами и названиями, он, вникая в суть, обнаруживает, что на самом деле подразумевается то, что в условиях либеральной демократии шептать – ересь, – анархическая торговля: делай, что хочешь, обманывай, подкупай, торгуйся, и к черту тех, кто отстаёт. Рынки и иностранные займы играют важную роль в этой бескровной войне с распилом кошельков. Я кратко рассмотрю их по очереди.

Поскольку сегодня все страны производят больше, чем могут купить при существующей финансовой системе, мировое производство превышает мировой спрос. Рынки, таким образом, становятся источником раздоров и площадкой для слива недовольства и товаров. Поскольку, очевидно, каждая страна не может продать больше, чем может купить, частные интересы вовлекают соответствующие правительства, и правительства бряцают оружием, чтобы запугать друг друга, — их бряцание оружием становится оскорблениями в ежедневной прессе. Жадность порождает зависть, зависть, страсть и ненависть, затем происходит какой-то инцидент, выплескивающий накопившиеся эмоции, и начинается война. Примерно то же самое происходит и в борьбе за сырье.

Ещё более весомая причина — борьба между крупными центральными банками за финансовый контроль. Если товары не могут быть оплачены товарами, должник вынужден взять кредит и немедленно попасть в финансовое рабство. Как сказал один писатель о международных финансистах: «Больше, чем любая другая сила, выпущенная на свободу в хаосе современного мира, они привели к войне». Оказавшись в их власти, можно выбраться лишь двумя способами: расторгнуть договор или бороться. Поскольку первый означает банкротство и бесчестье, обычно прибегают ко второму.

Таким образом, из-за жадности и эмоциональности, присущих массовым демократиям, оружие воспринимается не как хирургический инструмент, а как смиренная рубашка национального и международного недовольства. С его помощью сдерживаются внутренние революции и терроризируются враждебные соседи – не ради поддержания справедливости, а ради удовлетворения жадности. Опять же, от таможенной стены до укрепленной границы всего один шаг, и если существующая граница слаба, есть все основания искать новую, более прочную. В прежние времена прочные оборонительные рубежи строились ради обеспечения национального существования, теперь же они строятся ради международного ростовщичества.

11 июля 1933 года Чемберлен заявил в Палате общин: «Мы сами по-прежнему придерживаемся мнения, которого придерживались всегда, а именно, что главные проблемы, от которых сегодня страдает мир, имеют международное происхождение и могут быть решены только посредством международных действий и соглашений». Что касается их происхождения, он прав, но поскольку сатана испытывает особую неприязнь к изгнанию сатаны, фашист более чем сомневается в возможности его исцеления. Именно поэтому он не верит в договоры о разоружении, мирные пакты и международные полицейские силы, которые члены Лиги Наций или её сторонники сначала выворачивают наизнанку, а затем и загоняют в угол.

Лига выступает не за мир, а за статус-кво: она выступает за миф, инерцию, а не за изменение реальности. Мир движется, и мы должны двигаться вместе с ним; не может быть остановки без гниения, а гниение порождает войну, ибо оно разлагает цивилизацию. Например, рассмотрим проблему Австрии, нынешнего центра европейской гнили: в 1918–1919 годах великая империя превратилась в маленькое государство с огромным капиталом; то есть из положения миллионера в нищего, которому ещё нужно было платить за свой дом – Вену – миллионерскую арендную плату. В 1931 году Германия предложила Таможенный союз, и Франция, почувствовав, что её вот-вот разгромят, сразу же решила подорвать этот Союз с помощью этого неизменного оружия разрушения – Совета Лиги. Этот, по сути, экономический вопрос был передан на решение Постоянной палаты международного правосудия и был поставлен на политическую дыбу, где лебёдками управляли, помимо прочих, Сальвадор, Куба, Колумбия и Китай, находившиеся тогда в состоянии открытой анархии. Если бы Куба или Сальвадор проголосовали против, Союз стал бы свершившимся фактом; поскольку ни один из них этого не сделал, он был отменён.

Разумно это или безумно? Это ли путь к объединению мира и установлению вечного мира? Было бы разумнее и честнее, если бы Лига провозгласила: «Австрия — невозможная страна, она — нищая Европа, и если ей не позволят этот Союз, мы должны сохранить её и выплачивать ей подачку в миллионы фунтов стерлингов ежегодно». Даже в этом случае какое право имела Лига предполагать, что австрийцы — гордый народ — хотят жить в богадельне; ведь всё, чего они хотели, — это самоопределение, и они всё ещё хотят его, но не могут добиться, ибо они вынуждены жить не под правительством, которое они сами выбрали, а под коррумпированным деспотизмом. Фактически Австрии мешают осуществить её законное предназначение, навязывая ей тайную международную полицию – денежный интернационал, которому не нужно покупать иностранных наёмников, ибо он всегда может нанять местных. Именно такую силу, денационализированного головореза, единственным стимулом которого являются деньги, стремятся навязать миру Лига Наций, Новое Содружество наций и загнивающий капитализм. Если бы они это сделали, рано или поздно результатом стала бы катастрофическая революция, завершившаяся всемирным большевизмом. Так в этом ли их конечная цель?

Однако, несмотря на это вопиющее политическое мошенничество, фашист больше всего возражает против коварной моральной атаки, развёрнутой под прикрытием благочестивых банальностей и истеричного лицемерия, против всего мужественного и духовного в человечестве. Честь, добродетель и вера во что-либо более благородное, чем просто жизнь, должны быть подчинены международному правовому контролю. Но разве мир или поддержание мира любой ценой – это цель жизни? Разве в этом мире нет ничего дороже жизни? Разве люди – всего лишь животные? Вслед за Джеймсом Мартино фашист полагает, что:

«Уважение к человеческой жизни доходит до безнравственного идолопоклонства, когда она почитается более священной, чем справедливость и право, и когда зрелище крови становится ужаснее зрелища опустошительной тирании и торжествующего лицемерия... ничто не может быть слабее или самоубийственнее, чем заявление людей, являющихся гражданами государства, о том, что они, со своей стороны, намерены ценить жизнь выше справедливости. И если наступит день, когда народы будут согласны передавать любой спор, каково бы ни было его происхождение, на рассмотрение суда, то, возможно, дело не в том, что мир стал лучше, а в том, что люди стали подлее и низме, потому что для них больше нет ничего дороже жизни».

Жить – это побуждение природы; но жить праведно, то есть в соответствии с нашими глубочайшими убеждениями, – несомненно, основа всякой морали и религии. Может ли человек, верящий, что он отражает волю Божью, передать свою веру на суд полиции? Поэтому «Жить опасно» представляется более благородным и справедливым жизненным девизом, чем

«Безопасность прежде всего», которая, будучи применена к сердцу человека, не может привести ни к чему иному, кроме как к выведению расы бездуховных евнухов.

Таким образом, в философии фашизма жизнь рассматривается как средство достижения цели, а не как сама цель. Индивид смертен, но государство, не только масса людей, но и то, что благородно, вдохновенно и вдохновляюще в их истории, двумя словами – национальная духовность, бессмертно и бесконечно больше. Именно для этого каждый человек должен жить, не просто чтобы поддерживать его, но и чтобы поддерживать его своей жизнью, мыслями и действиями. Это борьба за то, что должно быть сделано, а не просто отмечение времени на достигнутом. Если в этом духе ещё есть что-то от активности дикого кабана, то, хвала небесам, в нём ещё нет инертности свиньи на скотном дворе.

Благодаря этому динамизму, этой неотъемлемой мужественности фашизм выступает за мир, однако он не боится войны, ибо боится лишь инертного существования. Поэтому кредо фашиста о мире и войне гласит следующее:

Законная цель войны — более совершенный мир, потому что война — это хирургический инструмент.

Законная цель мира — более совершенный человек, потому что мир — это творческий инструмент.

И законная цель человека — более совершенный мир, потому что человек — божественное орудие.

Как он претворяет это кредо в действие, ведь без действия не может быть возрождения? проблему, которую я сейчас рассмотрю.

Историю вражды можно разделить на два основных периода: внутренние революции и внешние войны; первые порождали вторые, а вторые – первые. Теперь я рассмотрю их по очереди.

Фашист говорит следующее: международное недовольство – это всего лишь сумма бесчисленных национальных недовольств. Если сравнить мир с домом, то, поскольку его кирпичи и раствор гнилые, его фундамент постоянно проседает, а стены обрушиваются. Поэтому первая проблема в установлении созидательного мира во всем мире заключается в том, чтобы каждая страна привела свой дом в порядок; ибо пока страны находятся в состоянии внутренней гнили, как только кризис становится неизбежным, их политики будут пытаться сохранить свою власть, направляя недовольство наружу, то есть прочь от дома, на внешние дела. Это самый старый и верный путь к войне.

Прекрасным примером этого является послевоенная Франция. Её система правления насквозь коррумпирована, так что же делают её политики? Чтобы отвлечь внимание народа, они громкогласно заявляют, что Франция в опасности, и гипнотизируют народ словом «безопасность». Если бы можно было обезопасить Францию от любого нападения, были бы французские политики благодарны? Нет, они бы ужаснулись, понимая, что, поскольку народу больше не нужно бояться внешней войны, он обратит своё внимание на внутренние реформы и революцию. «Безопасность» — это на самом деле не щит, выставленный против Германии, а пуленепробиваемый панцирь, под которым ползают Ставские.

Хотя почти в каждой стране причина недовольства экономическая, её выражение, как и должно быть, моральное. Бедность порождает не только нужду, но и чувство несправедливости. То, что в эпоху потенциального изобилия всё ещё существует реальная и чрезмерная бедность, кажется преступлением, и когда правительство рассматривается как сборище гангстеров, страдающий и мыслящий человек начинает верить в своё право свергнуть его. Это фундаментальная причина всех социальных революций. Лишение справедливой доли производства из-за устаревшей системы распределения — это не что иное, как грабеж. Если грабитель проникает в ваш дом и угрожает вашей жизни, вы имеете право защитить её.

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

Даже ценой собственной выгоды. Отчаявшийся человек смотрит на политическое убийство под тем же углом, и когда он осознаёт, что именно финансист использует политика как ширму между ним и тем, что он считает своей законной долей богатства, можно ожидать первого в истории банковского спада.

Фашист спрашивает: «Зачем решать проблему финансовой анархии путём социальной анархии? Почему бы вместо этого не решить её путём экономической реорганизации?» Бедность и, как следствие, революция порождаются неравномерным распределением богатства, прогнившей финансовой системой, сокращением заработной платы, ростом цен и общим падением уровня жизни; почему бы тогда не организовать национальную промышленность так, чтобы она могла контролировать себя, выражать себя и реформироваться? Это не социализм, в котором государство контролирует труд, поскольку контроль над промышленностью, предлагаемый здесь, осуществляется теми, кто создаёт и поддерживает труд. Фактически, это чистейшая форма кооперативной демократии, которую политические демократии никогда не пытались реализовать. Этот контроль фашист намерен установить посредством корпоративного государства. Отрасли промышленности будут разделены на самоуправляющиеся группы, каждая из которых будет выбирать промышленную корпорацию, состоящую из работодателей, рабочих и потребителей. В такой организации нет места классовой борьбе, забастовкам и локаутам. Вместо борьбы за повышение заработной платы, целью станет повышение уровня жизни по мере того, как наука и промышленность увеличивают производительность труда. Что это означает? Эксплуатация будет заменена организацией, и будет создан новый социальный организм.

После того, как процветание достигнуто, следующим шагом станет вдохнуть новую жизнь в экономическую пыль. Как человек – существо отчасти физическое, отчасти моральное и отчасти интеллектуальное, так и общество людей – отчасти экономическое, отчасти культурное и отчасти политическое. Следовательно, как и в самом человеке, экономические факторы должны быть сгруппированы в органы и конечности; так же и культурные факторы должны быть почти полностью предоставлены отдельным людям, а политические должны обладать властью над всем. Под этим я подразумеваю, что основная деятельность политики будет заключаться в регулировании отношений между отдельными людьми и группами, а также в руководстве этими органами и конечностями, государственными службами, которые только они могут контролировать.

Из этого можно сделать следующий вывод: частная жизнь отдельных людей будет максимально свободной; процветание групп трудящихся будет зависеть от организации, основанной на функциях, и управление всем обществом будет осуществляться людьми высокого интеллекта, знаний и опыта. Другими словами: культурная жизнь индивидуальна, экономическая – коллективна, а политическая – директивна и авторитарна. Когда эти три вида деятельности – самовыражение, групповое самовыражение и национальное самовыражение – работают вместе, достигается наивысшая экономия культурной, экономической и политической жизни. Эта экономия – истинная свобода, а свобода от недовольства – основа национального мира.

Теперь я перейду ко второй половине проблемы войны, то есть от национальных революций к внешним войнам, и здесь мы снова обнаруживаем, что настоящий мир должен быть установлен на экономической основе.

Что же является этой основой сегодня? Анархия золота, краеугольный камень существующих международных и национальных валютных систем. Чтобы получить золото или установить золотую валюту, страны должны иметь активные «благоприятные» торговые балансы. Те, кому это удастся, могут либо изымать золото у стран с «неблагоприятным» торговым балансом, либо вынуждать их занимать разницу в форме займа. Как сказал один из авторов, писавший по этому вопросу: «Вместо того, чтобы торговать товарами и услугами к взаимной выгоде, страны вынуждены бороться не на жизнь, а на смерть за «благоприятный» баланс, то есть за золото, под страхом оказаться в унижительном и жалком положении заложника у своих успешных конкурентов». Это прямой путь к войне, поскольку, как я уже отмечал, только война может положить конец этому рабству. *****Конвертер электронных книг DEMO Водяные знаки*****

Очевидно, решение этой проблемы заключается в отказе от золота как меры богатства и в том, чтобы основывать валюту на реальном богатстве, не на одном товаре, который можно скупить, а на всех товарах, имеющих рыночную стоимость. Тогда экспорт придётся оплачивать импортом, иначе он станет подарками для страны, получающей его. Как говорит вышеупомянутый автор: субсидируемый государством экспорт тогда станет бессмысленным. Пошлины, поскольку они исключают импорт, в той же мере исключают и экспорт. Курсы валют будут неизбежно фиксированы, что устранил спекулянтов, и страх перед ростовщиками исчезнет.

Я не могу здесь вдаваться в подробности того, как следует ликвидировать существующую финансовую анархию; но очевидно, что в демократических правительствах, власть которых зависит от интересов и предрассудков золотого стандарта, решение не может быть иным, кроме как катастрофой. Взгляните на существующий в этой стране аппарат, призванный провести столь сложную реформу.

Премьер-министр должен передать проблему Кабинету министров, а Кабинет министров — Парламентской партии, а если у власти окажется лейбористское правительство, то Парламентская партия должна передать ее Конгрессу тред-юнионов и Конференции лейбористской партии, в то время как за всеми этими собраниями стоят заинтересованные стороны, дергающие за ниточки.

При фашистском правительстве, как только эксперты рассмотрят вопрос, премьер-министр скажет «да» или «нет». Если «да», то мера станет законом. И если другие страны проявят интерес, что вряд ли возможно, если они находятся под фашистским руководством, то механизм принятия решений будет таким же, и быстрое соглашение станет возможным.

Если согласиться, ради аргумента, что эта основная причина войны устранена, то у нас останется то, что можно назвать биологической причиной, а именно, перенаселение, на которое никакая экономическая перестройка не может повлиять напрямую, поскольку оно находится вне контроля правительства.

В странах с высоким уровнем жизни эта проблема автоматически решается снижением рождаемости. Но в странах с низким уровнем жизни, то есть в странах, где индустриальная цивилизация ещё не полностью развита, в течение многих лет можно ожидать роста рождаемости. Обращаясь к мировой статистике, мы обнаруживаем, что в то время как в Западной Европе прирост населения снижается, в Восточной — нет, в то время как в России и обширных районах Азии есть место для сотен миллионов новых людей. Если Азия будет индустриализирована по тем же принципам, что и в России, не приходится сомневаться, что эти сотни миллионов родятся, и что наступит время, когда перенаселение вынудит их к экспансии на Запад. Что это означает? Ни больше, ни меньше, как межконтинентальную войну между Азией и Европой. Чтобы подготовиться к этой войне, европейские страны должны прекратить свои внутренние распри и объединиться, а объединиться им никогда не удастся, пока их разделяют экономические и финансовые разногласия. Если восточноевропейские страны не смогут найти места в своих границах для растущего населения, то из двух зол меньшим будет расширение на восток, а не на запад. Такое расширение не только будет проходить по линии наименьшего сопротивления населения, но и будет направлено в сторону, а не от наибольшей военной угрозы, которая когда-либо могла бы угрожать западной цивилизации.

Из этого краткого экскурса в будущее возможности мы видим, и, по-моему, окончательно, что проблема войны не может быть решена мирными договорами и пустыми соглашениями. Это реальная и актуальная проблема, часть которой может быть решена организованно, а часть — предотвращена только объединённой и мощной в военном отношении Европой.

Поскольку, даже когда фашизм придёт к власти в нашей стране, ему совершенно невозможно единолично управлять судьбами Европы, важнейшей военной проблемой, стоящей перед нами, является безопасность и оборона нашей империи. Здесь мы находимся на своей собственной территории и в рамках определённых, хорошо известных

Определенные границы можно устанавливать по своему усмотрению. Это подразумевает лидерство и действие.

Поскольку в цивилизованной стране материальной основой любой военной мощи является экономическое богатство, первой проблемой имперской безопасности является развитие Империи. Однако можно сказать, что, поскольку доминионы сегодня являются автономными самоуправляющимися государствами, ни одно правительство метрополии, фашистское или иное, не в состоянии выполнить эту задачу. Если предполагается принуждение, фашист всецело согласен. Но для него принуждение совершенно излишне, поскольку, будучи реалистом, он считает, что, поскольку развитие зависит от сотрудничества, то и сотрудничество, в свою очередь, должно быть основано на личных интересах.

Нет никакого смысла говорить о кровном братстве и традиционных узах, поскольку это общепризнанные факты, и никто не сомневается в их связующей силе; кроме того, они находятся вне материальной сферы и, следовательно, не затрагивают экономические вопросы. Реально полезно предположить, что самостоятельная Империя означает не только более процветающую, но и более безопасную Империю, поскольку в сообществе наций она станет настолько мощным инструментом мира, что фактически запретит войну. Для самостоятельная Империя войны, за исключением тех, которые возникают из-за перенаселения и находятся вне политического контроля, губительны. Следовательно, Империи выгодно поддерживать мир во всем мире. Поэтому ей выгодно, чтобы все ее части сотрудничали экономически. Это может означать потерю иностранных инвестиций; но в скором времени эта потеря будет полностью компенсирована постоянно растущим благосостоянием.

Чтобы сохранить это процветание, мы непосредственно подходим к проблеме обороны. Где же находится сила, необходимая для обороны? Во-первых, в британском флоте, поскольку ещё долгие годы доминионы не смогут строить и содержать мощные военные флоты. Во-вторых, в военно-воздушных силах и армии.

Что касается третьего из этих оборонительных инструментов, поскольку современные, то есть механизированные, армии – именно тот тип, который нам нужен, то доминионы столкнутся с той же проблемой стоимости, с которой они сталкиваются при строительстве современных флотов. Но что касается второго, военно-воздушных сил, то здесь ситуация совершенно иная, поскольку доминионы, охватывающие обширные пространства, являются естественными рассадниками гражданской авиации, а гражданская авиация – основой военной авиации.

Таким образом, проблема решается следующим образом: Великобритания должна прежде всего нести ответственность за свою внутреннюю противовоздушную оборону, а затем нести имперскую ответственность за все морские коммуникации и содержание небольшой, но мощной механизированной армии, которая в войне будет действовать подобно имперской пожарной команде. В свою очередь, доминионы должны нести ответственность за свою собственную противовоздушную оборону и, следовательно, создать сильные и эффективные военно-воздушные силы.

При наличии таких сил проблема сводится к сотрудничеству, и в ее решении есть два основных фактора, а именно: создание сети защищенных посадочных площадок, аналогичных по своему назначению нашей существующей сети защищенных угольных станций, и создание Имперского Воздушного Совета, который может консультировать народы Империи по вопросам противовоздушной обороны и развития военно-воздушных сил.

Однако, если наша Империя хочет выстоять, это наша самая важная задача, наша самая неотложная задача – реорганизация и перевооружение наших боевых сил. С момента окончания войны череда несостоятельных правительств довела их до состояния бессилия. Наш двусторонний военно-морской стандарт был отброшен, и сегодня мы испытываем опасную нехватку крейсеров, эсминцев и подводных лодок. Что касается этого последнего оружия, то мы теперь во власти Франции. Наша армия сократилась в размерах и боеспособности, и, хотя нехватка лошадей вынудила нас частично перейти на моторизацию, избыток архаичных мозгов поддерживал в ней такую бесполезную массу...

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

пехота, что это всего лишь непомерно дорогая полиция. Тем временем Королевские ВВС опустились с первого на шестое место среди военно-воздушных сил мира.

Фашист этого не допустит. Его не волнуют ни стандарты власти, ни эмоциональные ограничения. Он реалист и говорит: «Если мне доведется жить, как мне и приходится, в шахтёрском лагере времен золотой лихорадки, я буду носить ружьё на поясе».

Его взгляды таковы:

Нам необходимо защищать десятки тысяч миль морских путей, и для того, чтобы защитить их от всех, а не от наиболее вероятных нападений, нам необходим флот, во всех отношениях соответствующий этой цели.

У нас армия девятнадцатого века, а должна быть армия двадцатого. Армия не из тонн человеческой плоти, а по механической ударной мощи: мало людей и больше машин, потому что это век машин, а не мускулов.

Мы хотим и будем иметь Военно-воздушные силы, которые могут защитить нас, будучи настолько мощными, что любой Враг в радиусе эффективного действия много раз подумает, прежде чем атаковать нас.

Наконец, нам нужно стратегическое Министерство обороны, которое сможет планировать и разрабатывать планы для трёх видов вооружённых сил, как если бы они были единым целым. То есть, мы хотим самодержавия в сфере обороны в мирное время, потому что знаем, что во время войны только самодержавие сможет и будет целенаправленно направлять стратегию.

Если другие страны заявят, что наша страховка от войны и наша гарантия победы в войне – милитаристские, пусть так и поступают. Хотя мы и не стремимся к гонке вооружений, мы не намерены в следующий раз, когда на нас нападут, оказаться в ситуации, когда нам придётся убегать от вооружений нашего противника. Мы предпочитаем смотреть фактам в лицо, открыто и прямо, вместо того, чтобы слепо закрывать на них глаза.

Думаю, я уже рассмотрел наиболее важные проблемы, с которыми мы сталкиваемся в связи с войной и её подготовкой, и ясно показал, что разница во взглядах фашиста и большинства других людей заключается в том, что, хотя фашист считает войну неизбежной или предотвратимой при любых обстоятельствах, он считает войну необходимой или ненужной в зависимости от условий мира. По сути, это различие идентично тому, которое отделяет алхимика от учёного.

Война — реальность, и к ней следует относиться соответственно. Понятно, что после последней войны люди обратились к идеализму, хотя бы для смены атмосферы. Также понятно, что все правительства, движимые общественным мнением, по самой своей природе вынуждены подливать масла в огонь. Это факты, которым невозможно противостоять; однако это не означает, что их невозможно изменить. Хотя фашист не хочет войны, поскольку война — это мера недовольства миром и, следовательно, мера несостоятельности правительства, он не бросается в другую крайность и не упует на политические фокусы и жульничество.

Более того, он не считает, что наш век воинственен, и полагает, что это убеждение подтверждается тем фактом, что правительства не перестают говорить о войне. Как это возможно? Потому что в жизни страны существуют только две большие категории проблем: внутренние и внешние — внутренние дела и иностранные дела. Если вы не хотите, чтобы люди занимались первыми, сосредоточьте их внимание на вторых. Этот трюк, распространённый у каждого фокусника, — движущая сила демократической политики.

Он считает, что проблема войны – научная, а не эмоциональная: необходимо выявить её причины, изолировать вирус и создать антитоксин вместо болтовни и пустых разговоров. Как и в настоящее время,

*****ДЕМОНСТРАЦИЯ водяных знаков для конвертера электронных книг*****

Казалось бы, в течение некоторого времени ничто, кроме всеобщего высокого уровня жизни, не устранил войны, возникающие из-за перенаселения. Фашист считает, что вооружённые силы потребуются, и, следовательно, эффективные окажутся более полезными и экономичными, чем устаревшие. Хотя человек подвержен влиянию традиций, а мужественные традиции имеют первостепенное значение на войне, оружие, очевидно, не может быть таковым. Поэтому фашист не смешивает сентименты с пушечными ядрами.

Хотя объединённая Европа — великий идеал, который фашист приветствует и считает возможным под фашистским контролем, поскольку тогда все правительства будут взаимодействовать друг с другом посредством организованной системы, важнейшим фактом сегодня является то, что единственная реальная лига наций в мире — это Британская империя. Вот, таким образом, наша истинная отправная точка на пути к созидательному миру. Отправная точка, которая охватывает примерно четверть земного шара и четверть его населения. Мир в наших руках, если мы только поймём его реалистично. Неужели мы, как нация, после столетий тяжёлого труда, теперь собьёмся с пути и превратимся в толпу отставших? Фашист отвечает: «Нет»; отсюда его лозунг — «Вперёд».

«Вперёд в фашизм»

Освальда Мосли

Ф Пропаганда ASCIST стала неотъемлемой частью нашей национальной жизни. Два года труда и самопожертвования принесли награду народу за признание этого движения патриотической, революционной и истинно британской силой.

Британский рабочий наконец-то получил возможность отождествить свою естественную любовь к родине с праведное и необходимое стремление к коренному улучшению его условий.

Империалист, который раньше не задумывался о нищете и нужде, угнетавших миллионы его собственных соотечественников, теперь смог понять, что в этот современный научный век не может быть ни оправдания, ни смягчения вины за безработицу и нищету.

Третий год существования нашего Движения ознаменовался беспрецедентными победами в пропаганде; но его величайшим достижением стало создание научной и абсолютно надежной организации, без которой никакая пропаганда не может дать результатов, имеющих непреходящую ценность.

Органическая структура Движения в целом в настоящее время включает в себя почти 500 округов, находящихся в процессе формирования по парламентскому принципу, и все они связаны и объединены организацией, основанной на деятельности чернорубашечников. Создание этой абсолютно надежной машины тем более примечательно, что она не поглотила столько энергии Движения, чтобы это не помешало пропаганде. Напротив, она внесла огромный вклад в успех двух величайших пропагандистских операций в современной британской истории. Знаменитая кампания «Mind Britain's Business» пробудила в народе сопротивление бессмысленной войне, и это становится все более очевидным с каждым днем, по мере того как политики отходят от фантастической и напыщенной позиции, которую они занимали, когда, не осознавая мощи нашей пропаганды, впервые задумались об использовании военной и военно-морской силы в споре, который не может быть решен.

беспокоят нас.

Вторую великую операцию будут помнить под девизом «Фашизм в следующий раз». В ходе недавней избирательной кампании наше Движение проводило столько собраний, сколько могла организовать любая из старых партий. Наши собрания, как правило, были заполнены до отказа, их же зачастую были практически пустыми. Наши собрания, почти без исключений, проходили мирно и организованно; их же собрания очень часто сопровождалось хулиганскими выходками и насилием, которые не были бы допущены ни на одном фашистском собрании. В конечном счёте, мы сохранили свободу слова; они же пытались её отрицать и сами её утратили.

На наших собраниях в разгар предвыборной борьбы происходило привлечение большого количества новобранцев. Мы верили, что нас выслушают с интересом; что нас не заставят замолчать знакомые нам восточные подлые люди; что массы людей вступят в наши ряды именно в то время, когда мы отказались выдвигать кандидатов, — это высшая дань уважения, которую можно отдать мудрости воздержания от участия в выборах до тех пор, пока мы не сможем атаковать врага с помощью необходимой высокотехнологичной техники по всему его изрезанному и разрозненному фронту.

Итак, в конце 1935 года мы можем осознать, насколько успешными были и пропаганда, и организация. Если мы не можем быть довольны, пока не выполним свою задачу, то все мы можем гордиться каждым часом проделанной работы, каждой маленькой жертвой, принесённой ради дела, которое заключается в *****электронном конвертере DEMO Водяные знаки*****

спасем наш народ, объединив все благородное в национализме со всем полезным в социализме.

Оглядываясь назад, следует признать, что наше сопротивление еврейскому натиску было столь же триумфальным, сколь и необходимым. Поскольку евреи не позволили бы британскому движению работать, думать и сочувствовать только за Британию, поскольку это ввергло бы нас в катастрофическую борьбу с великим народом, чей Вождь спас Европу от коммунизма, они оказались отброшены на постепенно ослабевающую оборону, поскольку пробудили в Британии антисемитские настроения, в которых виноваты только они сами. Мы можем с гордостью сказать, что, если бы наше движение не обладало смелостью бросить вызов угрозе еврейских международных финансов и еврейского большевизма, оно не только не оправдало бы доверия народа, но и избежало бы решающего испытания, из огня которого оно вышло закаленной сталью.

Мы радуемся испытаниям такого рода, ибо только они могут гарантировать, что наше членство будет стойким, верным и готовым к жертвам в великолепном проявлении того высокого человеческого качества, которое было пробуждено фашистской борьбой — «силы терпеть».

В наступающем году необходимо удвоить все усилия и побить все рекорды успеха. Мы взяли на себя обязательство бороться на следующих выборах, и это обязательство будет выполнено благодаря колоссальной работе по формированию в нескольких сотнях округов избирательных организаций, превосходящих организации старых партий. Задача трудная, но наш актив значительно превосходит актив любой из старых партий.

Трёхнедельная поездка, завершившаяся как раз перед Рождеством, выявила как личный состав, так и дух, с которыми не может сравниться ни одна другая сила в Британии. Офицеры из каждого округа собирались на районные конференции каждый вечер и часто днём. Они были достойными представителями типичной британской мужественности, которую они возглавляют в своих районах. Женщины-офицеры также представляли постоянно растущую силу нашего Движения истинно британской женственности. Местные проблемы организации и политики рассматривались с пристальным вниманием к деталям, невозможным на коротких, неопределённых и скудных ежегодных конференциях старых партий. Национальные планы на следующий год обсуждались всесторонне и откровенно и по всей стране были приняты с воодушевляющим всеобщим энтузиазмом. Прежде всего, эти тесные личные контакты и отношения сохранялись даже в условиях нынешнего бурного роста Движения, которые так ярко характеризовали ранние дни фашистского братства.

Нас ждёт Новый год фашистской мощи. Движение, которое осмелилось презирать объединённую мощь еврейского международного финансового сообщества и его пропагандистские ресурсы; Движение, успешно бросившее вызов «консервативной власти, красному фронту и массированным рядам реакции», больше не может довольствоваться обороной. Преодолев огромные препятствия на своём пути, мы должны теперь работать над собственной победой. Масштаб и скорость этой победы должны зависеть от неустанных и целенаправленных усилий каждого участника.

Сила через радость.

Автор: доктор Роберт Лей

Т Национал-социалистическая организация «Сила через радость» была создана по приказу нашего Вождя, Адольфа Гитлера. Однажды он послал за мной и сказал: «Я хочу, чтобы у немецких рабочих было достаточно времени для отдыха и отпуска, чтобы нервы нации были крепкими; ибо невозможно ничего добиться, даже с помощью величайшего государственного деятеля, если нервы нации разрушены». Моим долгом стало исполнение этого приказа Вождя, и в ноябре 1933 года «Сила через радость» появилась на свет. Многие, даже среди моих самых близких соратников, не понимали ни моей цели, ни намерений Вождя. Многие считали, что это способ пустить пыль в глаза рабочим и отвратить их законное стремление к социальной справедливости. Другие же видели в этом новое поле деятельности для создания новых учреждений. Лишь очень немногие осознавали в то время колоссальное начинание, которое сегодня пульсирует по всей Германии и уже простирается далеко за пределы нашей страны. Кажется чудом, когда задумываешься о том, как идея, над которой смеялись многие, презирали другие, которую оскорбляли и поносили противники, на которую даже самые близкие друзья смотрели только с тревогой и опасением, за короткий промежуток времени, чуть больше двух лет, завоевала сердца людей и была воплощена в жизнь самими людьми.

Название, которое мы имеем в виду, абсолютно верно описывает нашу цель: Национал-социалистическое сообщество «Сила через радость». Необходимо тщательно продумать значение каждого слова: Национал-социалистическое сообщество. Сообщество – его основа, и здесь снова ясно видно, что только оно способно и компетентно быть источником радости. В этом мы, национал-социалисты, снова ясно видим, что культура и искусство неразрывно связаны с общностью нации и расы и не могут существовать изолированно, в вакууме. «Сила через радость». Мне посоветовали назвать это «После работы». Но я никогда не был сторонником подражания, предпочитая всегда проверять, нельзя ли создать что-то самому.

«Дополаворо» молодой Италии, безусловно, может показать великие результаты; это, несомненно, великое достижение. Но оно не совсем соответствует той цели, которую мы имеем в виду. Это нейтральное выражение, которое не передаёт ни нашего желания, ни того, что повелел Вождь. Вождь сказал: «Я хочу иметь сильную нацию: позаботьтесь о том, чтобы темп работы, который рационализация и весь ход событий и без того сделали бессмысленным, был уравновешен отдыхом и отпуском, которые получают эти люди; и позаботьтесь о том, чтобы нервы народа не были испорчены». Заповедь Вождя заключалась в том, чтобы дать нации силу, и одновременно он показал, как эту силу обрести: отдыхом, праздниками, радостью.

«Сила через радость» – пожалуй, самое краткое и ёмкое выражение всей цели национал-социализма. Это воплощение мировоззрения, которое национал-социализм дал Германии; оно выражает то позитивное отношение к жизни, которое пульсирует в нас и заменяет отрицание жизни, господствовавшее в нашей нации в прошлом столетии. Ибо то, что мы видели в прошлом во всех сферах жизни, то, что характеризовало все наши исчезнувшие партии, было отрицанием жизни!

Мы, национал-социалисты, не желаем воспринимать жизнь как путешествие по земной юдоли слёз, как постоянную подготовку к лучшему Загробному. Мы хотим сделать жизнь – и особенно жизнь наших беднейших братьев-немцев – настолько прекрасной и светлой, насколько это возможно. Мы верим, что эта наша жизнь достойна того, чтобы быть прожитой; и мы верим, что Господь Бог создал нашу многогранность не для того, чтобы снова обречь её на вечное разрушение и уничтожение. Все, кто верит, что своей жизнью и делами они должны исполнить святую миссию в этом мире, все, кто исполнен этой веры, – в глубине души национал-социалисты.

Поэтому нам нужны силы для борьбы. Наша жизнь не наполнена райскими богатствами; для нас главное – борьба. Жизнь – это борьба, а борьба – это существование. Мы не знаем конца, где одни в вечном безделье ждут своего удовольствия, а другие – вечного проклятия. В вечности мы знаем только борьбу как выражение нашей веры и нашей жизни. И для этой борьбы мы стремимся дать нашему народу постоянный приток новых сил.

Труд – это лишь иное выражение борьбы. Каждый наш соотечественник, будь то рабочий или крестьянин, художник, учёный или солдат, в каждый момент находится в этой борьбе за существование своего народа и за себя самого. И поскольку эта борьба поглощает нервы и силы, человеку необходимы средства для этой борьбы, а следовательно, и восполнение этих средств, обновление сил. Поэтому отдых и каникулы являются для нас внутренней потребностью.

Некоторое время назад один видный иностранный студент, изучающий социальную экономику, спросил меня: «Каково ваше отношение к вопросу об отпусках? Будете ли вы в Германии законодательно устанавливать продолжительность отпусков и одновременно регулировать законом ставки оплаты?» Я ответил: «Мы не просто потерпим всеобщее введение отпусков, но и сделаем их юридически обязательными, потому что это одно из наших требований». «Но извините», — сказал он, — «во всех странах работодатели борются со своими работниками, и тем не менее вы в Германии утверждаете, что даже работодатели постепенно начнут требовать эти отпуска?» «Да, не за горами время, когда самыми яркими поборниками отпусков и отдыха будут не рабочие, а работодатели».

Национал-социализм – это победа разума над безумием, и вполне разумно, что измученный и обессиленный человек должен восстановиться, чтобы быть в состоянии выполнять свою будущую работу гораздо лучше. Это означает, что отпуск становится требованием здорового, разумного здравого смысла. Мы требуем отпуска не из жалости, а в знак признания того, что они еще больше увеличат производительность нашего народа. Работодатель не имеет никакой выгоды в том, чтобы на него работал уставший и измученный человек; такой человек просто расходует энергию, в то время как машины продолжают работать, потребляя энергию, стоя деньги и изнашиваясь. Человек также перестает быть производительным, так что работодатель несет двойную потерю: он не только платит заработную плату за снизившуюся производительность, но и оплачивает энергию и мощность неиспользованной машины. С другой стороны, если человек бодр, работодатель легко компенсирует разницу, полученную за счет оплаченного отпуска. И работодатель увидит, что его баланс станет не дебетовым, а, наоборот, покажет улучшение в кредитовой части; он увидит, что и он, и работник останутся в выигрыше.

Действительно, для национал-социализма характерно то, что он не делает ничего, что было бы выгодно только одной стороне. Если бы мы делали что-либо, что помогало бы только рабочему и одновременно наносило ущерб работодателю, это не принесло бы пользы нации в целом; вещь хороша для отдельного человека, если она хороша для немецкого народа в целом, а немецкому народу хорошо, чтобы у людей были отдых и каникулы. Мы часто слышали, и это продолжается и сегодня, как человек говорит: «Я хотел бы иметь восемь выходных дней; дайте мне мои деньги; но я не хочу уезжать отдыхать, я останусь дома». Нет, это неправильно; это было бы...

бросать деньги на ветер; ведь дома человек не может найти себе отдыха. Суть в том, чтобы время от времени вытаскивать его из мансарды, где он постоянно видит лишь нужду и страдания, и отправлять на морскую прогулку, или в горы, или на Рейн, чтобы он научился на восемь дней забывать о будничном мире. Недостаточно того, что проповедуют марксисты: «Мы хотим праздников»; нужно что-то делать с праздниками — то есть, Силу через Радость.

К концу первого года я мог сказать, что организация «Сила через радость» стремительно покорила Германию. Сегодня наши достижения настолько велики, что на них обращают внимание и зарубежные страны. Независимо от того, поддерживают они Германию или нет, все за рубежом с интересом наблюдают за нашей молодой организацией, которая сделала возможным то, что до сих пор считалось невозможным, — мечтой многих лет каждого социалиста мира. Мы надеемся побудить мир взглянуть на Новую Германию иначе, чем это часто пытается нам внушить злонамеренная пресса.

Например, «Diario da Manhã» приводит пример растущей благосклонности мирового общественного мнения; в номере от 12 октября 1935 года мы читаем следующее о морском путешествии «Сила через радость»: «Это революция, которую Германия, с твёрдой и дисциплинированной волей своего народа, сплотившегося вокруг Адольфа Гитлера, готовится осуществить. Каковы будут её последствия и конечные результаты? Пока ещё слишком рано их оценивать; но одно несомненно: немецкий дух работает над созданием новых жизненных концепций и решением самых нерешённых проблем нашего времени». Норвежская газета «Karmoy Posten» от 27 сентября 1935 года публикует интересную дискуссию о ценности путешествий «Сила через радость» между норвежцем и господином Рабиновичем. Норвежец пишет, ссылаясь на предоставленные вами зарисовки об ужасах морских путешествий: «... жизнь на борту во время такого хотел бы отметить, что я лично путешествия должна быть тесной и стесненной во всех отношениях; я принимал участие в одном из них и знаю, что это чепуха...»

· Вы точно никогда не были на борту парохода «Сила через радость». Нельзя. Любая демократическая страна, отбросьте за борт всякое чувство · которой вы хотите, могла бы гордиться. справедливости. организация «Сила через радость».

Я мог бы продолжать список подобных дружественных высказываний в зарубежной прессе до бесконечности, но из суждений, сформированных всеми теми, кто проявил серьезный интерес к нашей организации, ясно одно: идея «Силы через радость» утверждается благодаря своим неоспоримым достижениям и в других странах.

Поэтому мы поступили правильно, предприняв поездки в другие страны. Мы продолжим начатый путь, и в марте этого года отправимся с нашим флотом «Сила через радость» через Атлантику в Лиссабон и Мадейру. Кроме того, начиная с 1936 года, каждую весну и осень мы будем совершать поездки на юг. Опыт, полученный нами во время наших первых пересечений Атлантики в Португалию, оказался настолько благоприятным, что мы решили продолжить эти путешествия, как уже было сказано. Никто не может лучше представить новую Германию, чем немецкий рабочий, путешествующий с «Силой через радость».

Помимо этого, в этом году мы реализуем ряд крупных специальных проектов. Если вспомнить, куда отправились пять миллионов отдыхающих в рамках программы «Сила через радость» в 1934 и 1935 годах, то окажется, что из этих пяти миллионов более трёх миллионов отправились в приграничные районы нашей страны. Там они возвели живую стену немецкого социализма. Жителей приграничных земель посетили братья-немцы со всей Германии. И эта крепкая дружба, которая именно отличает поездки в рамках программы «Сила через радость» от частных поездок, дала этим братьям на границе новую духовную опору. *****Конвертер электронных книг DEMO Водяные знаки*****

Мы продолжим эту методичную работу и значительно её расширим. Для достижения этой цели мы инициировали масштабную кампанию и намерены снизить и без того низкие цены на программу «Сила через радость» ещё на 30%. Когда это было предложено, многие эксперты покачали головой, посчитав, что это невозможно. Теперь, после непродолжительного периода подготовки, я могу сказать, что уже в этом году более низкие цены будут доступны 350 000 отдыхающих, и это без необходимости для компаний, предоставляющих услуги размещения, отступать от утверждённых тарифов.

Это означает, что на средние расстояния немецкий рабочий может отправиться в недельный отпуск, потратив от 12 до 15 или 16 марок, включая проезд, проживание и питание, а также всевозможные коллективные мероприятия. Это позволит нам охватить новые слои рабочих, которые в силу своего экономического положения до сих пор не могли участвовать в поездке «Сила через радость». Эти новые массы станут лучшими отдыхающими, потому что они будут самыми счастливыми и довольными. Мы повезём их в прекрасные приграничные районы, которые в то же время больше всего нуждаются в заботе, которую может оказать им национал-социализм.

Во всех мероприятиях движения «Сила через радость», выходящих за пределы нашей родины, мы заботимся о наших немецких братьях за рубежом. Мы хотим сделать их живым мостом, связывающим нас с другими странами, а наши отдыхающие должны стать посланниками дружбы, чтобы другие страны увидели Германию такой, какая она есть. Поэтому мы привезём в Германию наших братьев, проживающих за границей, и их детей, которые иначе и помыслить не могли бы о посещении Германии. Мы будем использовать наш флот «Сила через радость» зимой и в межсезонье и будем осуществлять эти поездки по очень низким ценам. Во всех этих начинаниях мы не конкурируем ни с какими промышленными предприятиями, поскольку лица, которые будут участвовать в этих поездках, будут тщательно отобраны нами. Если у человека достаточно денег, чтобы позволить себе обычный проезд до Германии, пусть он путешествует обычным способом. Мы предоставляем вышеупомянутые недорогие возможности для посещения Германии только тем, кто не находится в таком удачном положении.

Завершая свои замечания о путешествиях и отдыхе, я хотел бы коснуться одного небольшого беспокойства, которое кое-где царит. В целом, все в восторге от экспедиций «Сила через радость» – как наши хозяева, так и сами отдыхающие. Все полны похвал в адрес этого учреждения, которое, как уже доказано, оказывает во многих отношениях весьма благотворное влияние. Есть лишь одно замечание, которое иногда можно услышать: говорят, что значительную часть отдыхающих составляют люди, которые и без нас могли бы отправиться в отпуск. Но это возражение необоснованно. Мои сотрудники исследовали состав большого количества поездов. Это было легко сделать, поскольку каждый участник опрашивается с помощью специальной подробной анкеты. Результат исследования всех праздничных поездов из четырёх округов оказался следующим: не менее 50% пассажиров были рабочими, занятыми в промышленности. Остальную часть составляли мелкие служащие, независимые торговцы, люди с частным доходом, представители свободных профессий и т.д. Я также могу привести цифры относительно доходов отдыхающих, путешествующих по программе «Сила через радость». Исследование этих же поездов показало, что треть всех отдыхающих имела доход менее 100 марок в месяц. Другая треть зарабатывала от 100 до 150 марок в месяц. Доход остальных был выше, но в среднем составлял от 150 до 250 марок в месяц. Только 6% зарабатывали более 250 марок. В этой категории мы видим преимущественно многосемейные супружеские пары, которые, ввиду высоких расходов, имеют право участвовать в поездках по программе «Сила через радость».

Мы должны достичь точки — и все до сих пор указывает на то, что мы ее достигнем —

Когда поездка из Берлина в Рюген с проездом туда и обратно и восьмидневным отдыхом на море стоит всего 12 марок. Конечная цель такова: исходя из нынешней численности населения Германии, мы должны иметь возможность ежегодно отправлять 14 миллионов работающих мужчин и женщин в поездки для отдыха продолжительностью от 12 до 14 дней. Существующие транспортные и жилищные условия совершенно недостаточны для решения этой задачи. Сегодня они уже достигли предела возможностей. Когда мы предсказывали это два года назад, над нами смеялись.

Поэтому мы безотлагательно приступим к строительству новых жилых помещений и новых кораблей. В течение следующих трёх лет Германский трудовой фронт возведёт здания стоимостью 100 миллионов марок. Среди них будет морская купальня на острове Рюген на 20 000 мест со всеми необходимыми условиями для отдыха. Планы и модели этого уникального предприятия уже разработаны. Мы обязаны ими великодушному распоряжению нашего вождя, Адольфа Гитлера. Кроме того, мы построим два судна на 1500 мест каждое, без общих спален, все каюты будут двух- или четырёхместными, каждая с иллюминатором, а весь корабль будет оснащён палубой непревзойдённой вместимости. В дополнение к двум судам, «Der Deutsche» и «Sierra Cordoba», которые у нас уже есть, этой весной мы приобретём ещё четыре судна аналогичного размера. Помимо этих проектов, количество мест в загородных домах отдыха, уже принадлежащих Трудовому фронту, будет увеличено до 30 000. Когда через три года всё будет завершено, мы сможем разместить 1,2 миллиона человек на наших собственных курортах. Конечно, частные гостиничные и ресторанные услуги всегда будут пользоваться привилегиями. Поэтому мы будем упорно работать над достижением конечной цели, пока последний работающий немец не сможет в полной мере удовлетворить свои законные права на отдых и отпуск.

Среди различных подразделений национал-социалистического сообщества «Сила через радость» спорт занимает особое место. На него возложена благородная, но бесконечно трудная обязанность – превратить свободный вечер немецкого рабочего, проведенный за весёлыми занятиями физкультурой, в источник силы и отдыха. Сегодня, после двух лет работы, мы можем с удовлетворением констатировать, что результат намного превзошёл наши ожидания. Более трёх миллионов человек прошли 8500 организованных нами занятий по различным видам спорта (плавание, гимнастика, лёгкая атлетика, лыжи и т.д.). Медицинские центры по спортивным вопросам и специальные курсы для людей с физическими недостатками помогают подготовить даже последних из наших соотечественников. Наши парусные экспедиции в открытом море всегда были полностью забронированы, и многие заявки были отклонены. В этом направлении мы также будем расширять нашу работу и, в частности, осуществлять путешествия с более широким радиусом действия, чем в прошлом году. Этой зимой, на момент написания статьи, в самых красивых регионах Германии для любителей зимних видов спорта проходят обучающие курсы по катанию на лыжах; в них примут участие 35 000 человек. В рамках этих курсов предлагается 30 000 лыжных комплектов «Сила через радость», состоящих из лыж с ремнями, ботинками и прикладами, по цене 35 марок. Эта цифра может показаться высокой, но в прошлом году в розницу было продано 18 000 комплектов. 42 000 отдыхающих «Сила через радость» с энтузиазмом следили за Олимпийскими играми в Гармиш-Партенкирхене, которых доставили к месту проведения наши поезда «Сила через радость».

Для бесчисленных немцев это означало исполнение давней и, казалось бы, несбыточной мечты: в современной Германии спорт — это уже не просто рекорды для избранных или более обеспеченных людей, а национальное увлечение. Уже ощущается нехватка подходящих площадок для тренировок, и приток людей в «Силу через радость»

Спортивные программы поддерживаются стабильно. Третий год, как показывает опыт прошлого, вновь продемонстрирует баланс, который докажет, что в Германии культивируется не только чемпионатный спорт, но и, что ещё важнее, массовая тренировка тела. Мы не успокоимся, пока даже 50- и 60-летние не станут считать спорт или физическую подготовку повседневной необходимостью.

Недавно созданное отделение «Сила через радость» по вопросам школьного и народного образования начало свою практическую работу совсем недавно. Но за несколько месяцев своего существования оно уже оказало ценную услугу немецкому народу, прочитав тысячи лекций, организовав библиотеки, в которых хранятся сотни тысяч книг, а также организовав всевозможные визиты и экскурсии.

До прихода к власти Национал-социалистической партии миллионы немецких мужчин и женщин никогда не видели театра изнутри. Им не только казалось вполне естественным не ходить в театр, но и, под влиянием марксизма, у них был такой комплекс неполноценности, что посещение театра казалось им даже не соответствующим их социальному положению. Здесь также произошли фундаментальные изменения. Культурные ценности нации больше не будут привилегией имущих классов. Одна случайно выбранная цифра ярко иллюстрирует весьма значительное с точки зрения культурной политики значение работы, проделанной только в «Большом Берлине»: с 1 декабря 1934 года по 30 ноября 1935 года движение «Сила через радость» привело в театр более полутора миллионов берлинских рабочих. Как бы ни была поразительна эта цифра, мы гораздо лучше осознаём её истинную ценность, когда вспоминаем, что речь идёт о мужчинах и женщинах, которые никогда или почти никогда не ходили в театр. Таким образом, эти люди представляют собой дополнительную поддержку театра. Причины, по которым они никогда раньше не посещали театр, были преимущественно экономическими. Рабочий или служащий с ежемесячным доходом от 100 до 200 марок был просто не в состоянии платить обычные театральные билеты за себя и свою жену.

В результате наших щедрых мер театр и концертный зал завоевали покровительство широких масс – тех, кто знал эти учреждения лишь понаслышке и относился к ним с полным безразличием. Этот факт нельзя игнорировать, и он, конечно же, благоприятно сказывается на частных театрах, которые не посещает «Сила через радость».

Исследования, проведённые нами в начале 1934 года на заводе Siemens в отношении посещения театров, подтвердили эти наблюдения. Это легко подтверждается одной-двумя цифрами: 87,6% опрошенных мужчин и 81,3% опрошенных женщин никогда не видели оперы; 63,8% опрошенных мужчин и 74,2% опрошенных женщин никогда не посещали театр. Поскольку эти вопросы задавались всем сотрудникам концерна Siemens, независимо от их личности и должности, от директора до помощника, можно с полным основанием утверждать, что те сотрудники завода, которые уже видели театральные или оперные постановки, относились к экономически более обеспеченным группам работников.

Недавние наблюдения на различных фабриках показывают, что работники физического труда особенно хорошо представлены в мероприятиях, организованных организацией «Сила через радость». Ведётся культурно-просветительская работа, результаты которой станут очевидны позднее.

Только в Берлине семь театров либо полностью, либо преимущественно обслуживают спектакль «Сила через радость». В то время как средняя посещаемость спектакля по Рейху составляет от 60% до 70% от числа доступных мест, билеты на театральные постановки «Силы через радость», к счастью, всегда распроданы задолго до начала спектакля. С таким уровнем посещаемости вряд ли когда-либо сравнится...

Немецкие частные театры.

«Мастер-концерты», впервые представленные год назад, и «Музыкальные часы», которые мы также посещаем, пользуются огромной популярностью. Наши грандиозные концерты, которыми дирижируют известнейшие немецкие дирижёры, обычно распродаются задолго до начала. Среди известных оркестров, принимавших участие в концертах, – Берлинский филармонический оркестр, оркестр региона Берлин (das Landesorchester Gau Berlin) и оркестр Немецкой оперы. Девятая симфония Бетховена дважды исполнялась при полном аншлаге.

В музеях рабочий до сих пор видел исключительно буржуазное учреждение, которое он принципиально не посещал. Поскольку нам было трудно даже заманить рабочего в музей, мы организовали многотысячные вечеринки. Кроме того, мы привнесли искусство на фабрику, организовав выставки работ, которые проводились в большом масштабе и с ещё большим успехом по всему Рейху. Более того, общение с немецкими рабочими даёт художнику мощный импульс для художественного творчества, созвучного духу времени.

Через несколько лет на каждом крупном заводе будет организована постоянная экспозиция. Каждый год миллионы немцев смогут любоваться работами немецких художников. Таким образом, мы добились того, что немецкий художник отправился туда, куда стекаются рабочие массы страны, то есть на заводы и фабрики; и что за свои труды и художественные сокровища, которые он приносит работникам физического труда, художник щедро вознаграждается стимулом, который его художественное творчество получает от соприкосновения с рабочими и с машинным цехом.

В общей сложности 66 000 мероприятий «Сила через радость» посетили 25 миллионов человек. На наших кинофургонах мы посетили одинокие деревни и уголки Германии, скрытые в лесах и необработанных землях, чтобы подарить нашим братьям там, хоть раз в жизни, приятную перемену и отдых от тягот и усталости дня.

Но наша деятельность простирается ещё дальше. На тысячах и тысячах фабрик за долгие годы грязь забила в укромные уголки, и никто даже не подумал о том, чтобы сделать рабочее место красивым. Люди настолько привыкли к грязным, тесным и душным рабочим помещениям, что воспринимали их как нечто само собой разумеющееся.

В этом, с новой смелостью и энергией, отдел Красоты в Работе принял участие. Свежий ветер пронёсся по всем фабрикам и смел грязь и пыль с окон и из каждого уголка дворов и фабрик. Более 200 миллионов марок было потрачено управляющими, очень часто с помощью самого персонала завода, на то, чтобы сделать работу, по настоянию отдела Красоты в Работе, пригодной для людей. Там, где раньше валялся старый хлам и мусор, сегодня есть маленькие сады, зеленые участки, аккуратные дворики, спортивные площадки, светлые и просторные рабочие помещения, бассейны, туалеты и душевые. За последние два года были созданы рабочие места, которые приятно видеть. К настоящему времени было рассмотрено около 17 000 фабрик. Наряду с бесчисленными улучшениями большей или меньшей важности было построено следующее: 4314 столовых и общественных комнат для персонала завода; 1580 декоративных площадок; 276 спортивных площадок; и 93 плавательных бассейна.

Эта работа, которую сегодня проводит «Сила через радость» на фабриках, автоматически отражается и на жилище немецкого рабочего. Ведь человек, привыкший к красивому и чистому рабочему месту, будет чувствовать себя комфортно только в красивом и чистом доме.

Строительство групп заводов на заводах развивается очень быстро. Идея заключается в сварке
*****электронных конвертеров DEMO водяных знаков*****

члены НСДАП и ее филиалов на заводе вместе с лучшими рабочими в возрасте от 18 до 25 лет в прочный, несокрушимый блок, чтобы даже в периоды кризиса, в союзе с руководителями «ячейки» и «блока», поддерживать живую идею общности.

Кроме того, эти рабочие группы должны формировать новые обычаи на фабрике и вдохновлять на проведение таких мероприятий, как инспекции и общественные вечера.

Что касается организации «Сила через радость», можно привести следующие данные: национал-социалистическое сообщество «Сила через радость» разделено на 32 региона, 771 район и 15 051 местную группу с равным числом местных старост. К ним добавляются старосты заводов, работающие непосредственно на фабриках, всего 57 000 человек. Все эти 75 000 сотрудников оказывают свои услуги «Силе через радость» безвозмездно.

В организации «Сила через радость» работает всего 2547 штатных сотрудников.

Это грандиозное начинание, которое в первые два года нуждалось в субсидиях Германского трудового фронта, в этом году, как мы надеемся, обретёт независимость. Это, пожалуй, самый примечательный и самый интересный факт, особенно если учесть, что сумма денег, мобилизованных и выпущенных в обращение организацией «Сила через радость», превышает миллион рейхсмарок, в то время как итальянское «Дополаворо» даже приблизительно не достигло этого уровня, а американская организация досуга и вечерних мероприятий нуждается в весьма значительных субсидиях; в то время как все марксистские усилия – будь то в старой Германии, большевистской России или индустриальных странах Запада – везде потерпели полную неудачу. Национал-социализм на верном пути.

Немецкие зимние спасательные работы

Макс Хангер

Т Зимняя помощь пострадавшим, организованная Национал-социалистической партией и с энтузиазмом поддержанная всей нацией, стала признанным институтом Третьего рейха и благословением для многих миллионов нуждающихся, ослабленных и больных мужчин, женщин и детей.

В то время как государство посредством прямых действий делает всё возможное для борьбы с безработицей и преодоления бедственного положения, предоставляя работу в широких масштабах, у него пока не было достаточно времени, чтобы найти работу для каждого трудоспособного мужчины и женщины, желающего работать, хотя оно и совершило почти невероятное чудо перед лицом трудностей в мировой торговле, сократив число безработных за три года с 7 миллионов до менее чем 2 миллионов. Но, как и в каждой семье, у него всегда будут свои бедные.

Социальное законодательство и государственная помощь сделали и делают очень многое для облегчения потребности, но эти институты не могут полностью устранить потребность.

Именно для помощи всем тем, чьи средства к существованию находятся чуть ниже черты бедности, была создана программа «Зимняя помощь». «Зимняя помощь» не заменяет государственную помощь, а, скорее, дополняет её.

Когда 30 января 1933 года национал-социализм пришел к власти, государство, как выразился доктор... Геббельс описывал это так: «поле руин», политический хаос, пустая казна и каждый пятый, получающий пособие.

Потребовались мужество и железная воля, чтобы справиться с почти безнадежной ситуацией, которую прежние правительства тщетно пытались исправить. То, как были решены эти гигантские проблемы, уже вошло в историю, но навсегда останется в памяти как удивительный пример смелого и конструктивного государственного управления.

Ядро великого Национал-социалистического благотворительного объединения было сформировано уже весной 1932 года, но его реальная деятельность началась лишь после прихода партии к власти. Первое официальное мероприятие объединения состоялось 6 мая 1933 года, когда в присутствии фюрера главный комиссар Гильгенфельдт, возглавивший организацию, огласил указ фюрера, утверждавший объединение в качестве официального партийного органа, уполномоченного решать все вопросы, связанные с общественным благосостоянием и помощью.

Ассоциация впервые была призвана к действию в день рождения фюрера 20 апреля, когда ей было поручено раздать продуктовые наборы безработным, и 1 мая, когда она провела первый уличный сбор средств в праздничный фонд для детей.

Летом того же года Ассоциация получила исполнительные полномочия для организации Зимней помощи, запланированной фюрером, и сразу же приступила к организационной подготовке к этому великому делу. 13 сентября фюрер открыл кампанию, заявив, что никто в Германии не должен страдать от голода и холода зимой, а доктор Геббельс в своей прощальной речи сказал, что эта Зимняя помощь должна быть осуществлена...

Самыми чистыми и порядочными методами, какие только можно себе представить, и что в знак сочувствия бедным вся нация должна в первое воскресенье каждого месяца получать «одно блюдо на ужин», а разницу в стоимости обычного обеда отдавать на нужды нуждающихся. Начало зимних спасательных работ было назначено на 1 октября, а 16 сентября главный комиссар Гильгенфельдт с 36 помощниками отправился в предоставленные ему помещения в здании Рейхстага.

В речи, произнесённой 11 декабря 1935 года, Хильгенфельдт описывает некоторые трудности, с которыми ему пришлось столкнуться при организации порученной ему работы. С самого начала было ясно, что успех предприятия зависит от создания эффективного механизма сбора и распределения продовольствия и от активного участия в нём всей нации. Поэтому необходимо было пробудить в равнодушных и безразличных более высокое чувство гражданственности, а в эгоистичных – новый альтруизм; необходимо было донести до каждого немца, что истинное товарищество основано на самопожертвовании и взаимопомощи. Фюрер, открывая зимнюю кампанию помощи, заявил: «Эта великая акция против голода и холода должна проводиться под девизом: Интернациональная солидарность пролетариата сломлена нами. На её место мы воздвигнем живое национальное единство немецкого народа».

Хильгенфельдт с самого начала осознал, что организация, чтобы быть эффективной, должна быть гибкой в своем применении к потребностям и приспосабливаться к изменяющимся условиям реальной нужды, которую она призвана удовлетворять.

«Никто не должен страдать от голода и холода!» Таков был приказ фюрера, данный его доверенным лицам.

Как это было сделать? Необходимо было позаботиться примерно о 17 миллионах человек: почти о трети всего населения Германии. Действительно, задача не из лёгких! Однако главный комиссар Гильгенфельдт понимал, что, прежде всего, он может рассчитывать на преданное сотрудничество примерно 30 000 местных отделений партии, но он также понимал, что они не смогут функционировать удовлетворительно, если не будут заранее разработаны подробные планы, учитывающие все возможные обстоятельства.

По этой причине он призвал на помощь экспертов в области финансов, промышленности, транспорта, картофеля, муки и угля; он также использовал существующие благотворительные организации – церковные миссии, Германский Красный Крест, Корпус экстренной технической помощи, – вплоть до небольшой группы энтузиастов, называемых «адвентистами». Это была всеобщая мобилизация всех сил, обученных и опытных в оказании общественной помощи, и тех, кто был готов и хотел помогать в качестве почётных работников, независимо от партийной принадлежности и общественного положения.

Каждое местное отделение партии по всей стране собирало и хранило имена всех нуждающихся в дополнительной помощи. По мере расширения работы к каждому местному отделению была присоединена специальная секция Национал-социалистической благотворительной ассоциации, где мужчины и женщины всех сословий работали вместе, объединенные общей целью.

При организации помощи необходимо было изучить и учесть особые потребности различных районов. Поскольку образ жизни в разных округах был различным, даже в плане продовольствия, а неблагополучные районы в основном совпадали с густонаселёнными промышленными центрами, Ассоциация должна была принять меры для удовлетворения всех этих особых потребностей. Эти трудности лучше всего проиллюстрировать на конкретном примере: например, население Рейнско-Вестфальской провинции привыкло к употреблению жёлтого картофеля; то же самое относилось к Эссену и Гамбургу; следовательно, весь белый и красный картофель приходилось отправлять в другие части Германии, где он пользовался спросом, особенно в Баден.

Сбор и распределение картофеля создавали огромную нагрузку на ресурсы организации из-за неравномерных местных потребностей населения. Например, в Баварию, которая в отношении картофеля является самодостаточной, поставки практически не производились, тогда как округу Эссен требовалось дополнительное количество в 1,45 млн центнеров, а Саксонии – 0,92 млн центнеров. Среди других городов и районов, нуждавшихся в дополнительных поставках, были Берлин, Центральная Германия, Рейнско-Вестфальские промышленные районы, Баден и некоторые районы Вюртемберга. В течение кампании 1933/34 года было собрано и распределено около 60 000 железнодорожных вагонов картофеля. Из этого количества только Берлин ежедневно получал 700-800 вагонов. Месячный рацион картофеля составлял около 30 фунтов на душу населения. Однако, поскольку лишь около трети населения получала дополнительную помощь, пайка на душу населения составляла около 100 фунтов в месяц. Аналогичные условия существовали и в отношении потребности в топливе и его распределения.

В некоторых районах сжигают преимущественно древесину, в других – торф, уголь или лигнитовые брикеты. Естественно, печи и плиты специально приспособлены к используемому топливу. Поэтому необходимо было позаботиться о том, чтобы каждый населённый пункт был обеспечен необходимым топливом в достаточном количестве. Количество топлива, выделяемое каждому домохозяйству, рассчитывалось так, чтобы его хватило для отопления одной комнаты на всю зиму. Семьям с 3-4 детьми выделялось достаточно угля для отопления двух комнат на протяжении всей зимы.

Для перевозки всего необходимого топлива в 1933/34 году потребовалось около 140 000 железнодорожных вагонов, а количество угля составляло около 16% от общего количества топлива, потребляемого в Германии. Количество угля, поставленного зимой одной семье с двумя детьми, составляло около 9 центнеров, в то время как каждое домохозяйство в шахтёрских районах, где уголь сжигался более расточительно, получало за тот же период около 22 центнеров.

Распределение угля осуществляется местными торговцами углем. Лица, имеющие право на льготы, получают ордера на поставку 1 центнера каждый. Ордера передаются торговцу углем, который затем доставляет уголь за небольшую плату за доставку. Получатели, не имеющие возможности оплатить доставку, получают уголь бесплатно.

Возможно, лучшее представление о масштабах поставок угля можно получить, если объяснить, что для добычи необходимого для зимних спасательных работ количества угля шахтерам бассейна Саара потребовалось бы три месяца работы.

Зимняя помощь также включает в себя поставку обуви и одежды. Длина материала, используемого для общей длины одежды составит около 5000 миль.

Помимо картофеля, раздаются и другие продукты питания: рис, мука, какао, молоко, жиры, мясо, рыба и другие съестные припасы. Предоставляется также бесплатное питание, а на Рождество для молодёжи устанавливаются ёлки. В 1933/34 году только в Берлине было роздано 300 000 рождественских ёлок.

Для сбора пожертвований, необходимых для закупки всех этих огромных запасов, применялись различные способы: уличные сборы, в которых в качестве сборщиков принимают участие даже высшие государственные должностные лица, бенефисы, общественные мероприятия, уличные лотереи, ежемесячные сборы «на одно блюдо», раздача фунтовых посылок с продуктами, общественные подписки, особые подоходные сборы, частные сборы, уличная продажа значков и т. д. и т. п.

Тщательность организации лучше всего иллюстрирует метод, при котором «одно блюдо» В Берлине проводятся мероприятия по сбору «рагу».

В Берлине около 125 000 домов. Для каждого дома составляется список жителей, и в каждом доме каждая семья или отдельный жилец опрашивается и собирает деньги. Пожертвование, в зависимости от возможностей жертвователя, вносится им в список, который в течение нескольких часов возвращается в местное отделение вместе с собранной суммой. Только в Берлине в среднем 140 000 добровольцев участвуют в зимних спасательных работах.

Следует также отметить, что изготовление значков и сувениров, продаваемых на улицах по особым случаям, давало работу и пропитание многим безработным в пострадавших промышленных районах. Зимой 1933/34 года, например, были размещены заказы на сумму 4 миллиона марок у производителей Баварского Леса, Тюрингии и Саксонии, не была забыта и Восточная Пруссия с её янтарной промышленностью. В 1934/35 году стоимость этих заказов была увеличена до 5 миллионов марок.

Помощь предоставляется всем лицам, имеющим на нее право, независимо от расы или национальности.

Например, в 1933/34 году помощь получили 69 336 иностранцев, из которых 29 108 были евреями. Только в Берлине Зимняя благотворительная работа оказывала помощь 13 818 евреям и 8054 иностранцам. Общая сумма, собранная в рамках Зимней благотворительной работы, составила:

in 1933/34	Mks.	357,136,040.71
in 1934/35		367,425,484.89
in 1935/36		370,000,000.00

Количество оказанных помощи распределилось следующим образом:

in 1933/34	16,617,681
in 1934/35	13,866,571
in 1935/36	12,923,247

Особого упоминания заслуживает беспрецедентная помощь, оказанная фермерами в ходе зимних спасательных работ. Вот несколько цифр: например, в 1933/34 году Померания поставила 841 477 центнеров картофеля.

in Kurmark	1,600,000 cwt.
in Saxony	447,000 cwt.

Все грузы для зимних спасательных работ были доставлены Государственной железной дорогой бесплатно. В кампанию 1933/34 г. вклад государственных железных дорог в этой связи составил 14 672 957 мкс, а общий вес перевозок составил 59 025 995 ц.

Число почетных помощников, участвовавших в зимних спасательных работах, достигало в среднем 1,5 миллиона человек в год, в то время как в администрации этой организации было занято следующее количество должностных лиц, клерков и т. д.:

in 1933/34	4,116
------------	-------

in 1934/35	5,398
------------	-------

in 1935/36	about the same number
------------	-----------------------

Общая стоимость администрирования составляет чуть менее 1% от общей выручки.

Фюрер и рейхсканцлер Адольф Гитлер, принимая 27 мая прошлого года главного комиссара Хильгенфельдта в сопровождении его основных сотрудников, выразил свою высокую оценку работе, проделанной организацией, и когда он заключил, что «зимняя помощь является уникальным историческим подвигом социальной работы», он лишь выразил чувства каждого истинного немца в отношении этого великого национального усилия взаимной доброй воли и личного самопожертвования.